

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ №3 (45) 2020

2020

3(45)

Ψλ



---

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

3 (45) 2020  
Москва

---

# JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

3 (45) 2020  
Moscow

## **СОУЧРЕДИТЕЛИ:**

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН  
ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423  
ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)  
DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

## **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Тарасов Евгений Федорович**, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Уфимцева Наталья Владимировна**, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Терентий Ливну Михайлович**, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

**Балясникова Ольга Вениаминовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Сергей Валерьевич**, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

**Жукова Лариса Станиславовна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Марковина Ирина Юрьевна**, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

**Митирева Любовь Николаевна**, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

## **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Ардилла Альфредо**, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

**Ахутина Татьяна Васильевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

**Гриценко Елена Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

**Демьянков Валерий Закиевич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

**Залевская Александра Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

**Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

**Кирилина Алла Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

**Ли Тоан Тханг**, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

**Мартин Ф. Линч**, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

**Мягкова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

**Овчинникова Ирина Германовна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

**Пильгун Мария Александровна**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Поляков Федор Борисович**, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

**Стернин Иосиф Абрамович**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

**Харченко Елена Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

**Чжао Цюе**, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

**Черниговская Татьяна Владимировна**, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

**Шапошникова Ирина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

**Шаховский Виктор Иванович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Москва 2020

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2020

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2020

© Авторы, 2020

Подписано в печать 25.09.2020. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л.10,7 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

### **COFOUNDERS:**

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY  
Registration number № ФС 77-38423  
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)  
DOI: 10.30982/2077-5911

### **EDITORIAL BOARD**

**Evgeny F. Tarasov**, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Ufimtseva**, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Liviu M. Terenty**, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

**Olga V. Balyasnikova**, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Sergey V. Dmitryuk**, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

**Larisa S. Zhukova**, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Irina Yu. Markovina**, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

**Lubov N. Mitireva**, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

### **ACADEMIC ADVISORY BOARD**

**Alfredo Ardila**, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)

**Tatyana V. Akhutina**, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

**Elena S. Gritsenko**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

**Valery Z. Demyankov**, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Dmitryuk**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

**Alexandra A. Zalevskaya**, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

**Vladimir I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

**Alla V. Kirilina**, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

**Ly Toan Thang**, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

**Martin F. Lynch**, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

**Elena Yu. Myagkova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

**Irina G. Ovchinnikova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

**Maria A. Pilgun**, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Fedor B. Polyakov**, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

**Iosif A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

**Elena V. Kharchenko**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

**Zhao Qiuye**, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

**Tatiana V. Chernigovskaya**, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

**Irina V. Shaposhnikova**, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

**Viktor I. Shakhovskiy**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2020

© Institute of Linguistics of Russian Academy Of Sciences, 2020

© Moscow International Academy, 2020

© Authors, 2020

## IN MEMORIAM

Памяти Ю.Н. Караулова	8
-----------------------	---

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<b>Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (Москва)</b> Идиоматика Достоевского глазами носителя современного русского языка	11
<b>Бубнова И.А. (Москва)</b> Песня как зеркало государственной морали и инструмент конструирования мировоззрения личности	28
<b>Демьянков В.З. (Москва)</b> <i>Возможное и вероятное</i> в испанском корпусе	41
<b>Коробова М.М., Ружицкий И.В., Шепелева С.Н. (Москва)</b> Последний проект Юрия Николаевича Караулова (идиоглоссарий Достоевского: как всё начиналось)	53
<b>Красных В.В. (Москва)</b> Архаические слои сознания современной языковой личности (на примере базовой метафоры <i>жидкость</i> )	70
<b>Норман Б.Ю. (Минск)</b> Понимание сокращенного или неоднозначного высказывания: сочетание вербального и реального опыта читателя	85
<b>Осокина Е.А. (Москва)</b> Некоторые особенности идиостиля Достоевского, Платонова, Пелевина: степень объективности при описании и толковании текста	96
<b>Стернин И.А. (Воронеж)</b> Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов	110
<b>Тарасов Е.Ф. (Москва)</b> К проблеме функционирования языка	126
<b>Чернейко Л.О. (Москва)</b> «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста)	137
<b>Чулкина Н.Л. (Москва)</b> Творческая языковая личность ученого-гуманитария Георгия Гачева	153

## НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

<b>Ушакова Т.Н. (Москва)</b> Рождение осмысленного слова у ребенка раннего возраста	169
--	-----

## РЕЦЕНЗИИ

<b>Никуличева Д.Б. (Москва)</b> Сигал К.Я. Теория словосочетания и речевая деятельность / К.Я. Сигал; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М. Ярославль: Издательство «Канцлер», 2020. – 418 с.	183
--	-----

## ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал	191
---	-----

### IN MEMORIAM

In Memory of Yuriy N. Karaulov	8
--------------------------------	---

### THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

<b>Anatoliy N. Baranov, Dmitriy O. Dobrovolskiy</b> ( <i>Moscow</i> ) Idioms of Dostoevsky from the Perspective of the Present-Day Speaker of Russian	11
<b>Irina A. Bubnova</b> ( <i>Moscow</i> ) The Song as a Mirror of State Morality and a Tool for Constructing the Personal Belief System	28
<b>Valeriy Z. Demyankov</b> ( <i>Moscow</i> ) On ‘ <i>Possible</i> ’ and ‘ <i>Probable</i> ’ in Spanish Corpus	41
<b>Marina M. Korobova, Igor V. Ruzhitskiy, Svetlana N. Shepeleva</b> ( <i>Moscow</i> ) The Last Project of Yuriy N. Karaulov (Idioglossary of Dostoevsky: How It All Began)	53
<b>Victoria V. Krasnykh</b> ( <i>Moscow</i> ) Archaic Layers of Consciousness of a Modern Linguistic Personality (A Case Study of the Basic Metaphor <i>Liquid</i> )	70
<b>Boris Yu. Norman</b> ( <i>Minsk</i> ) Understanding Compressed or Ambiguous Phrase: Combination of Verbal and Real Reader’s Experience	85
<b>Elena A. Osokina</b> ( <i>Moscow</i> ) Some Features of the Idiostyle of Dostoevsky, Platonov, Pelevin: Degree of Objectivity When Describing and Interpreting the Text	96
<b>Joseph A. Sternin</b> ( <i>Voronezh</i> ) Interpretation Problems of Associative Experiments	110
<b>Evgeniy F. Tarasov</b> ( <i>Moscow</i> ) On the Language Functioning	126
<b>Lyudmila O. Cherneyko</b> ( <i>Moscow</i> ) “Probable World” of the Linguistic Persona (As Applied to Literary Text Analysis)	137
<b>Nina L. Chulkina</b> ( <i>Moscow</i> ) Creative Language Personality of the Scientist-Humanitarian Georgi Gechev	153

### SCIENTIFIC REVIEWS

<b>Tatyana N. Ushakova</b> ( <i>Moscow</i> ) The Birth of an Implemented Word in a Young Child	169
---	-----

### REVIEWS

<b>Dina B. Nikulicheva</b> ( <i>Moscow</i> ) Seagal K. Ya. Phrase Theory and Speech Activity / K. Ya. Seagal; Russian Academy of Science, Institute of Linguistics. – M. Yaroslavl: Kancler, 2020. – 418 p.	183
--	-----

### INFORMATION

Manuscript Submission Requirements	191
------------------------------------	-----





**ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАУЛОВ**  
(1935 – 2016)

### Памяти Ю.Н. Караулова

26 августа этого года Юрию Николаевичу Караулову исполнилось бы 85 лет. «Исполнилось бы», потому что уже четыре года его нет с нами. Конечно, и 81 год – возраст достаточно солидный, но получилось так, что именно в эти четыре года научные идеи Юрия Николаевича получили действительное признание и распространение в отечественной лингвистике во всех её ипостасях (когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии, лексикографии (общей и авторской), компьютерной лингвистике).

Член-корреспондент РАН, директор одного из ведущих научных институтов – Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (1982–1996 гг.), директор «Научного центра русского языка» в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) (с 2001 по 2016 гг.), основоположник и руководитель ведущей научной школы «Русская языковая личность» (с 1996 г.), Юрий Николаевич Караулов – ученый чрезвычайно широкого диапазона, выдающийся представитель отечественной гуманитарной науки, крупный специалист в области теории языка и русистики. На его счету более 300 научных работ по проблемам русского и общего языкознания, в том числе 13 монографий и 11 словарей.

Исследовательская деятельность ученого связана с тремя научными направлениями: это теория языковой личности, ассоциативная лингвистика и теория и практика лексикографии. Тесно связанные друг с другом, они нашли отражение в таких известных трудах Ю.Н. Караулова, как «Общая и русская идеография» (1976), «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (1981), «Русский язык и языковая личность» (1987, 2002, 2003, 2004), «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности» (1992), «Ассоциативная грамматика русского языка» (1993), «Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования» (2009) и во многих словарях принципиально нового типа – семантических, ассоциативных, метафор, художественной речи.

Утверждение и распространение научных идей, разрабатываемых Ю.Н. Карауловым, происходило в непростой обстановке в российском языкознании, когда в нем господствовало системноцентрическое направление, а все исследования, выходящие за рамки этой парадигмы, объявлялись «экстралингвистическими». В такой ситуации от Юрия Николаевича потребовалось большое мужество и твердая уверенность ученого в том, что нельзя изучать язык человека, без учета языковой говорящей личности. С тезиса «За каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка», заявленного Ю.Н. Карауловым в 1987 году в его монографии «Русский язык и языковая личность», в отечественном языкознании начала утверждаться антропоцентрическая парадигма. В то же время этот тезис открыл возможность «мирного сосуществования» ученых, исследующих язык во всех трех ипостасях: язык-система, язык-текст и язык-способность. При этом исследовательский интерес во всех гуманитарных областях (истории, социологии, лингвистике) переместился от элитарного человека, от «авторитета» к простому смертному, к «миноритету», и от жизни в эпохальном историческом времени – к обыденному существованию человека в его рутинной повседневности.

Ещё одна колоссальная заслуга Юрия Николаевича Караулова перед отечественной лингвистикой – это создание «Машинного фонда русского языка» как системы

## **In Memoriam**

---

комплексной автоматизации лингвистических исследований. Ю.Н. Карауловым определены методологические основы построения фонда. Работа над проектом скоординировала и объединила усилия многих ученых разных специальностей над решением проблем представления русского языка в новой информационной компьютерной среде. Сегодня уже невозможно представить исследовательскую работу ученых-лингвистов без использования компьютерных технологий. Но тогда, в 80-х годах XX века, Юрию Николаевичу внедрение этого проекта в жизнь стоило колоссальных усилий.

Особо следует отметить создание серии уникальных словарей нового типа: Русского ассоциативного словаря, Славянского ассоциативного словаря, представляющих собой модель языкового сознания наивного носителя русского и других славянских языков.

Проявлением широты лексикографического кругозора Ю.Н. Караулова стало его обращение к авторской, писательской лексикографии и созданию новой концепции авторского словаря – «Словаря языка Достоевского». Центральная идея этой концепции – идея дифференциально-распределительного представления лексического строя идиолекта Достоевского в серии словарей языка писателя, которые образуют своего рода сеть, содержательные характеристики которой исчерпывающим образом «покрывают» свойства и особенности языка Достоевского. Этой колоссальной по замыслу и его воплощению работе Юрий Николаевич посвятил последние годы своей жизни.

Список оригинальных и глубоких идей выдающегося ученого можно было бы продолжить. Многими из этих идей Юрий Николаевич щедро делился со своими коллегами и учениками – аспирантами, докторантами и студентами. Ведь помимо научной и административной работы, Ю.Н. Караулов много лет вели преподавательскую работу в Российском университете дружбы народов и в Московском государственном лингвистическом университете. И теперь уже не только его ученики развивают эти идеи, но и его «научные внуки» – ученики учеников.

В год юбилея Юрия Николаевича Караулова мы снова с теплым чувством и благодарностью вспоминаем этого талантливого, яркого ученого и замечательного человека.

*Коллеги и ученики*

Третий номер «Вопросов психолингвистики» за 2020 год полностью посвящен юбилею Юрия Николаевича Караулова. Все статьи, представленные в нем, написаны специально для этого выпуска.

Тема номера: *«Языковая личность: текст, словарь, образ мира».*

# ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1'373 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-11-27

## ИДИОМАТИКА ДОСТОЕВСКОГО ГЛАЗАМИ НОСИТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА<sup>1</sup>

**Баранов Анатолий Николаевич**

доктор филологических наук, профессор,  
заведующий отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка  
им. В.В. Виноградова РАН  
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2  
*baranov\_anatoly@hotmail.com*

**Добровольский Дмитрий Олегович**

доктор филологических наук, профессор,  
главный научный сотрудник  
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН  
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2  
главный научный сотрудник  
Института языкознания РАН  
125009, Москва, Бол. Кисловский пер., 1, стр. 1  
*dobrovolskij@iling-ran.ru*

В статье рассматриваются особенности художественного стиля Достоевского, проявляющиеся в сфере идиоматики. Тезаурус современных русских идиом сравнивается с составом и употреблением идиом в корпусе текстов Достоевского. Проведенное исследование показывает, что процент покрытия таксонов тезауруса современной идиоматики идиомами Достоевского сравнительно невелик (максимальное покрытие порядка 44 %), что, однако, не указывает на существенные количественные изменения состава идиом в лексиконе за последние полтора века. Не было обнаружено убедительной корреляции между частотой употребления идиом, входящих в таксон или кластер, и их относительным покрытием. Однако для некоторых таксонов такая связь была установлена. Высокий ранг в количественных иерархиях некоторых таксонов или кластеров объясняется значимостью соответствующих семантических областей для творчества Достоевского. К ним относятся Ценности, Эмоциональные состояния и Мышление, сознание... Интересно, что значимость этих областей проявляется и в сфере фразеологии.

**Ключевые слова:** стиль Достоевского, фразеология, идиоматика, корпусные методы, количественные методы, лингвистический эксперимент, тезаурус, семантическое поле

### Введение

Научные интересы Ю.Н. Караулова были тесно связаны с экспериментом как методом познания. Фундаментальный «Русский ассоциативный словарь» (далее – РАС), а

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

также «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» [Добровольский, Караулов 1994] создавались в результате серии экспериментов, в основе которых лежали опросы носителей языка. Экспериментальный характер носил и «Частотный словарь семантических множителей русского языка» [Караулов 1980], вызвавший в свое время широкую дискуссию о применимости компьютерных методов исследования языка.

Особняком стоит интересный и необычный эксперимент: моделирование понимания современного художественного текста читателем первой трети XIX в. – «Маканин глазами Пушкина» [Караулов 1992]. Такой взгляд на проблему понимания естественного языкового текста позволяет выявить различные стороны языковой способности человека, влияние на понимание модели мира, а также определить, в какой степени эволюция языковой системы (лексики прежде всего) затрудняет понимание текста – известная проблема классической герменевтики. Интересной оказалась и ретроспективная направленность эксперимента – современный текст читался носителем языка начала XIX в.

Следуя традиции, развивавшейся Ю.Н. Карауловым и другими известными учеными, мы выбрали, однако, более традиционное направление – анализ динамики развития фразеологической системы (точнее идиоматики) со времен Достоевского. Разумеется, речь не идет о сплошном исследовании всего этого периода. В качестве исходного материала был выбран тезаурус современной идиоматики [Тезаурус 2007], включающий около 8 тыс. идиом современного русского языка, распределенных по 87 семантическим полям (таксонам). Важной особенностью этого компендиума идиом является его полнота и почти полное отсутствие устаревших идиом (порядка 2 % от словника).

Процедура эксперимента состояла в сопоставлении всех идиом тезауруса современной идиоматики с текстами Достоевского. В результате были выявлены идиомы, присутствующие и в произведениях Достоевского, и в тезаурусе, а также современные идиомы, отсутствующие в текстах Достоевского. Одновременно были выявлены некоторые идиомы или варианты современных идиом, которые присутствуют у Достоевского, но не представлены в тезаурусе. К последним относятся, например, *глаз на глаз, клад в табакерке, в углах, потерять нитку, собрать мысли в точку* и др. Следует отметить, что выявление таких форм не входило в задачи описываемого эксперимента. Это отдельная задача, требующая особого обсуждения.

Цель проведенного эксперимента заключалась в том, чтобы установить, какие семантические поля значимы для Достоевского как творца собственного стиля и одного из основоположников нового стиля русской классической прозы [Баранов, Добровольский 2020], то есть в какой мере то или иное семантическое поле покрывается идиомами, характерными для языка Достоевского. В этом проявляется одна из особенностей художественного стиля этого автора.

### **Подготовка словника тезауруса для эксперимента**

Словник словаря был подготовлен для эксперимента следующим образом: во-первых, были изъяты все обценные и грубые идиомы, поскольку они не могли встретиться в текстах русской классической литературы по этическим и цензурным основаниям.

Во-вторых, идиомы, отсылающие во внутренней форме или в актуальном значении к реалиям советской и современной эпохи (например, *на автопилоте; черный воронки; голубой экран; опизум для народа; колыбель революции; тюрьма народов*). Оставшийся

словник вполне мог быть представлен в лексиконе носителя русского языка второй половины XIX в.

В-третьих, были укрупнены некоторые таксоны тезауруса. Всего тезаурус современной идиоматики в варианте издания [Тезаурус 2007] включает 87 таксонов, которые, в свою очередь, разделяются на более мелкие подтаксоны. Некоторые таксоны – Время, Количество, Пространство, Эмоциональные состояния, Речевые акты и др. – имеют сложную иерархическую структуру – до пяти уровней иерархии. Значительное количество таксонов организовано существенно проще – от одного до двух вложений. Многие таксоны семантически связаны между собой. Так, например, таксон Дружба-вражда по смыслу связан с таксонами Помощь-отсутствие помощи и Конфликт-отсутствие конфликта. Для достоверности количественных оценок целый ряд таксонов были отъединены в более общие кластеры. Так, кластер Ценности включает следующие таксоны: Хорошо – плохо; Важность – неважность; Истинное – ложное; Справедливость – несправедливость; Общественное положение, репутация, статус; Порядок – беспорядок; Свобода – несвобода; Нравственность – безнравственность; Мораль, совесть; Доброта, безобидность, гуманность, смирение; Дружба – вражда. Были объединены также некоторые другие таксоны. В целом их количество было уменьшено до 60.

#### **Типы количественных оценок**

В процессе эксперимента каждая из идиом тезауруса сопоставлялась с корпусом текстов Достоевского, определялось, есть ли идиома в произведениях этого писателя и, если да, устанавливалось количество употреблений. Соответственно, фиксировался общий состав (количество) идиом в каждом таксоне тезауруса (и в объединенных кластерах), а также – тех, которые есть и в тезаурусе, и у Достоевского, что позволило, далее, получить процент покрытия таксона (кластера) в текстах Достоевского. В процессе сопоставления и анализа текстовых материалов обнаруживались также идиомы, присутствующие у Достоевского и отсутствующие в тезаурусе. Эта важная информация также фиксировалась как в отношении состава таких идиом, так и в отношении количества употреблений. Следует отметить, что поиск таких форм не был регулярным и последовательным. Однако статистическая информация о количестве таких форм – особенно для каждого таксона тезауруса и кластера – все равно представляет несомненный интерес. Наконец, следует иметь в виду, что выявленное множество уникальных для Достоевского идиом на самом деле не вполне уникально из-за того, что некоторые из этих идиом могут встречаться и у других авторов XIX в. Этому будет посвящено отдельное исследование в рамках проекта «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского».

Таким образом, в процессе проведения эксперимента мы получили для каждого таксона следующую статистическую информацию:

1. Количество (состав) идиом, присутствующих как в тезаурусе, так и в текстах Достоевского.
2. Количество (состав) идиом, присутствующих в тезаурусе – независимо от того, есть они у Достоевского или нет.
3. Количество (состав) идиом, отсутствующих в тезаурусе, но представленных в текстах Достоевского.
4. Частота употреблений идиом в корпусе Достоевского, присутствующих как в тезаурусе, так и в текстах Достоевского.

5. Частота употреблений идиом, представленных в текстах Достоевского, но отсутствующих в тезаурусе.

Например, для таксона ВРЕМЯ была выявлена следующая статистическая информация:

Таблица №1

Пример типов статистической информации

Таксон	Количество идиом тезауруса, представленных у Достоевского	Количество идиом в тезаурусе	Количество «уникальных» идиом Достоевского	Общая частота употреблений идиом у Достоевского, общих с тезаурусом	Общая частота употреблений «уникальных» идиом Достоевского
Время	169	383	2	2946	2

К числу «уникальных» идиом, представленных в таксоне ВРЕМЯ, относятся, например, вариант идиомы *не к спеху* с отсутствием отрицания. То есть *к спеху*:

(1) «Как же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужна бумага, нужно *к спеху*, а вы ее портите. И как же вы это», – тут его-превосходительство обратились к Евстафию Ивановичу. [Ф.М. Достоевский. Бедные люди].

Как уникальную можно рассматривать форму *во втором пришествии*, коррелирующей с идиомой *до второго пришествия*, которая, однако, имеет иное актуальное значение и соответственно попадает в другой таксон:

(2) – Сколько я понимаю, это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далекого, *во втором пришествии*. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы].

Расширения идиом, радикально не меняющие их значения, в статистике не учитывались как «уникальные». Ср., например, *в цвете лет и сил*:

(3) Но я оттого и записал это, что, мне кажется, всякий это поймет, потому что со всяким то же самое должно случиться, если он попадет в тюрьму на срок, *в цвете лет и сил*. [Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома].

### Оценка частоты употребления

В данном разделе мы рассмотрим некоторые данные об особенностях употребления идиом в корпусе текстов Достоевского. Нас интересовали не отдельные произведения, не общепринятые циклы романов и даже не жанры, а письменная речь этого автора в целом – в той мере, в которой она представлена в полном собрании сочинений под ред. Г.М. Фридлендера и др.<sup>2</sup>

Естественно начать анализ с частоты употреблений идиом, связав ее с выделенными таксонами и кластерами. Первые 10 позиций отражены в таблице №2.

<sup>2</sup> Корпус текстов Достоевского, который послужил основой нашего исследования, сконструирован на базе ПСС Достоевского, выходявшем в Пушкинском доме с 1972 по 1990 годы [ПСС Достоевского].

Таблица №2

Частота употреблений идиом в корпусе Достоевского

Таксон / кластер	Количество идиом, представленных у Достоевского	Общая частота употреблений идиом у Достоевского
1. Время	171	2948
26. Мышление, сознание 27. Знание – незнание, понимание – непонимание, память – забывание	155	2759
25. Эмоциональные / психические состояния, чувства 28. Скука 32. Беспокойство, тревога 37. Гордость 77. Настойчивость – нерешительность	254	2540
Кластер «Ценности»: 6. Хорошо – плохо 7. Важность – неважность 18. Истинное – ложное 19. Справедливость – несправедливость 36. Общественное положение, репутация, статус 16. Порядок – беспорядок 38. Свобода – несвобода 43. Нравственность – безнравственность, мораль, совесть 47. Доброта, безобидность, гуманность, смирение 48. Дружба – вражда	357	2473
24. Речевые акты	152	2020
4. Количество, кванторные смыслы	99	654
20. Язык, речь, письмо 23. Звук, голос, тихо – громко	38	537
14. Сходство – равенство – тождество – различие	57	450
2. Пространство, место	64	428
5. Интенсификаторы общего характера	49	380

Анализ приведенных данных по частоте употребления позволяет выявить провал частоты между двумя множествами таксонов и кластеров. Первое множество заканчивается таксоном Речевые акты, а второе – начинается таксоном Количество, кванторные смыслы. Этот провал достигает почти 1500 употреблений. Можно предположить, что граница частоты указывает на значимые для Достоевского семантические области, охватываемые фразеологией. К этим областям относятся: Время, Мышление-Знание, Ценности, Эмоциональные / психические состояния и Речевые акты. Остальные таксо-



ны представлены в корпусе текстов Достоевского в существенно меньшей степени и в силу этого менее значимы.

Действительно, таксон ВРЕМЯ с идиомами *мало-помалу, до сих пор, на днях, в своё время, со временем, с первого взгляда, вот-вот, сию минуту, день и ночь, раз и навсегда, сплошь и/да рядом, с утра до ночи, иной раз, третьего дня, чем свет* и др. описывает абстрактную сферу темпоральных отношений, необходимую для нарратива. События разворачиваются по временной оси, и рассказ невозможен без временной локализации происходящего. Следует отметить, что говорящий при отображении времени часто не имеет альтернатив в сфере обычной лексики. Так, смысл, выражаемый идиомой *до сих пор* вряд ли можно передать одной лексемой. Ср. также *в своё время, со временем, раз и навсегда* и пр. В этом отношении поле ВРЕМЕНИ, скорее является семантическим фоном для описания событий, находящихся в фокусе повествования.

С другой стороны, степень абстрактности семантики не следует переоценивать. Так, таксоны КОЛИЧЕСТВО, ПРОСТРАНСТВО, ДВИЖЕНИЕ, ИНТЕНСИФИКАТОРЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА, соответствуя исключительно абстрактным категориям, оказываются далеко не первыми в отношении частоты употребления входящих в них идиом. Возможно, что они менее важны для нарратива, чем ВРЕМЯ. В то же время возможна ситуация, что эти области достаточно полно покрываются одиночными лексемами и идиомы необязательны для передачи соответствующих смыслов.

Следующий по частоте кластер, объединяющий таксоны МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ и ЗНАНИЕ – НЕЗНАНИЕ, ПОНИМАНИЕ – НЕПОНИМАНИЕ, ПАМЯТЬ – ЗАБЫВАНИЕ, представлен в текстах Достоевского такими идиомами, как *сходить с ума, себя не помнить, выжить/выйти из ума, не в своём уме, себе на уме, ломать голову, точка зрения, (от)давать себе отчёт (в чём-л.), знать... всю подноготную, как дважды два [четыре], ясно как [божий] день, новое слово, [схватывать...] на лету, ни слуху ни духу, сбить с толку/толка*. Очевидно, что семантика мышления – и особенно отклонений от нормы – чрезвычайно важна для описания внутреннего мира героев Достоевского, объяснения их поступков и мотивов. Однако некоторые фразеологизмы, относясь формально к этой семантической сфере, имеют, скорее, дискурсивные употребления, связанные с характеристикой процесса мышления. Это, например, дискурсивный маркер *стало быть*, передающий семантику аргументации и вывода:

(4) К тому же ведь он считается в отпуску, **стало быть**, мы можем и игнорировать, а он пусть осматривает там европейские земли. [Ф.М. Достоевский. Крокодил].

Этот аргументативный маркер встретился 1096 раз, что составляет почти половину общего количества употреблений идиом этого кластера – 2759. В то же время нет оснований исключать эту форму из состава кластера, поскольку идиома *стало быть* непосредственно связана с процессом мышления.

Относительно большой частотой обладает также идиома *знать всю подноготную* (36):

(5) С первого взгляда на него, князю подумалось, что по крайней мере этот господин должен **знать всю подноготную** безошибочно, – да и как не знать, имея таких помощников, как Варвара Ардалионовна и супруг ее? [Ф.М. Достоевский. Идиот].

В данном случае надо иметь в виду, что слово *подноготная* широко использовалось в русском языке XIX в. как самостоятельное – в том числе и в текстах Достоевского (всего 5 употреблений):

(6) В тот же день я пошел на последние поиски и узнал об ней всю остальную, уже текущую *подноготную*; прежнюю *подноготную* я знал уже всю от Лукерьи, которая тогда служила у них и которую я уже несколько дней тому подкупил. Эта *подноготная* была так ужасна, что я и не понимаю, как еще можно было смеяться, как она давеча. [Ф.М. Достоевский. Кроткая];

(7) Дело же мое больше по *подноготной* части... понимаешь? [Ф.М. Достоевский. Униженные и оскорбленные].

По-видимому, это объясняет сравнительно частое употребление этого выражения.

Следующий по частоте кластер – это идиомы сферы эмоций. В текстах Достоевского обнаруживаются такие идиомы как: *дух захватывает, всем сердцем, поднять на смех, пасть/упасть духом, как потерянный, заламывать руки, сердце кровью обливаётся, ни жив ни мёртв, трястись/дрожать как [осиновый] лист, глаза загорелись/разгорелись, махнуть рукой, как ни в чём не бывало, потупить взор, сквозь землю провалиться, выйти из себя, вне себя, от нечего делать, сам не свой.*

Широкое использование фразеологии для описания эмоций человека в текстах Достоевского вполне ожидаемо, поскольку общеизвестно, что Достоевского интересует внутренний мир человека; ср., например, [Бахтин 1963]. Приведем несколько характерных примеров, в которых с помощью идиом маркируются отчаяние (8), растерянность (9), страх (10), стыд (11).

(8) Мало-помалу я стала приходиться в отчаяние, у меня *дух захватывало* от горя. [Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова];

(9) – Да что вы, Родион Романыч, такой *сам не свой*? [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание];

(10) «А тот-то, подлец, с бороденкой-то, – прибавил он, – *ни жив ни мертв* сидит, спрятался; да только врешь, брат, не спрячешься!» [Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели];

(11) Любопытно и смешно, сколько иногда может выразить взгляд стыдливого и болезненно-целомудренного человека, тронутого любовью, и именно в то время, когда человек уж, конечно, рад бы скорее *сквозь землю провалиться*, чем что-нибудь высказать или выразить, словом или взглядом. [Ф.М. Достоевский. Игрок].

Еще один значимый кластер – ценностные категории. Очевидно, что Достоевский принадлежит, как и, например, Толстой, к морализаторской традиции в русской классической литературе. Это объясняет широкое употребление фразеологизмов, связанных с ценностной семантикой: *святое дело, не стоить ни гроша, ни во что не ставить, в глаза (говорить...), чистый сердцем, без утайки, отводить глаза, наставить... на путь истинный (кого-л.)*. В наибольшей степени дискурс морализаторства представлен в публицистике Достоевского и в его дневниках:

(12) Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твердого воззрения и уже ничем непоколебимых

правил, народ – любитель жертв и ищущий правды и знающий, где она, народ кроткий, но сильный, честный и *чистый сердцем*, как один из высоких идеалов его – богатырь Илья-Муромец, чтимый им за святого. [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год];

(13) Может быть, удастся мне возратить говорит, вас опять *на путь истинный*... [Ф. М. Достоевский. Ползунков (1848)].

Завершает множество семантических областей фразеологизмов, значимых для языка Достоевского, таксон Речевые акты, который представляет собой не тематическую область в точном смысле, а является обобщением функции, которую выполняют в дискурсе те или иные идиомы. Речь идет о возможности перформативного употребления фразеологизмов. Иными словами, фразеологизмы выступают как вид речевого действия. Например, идиома *сделайте одолжение* может использоваться как разрешение в ответ на просьбу собеседника, причем эта просьба в стратегии сверхвежливости представляется говорящим как его собственная:

(14) – Позвольте нам записать это, – сказал прокурор. – *Сделайте одолжение*. Так и записывайте: что не скажу и не скажу. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы].

В примере (14) разрешение прокурору осуществить запись дается в форме ответной просьбы разрешающего.

Аналогично идиома *век не забуду* передает семантику благодарности в форме клятвы:

(15) – Прощай, ангел, давеча ты за меня заступился, *век не забуду*. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы].

Перформативную семантику в текстах Достоевского обнаруживают также идиомы: *воля ваша, господь с вами/тобой, ничего подобного, честь имею, ваш покорный слуга, господи помилуй [и спаси]* и др.

Высокая суммарная частота идиом таксона Речевые акты в текстах Достоевского говорит о диалогичности его текстов, а также о том, что произнесение слова осмысливается Достоевским как вид действия.

\*\*\*

Оценка частотного распределения может осуществляться по разным параметрам, если речь идет о множестве единиц. Действительно, можно исследовать общую частоту употребления идиом, входящих в таксон или кластер (как было сделано выше), а можно анализировать усредненную частоту употреблений на каждую идиому в составе таксона или кластера. В первом случае мы получаем недифференцированную оценку, привязанную к тематическим областям, которые описывает фразеология. А во втором – дискурсивную нагруженность каждой фразеологической единицы, входящей в соответствующий таксон. Эти данные и иерархия таксонов, упорядоченных по частоте, не обязательно совпадают. Проведем нормирование частоты употреблений идиом для каждого таксона. Нормирование задается средней дискурсивной нагруженностью идиомы, которая определяется по формуле: общая частота употреблений идиом таксона или кластера / количество идиом в таксоне или кластере. Результаты в таблице

№3 приводятся для таксонов (кластеров) с частотой более 100 употреблений, которые показали среднюю дискурсивную нагруженность не менее 10.

Таблица №3

Нормированное распределение по частоте

Таксон / кластер	Количество идиом, представленных у Достоевского	Общая частота употреблений идиом у Достоевского	Средняя дискурсивная нагруженность идиомы
82. Артефакт, вещь	5	141	28,2
26. Мышление, сознание 27. Знание – незнание, понимание – непонимание, память – забывание	155	2759	17,8
1. Время	171	2948	17,24
24. Речевые акты	152	2020	13,29
25. Эмоциональные / психические состояния, чувства 28. Скука 32. Беспокойство, тревога 37. Гордость 77. Настойчивость – нерешительность	254	2540	10,00

Из таблицы №3 следует, что некоторые таксоны, не показавшие существенных результатов по параметру частоты, получили достаточно высокий ранг по параметру средней дискурсивной нагруженности. Для некоторых таксонов это объясняется безальтернативностью выражения смысла. Дело в том, что для значительной части идиом в лексиконе языка есть однословные эквиваленты. Так, для идиомы *во весь голос* есть однословный коррелят *громко*, для идиомы *под мухой – пьяный*. В то же время идиома *сойти со ума* не имеет однословного литературного аналога. Очевидно, что безэквивалентные идиомы могут оказаться высокочастотными из-за того, что их нельзя ничем заменить – это единственный способ выражения соответствующего смысла. Именно этим объясняется в таблице №3 лидерство таксона АРТЕФАКТ, ВЕЩЬ, в котором обнаруживается идиома *железная дорога*, которая встречается 126 раз в корпусе текстов Достоевского при том, что общее употребление идиом этого таксона – 141.

Второй по частоте кластер – МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ. ЗНАНИЕ – НЕЗНАНИЕ, ПОНИМАНИЕ – НЕПОНИМАНИЕ, ПАМЯТЬ – ЗАБЫВАНИЕ. В таблице №2 он также имел высокий ранг, занимая вторую позицию. Причины этого уже обсуждались выше. В этот кластер входит дискурсивный маркер *стало быть* (1096 употреблений), а также группа идиом, связанных с ментальными расстройствами: *сходить/спятить с ума, не в своём уме, сумасшедший дом* и некоторые другие.

Таксоны ВРЕМЯ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, а также кластер эмоциональных состояний подтвердили свой высокий ранг, который они имели в таблице 2 (см. обсуждение причин этого выше).

Приведенное распределение частоты с нормированием по дискурсивной нагруженности идиомы либо подтверждает ранг таксона (кластера) таблицы №2, либо объясняется дополнительными факторами, характеризующими функционирование фразеологии в языке. Безальтернативность номинации повышает параметр дискурсивной нагруженности, существенно повышая ранг частотного распределения идиом, не имеющих однословных аналогов. Частотный ранг идиомы определяется также ее общей дискурсивной функцией. Идиомы-дискурсивные единицы (типа *стало быть, так и так*) оказываются существенно более частотными, чем обычные идиомы.

### Оценка покрытия таксонов тезауруса

Важный параметр количественной оценки, который допускает проведенный эксперимент, – определение степени покрытия таксонов тезауруса современной идиоматики теми единицами, которые встретились в корпусе текстов Достоевского. Этот параметр существенно отличается от тех, которые были рассмотрены выше, поскольку он не связан с частотой употребления идиом, однако он может дать дополнительную информацию о корректности таксонов, выделенных на основании частоты употребления, а также характеризует динамику развития фразеологической системы.

Степень покрытия определялась по формуле: общее количество идиом из таксона или кластера в корпусе текстов Достоевского / общее количество идиом в этом таксоне или кластере \* 100. Приводимые ниже результаты подсчета степени покрытия имеют два ограничения. Ниже в таблице №4 представлены данные для таксонов, в которых содержится 100 и более идиом (по тезаурусу современной идиоматики) и процент покрытия которых составляет не менее 30%. Ограничение по мощности таксона связано с тем, что в противном случае первые позиции по степени покрытия занимают случайные таксоны с небольшим количеством единиц (от 5 до 20 идиом), что очевидно не отражает реальной картины. Так, лидером по степени покрытия без такого ограничения оказывается таксон Жизнь, быт, который содержит только 5 идиом в тезаурусе (*век вековать, житьё-бытьё, житейское море, коптит небо, жизнь бьёт ключом*), из которых в корпусе текстов Достоевского отсутствует только идиома *житейское море*. Высокий ранг имеет также таксон Видимость с идиомами *как на ладони, хоть глаз выколи, не видно ни зги*, из которых в текстах Достоевского отсутствует только идиома *хоть глаз выколи*.

Второе ограничение – степень покрытия таксона не менее 30 % – определяется тем, что в первую очередь важно выявить таксоны с наибольшим покрытием, то есть те семантические области, которые наиболее значимы с точки зрения использования фразеологии. Кроме того, это важная информация, позволяющая, хотя бы в первом приближении, установить тенденции развития фразеологии с XIX в. к настоящему времени. Так, таксоны Пьянство-трезвость, Еда-пища, а также кластер Погода, природные явления, Природа обнаруживают покрытие, меньшее 20%. Очевидно, что эти семантические области мало интересовали Достоевского. Соответственно, даже нельзя сделать вывод о том, что идиомы из этих таксонов, не встретившиеся в текстах Достоевского, отсутствуют в идиоматике XIX в. Например, идиома *житейское море*, отсутствующая в корпусе текстов Достоевского (см. выше), широко использовалась в русской литературе XIX в. (64 вхождения по НКРЯ), хотя практически всегда в контексте оживления внутренней формы<sup>3</sup>:

---

<sup>3</sup> Эта особенность употребления идиомы *житейское море* обнаруживается и в современном языке, ср.:

(16) Даже после, когда, перетерпев много волнений по невнимательности к мудрому правилу, долго проносившись по бурным волнам угрюмого *житейского моря*, как говорят в стихах, они выберутся наконец на берег измученными и измоченными, – даже и тогда они с какой-то тайной симпатией оглядываются на только что покинутые волны и не жалеют, что забыто было ими на этот раз мудрое правило. [В.О. Ключевский. Записные книжки];

(17) Мы вполне искренно принялись хлопотать, изворачиваться и вообще производить все те акты, с которыми сопрягается безопасное плаванье по *житейскому морю*. [М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия].

Рассмотрим данные по степени покрытия, приведенные в таблице №4.

Таблица №4

Степень покрытия таксонов тезауруса идиоматики

Таксон / кластер	Количество идиом тезауруса, представленных у Достоевского	Количество идиом в тезаурусе	Процент покрытия
1. Время	169	383	44,13
3. Движение – остановка	66	156	42,31
52. Помощь – отсутствие помощи	44	109	40,37
4. Количество, кванторные смыслы	98	244	40,16
24. Речевые акты	150	396	37,88
14. Сходство – равенство – тождество – различие	56	151	37,09
2. Пространство, место	62	172	36,05
17. Случайность, произвольность, неожиданность	37	103	35,92
Кластер «Ценности»: 6. Хорошо – плохо 7. важность – неважность 18. Истинное – ложное 19. Справедливость – несправедливость 36. Общественное положение, репутация, статус 16. Порядок – беспорядок 38. Свобода – несвобода 43. Нравственность – безнравственность, мораль, совесть 47. Доброта, безобидность, гуманность, смирение 48. Дружба – вражда	348	1024	33,98
70. Бедность – богатство 71. Деньги 72. Жадность, скупость 73. Ресурс	60	192	31,25
26. Мышление, сознание 27. Знание – незнание, понимание – непонимание, память – забывание	152	506	30,04

С дедовой стороны семейное предание расплывается в образе прадеда – ювелира, пустившего своего сына самостоятельно странствовать по волнам *житейского моря*. [Давид Самойлов. Общий дневник (1977-1989)].

Во-первых, обращает на себя внимание то, что многие таксоны (кластеры), которые имели высокий ранг в таблицах №2 и №3 или в них присутствуют, превысив те ограничения, которые были установлены для подсчетов частоты употребления, обнаруживают довольно значительный процент покрытия и в данном случае. К ним относятся таксоны ВРЕМЯ, РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ, СХОДСТВО – РАВЕНСТВО – ТОЖДЕСТВО – РАЗЛИЧИЕ, ПРОСТРАНСТВО, МЕСТО и кластеры ЦЕННОСТИ и МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ; ЗНАНИЕ-НЕЗНАНИЕ. Таксоны ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, КВАНТОРНЫЕ СМЫСЛЫ, СХОДСТВО – РАВЕНСТВО – ТОЖДЕСТВО – РАЗЛИЧИЕ, ПРОСТРАНСТВО, МЕСТО относятся к очень абстрактным категориям. Иными словами, они являются, скорее фоновыми, чем фигурными (в психологическом смысле). В этом отношении они характеризуют не столько стиль автора, сколько общие закономерности развития повествования. Неслучайно, что изменение состава этих таксонов с XIX века относительно невелико.

Что касается таксона РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, то выше уже отмечалось, что этот таксон является не семантическим полем, а отражает коммуникативную функцию идиом – возможность их перформативного употребления. Высокая степень покрытия этого таксона, как и в случае частоты употребления, свидетельствует о диалогичности текстов Достоевского.

Высокая степень покрытия кластера ЦЕННОСТИ не случайна, поскольку Достоевский, будучи представителем морализаторской традиции в русской классической литературе, уделяет значительное место обсуждению моральных дилемм и ценностных ориентацией его героев. Ср. идиомы *от чистого сердца, кривить душой, ангел во плоти* и др.:

(18) Ведь, подумаешь, как это жестоко, а с другой стороны, ей богу, эти невинные люди *от чистого сердца* делают и уверены, что это человеколюбие <...>. [Ф.М. Достоевский. Идиот];

(19) Во-первых и главное: не отвечать же всякому шуту? О, без сомнения, есть и не шуты; есть люди умные, а иногда и остроумные, есть и литературно образованные, что так редко теперь и что ценишь. Но иным из них совершенно нельзя отвечать, хотя бы иногда и хотелось, – нельзя, потому что в конце концов не знаешь, чего сами они хотят. Не понимаешь, из-за чего они так *кривят душой*, так сами себе противуречат, какая их цель, что они преследуют, где их предания, в чем их будущее? [Ф.М. Достоевский. Публицистика].

Кластер МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ; ЗНАНИЕ-НЕЗНАНИЕ, как было показано выше, весьма значим для Достоевского по количественным характеристикам (см. таблицы №2 и №3). Его высокий ранг подтверждается и относительно высокой степенью покрытия. Это связано с особенностями авторского описания героев произведений Достоевского, сосредоточенного на внутреннем мире персонажей.

К весьма абстрактным и фоновым в коммуникативном смысле относится также таксон ДВИЖЕНИЕ – ОСТАНОВКА, который не попал в предыдущие таблицы, но занимает высокий ранг по степени покрытия – второй в таблице №4. Иными словами, идиомы этого таксона довольно стабильны, хотя в целом и не очень частотны. Так, в текстах Достоевского мы обнаруживаем следующие идиомы этого таксона: *из угла в угол, идти/ехать... куда глаза глядят, на бегу, бежать сломя голову, бежать/броситься... со*

всех ног, нестись... как полоумный, мчаться... на всех парах, нестись... как угорелый, бежать без оглядки, и был таков, остановиться/стоять... как вкопанный, стоять как пень, *стоять столбом/как столб* и многие другие. Все эти выражения можно охарактеризовать как «вневременные». Они не воспринимаются как устаревшие и широко используются в современном языке. Иными словами, это не характерная особенность художественного стиля Достоевского. В то же время отсутствие той или иной идиомы данного таксона у Достоевского – не обязательно уникальная характеристика его стиля. Так, идиомы *сматывать удочки* нет у Достоевского, но и по данным НКРЯ она отсутствует в текстах XIX в. В то же время некоторые идиомы из данной тематической группы используются в XIX в., однако у Достоевского не обнаруживаются. Такова, например, идиома *унести ноги*. В этом отношении это может оказаться особенностью его индивидуального стиля. Однако это не важно с точки зрения степени покрытия идиом тезауруса.

Третьим по параметру покрытия оказывается таксон Помощь – отсутствие помощи. В него попали в частности такие идиомы как *стоять... горой (за кого-л.)*, *вытащить из грязи, поставить/поднять... на ноги*, *(чья-л.) правая рука*, *замолвить словечко*, *сслужить [хорошую, добрую, важную...] службу*, *отец родной*, *пальцем не пошевелить*, *бросить/оставить на произвол судьбы* др. Ср. характерные контексты:

(20) Моя же так мала, что и не знаю, что будет. Чрезвычайно бы хотел прожить лет хоть 7 еще, чтоб хоть немного ее устроить и **поставить на ноги**. [Ф.М. Достоевский. Письма];

(21) К тому же буржуа знает, что мабишь к старости войдет вся в его интересы и будет усерднейшая ему помощница копить деньги. Даже и в молодости помогает чрезвычайно. Она иногда ведет всю торговлю, заманивает покупателей, одним словом, **правая рука**, старший приказчик. [Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях].

Особенность данного таксона состоит в том, что он содержит большое количество разных идиом, но с небольшой частотой употреблений. Выделяются в этом отношении лишь идиома *ангел-хранитель* с тринадцатью контекстами употребления, ср.:

(22) Буду, буду спокоен, весел буду, передайте ей по безмерной доброте души вашей, что я весел, смеяться даже начну сейчас, зная, что с ней такой **ангел-хранитель**, как вы. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы].

Высокая степень покрытия объясняется в данном случае значимостью идеи помощи и ее отсутствия как для самого Достоевского, так и для его героев.

В литературе неоднократно обращалось внимание на значимость идей случайности и неожиданности в творчестве Достоевского [Арутюнова 1996]. Так, на слово вдруг как характерное для Достоевского указывали многие исследователи [Бахтин 1963; Белкин 1973; Виноградов 1976; Топоров 1995; Ружицкий 2011]. Идиомы таксона Случайность, произвольность, неожиданность передают ту же самую семантику. Именно поэтому процент покрытия этого поля оказался довольно высок. Среди единиц рассматриваемого семантического поля в текстах Достоевского обнаруживаются идиомы: *ни с того ни с сего*, *ни за что [ни про что]*, *как бог пошлёт*, *какой/как/что/сколько ни есть*, *что попало*, *как угодно*, *откуда ни возьмись*, *[свалиться] как снег на голову*, *[как] с неба свалиться/упасть...*, *нежданно-негаданно* и др. Ср.:



(23) Так вот я его отпущу, а потом вдруг, *как снег на голову*, и застану его у капитанши, – собственно, чтоб его пристыдить, как семейного человека, и как человека вообще говоря. [Ф.М. Достоевский. Идиот];

(24) Павел Александрович вышел в переднюю и надевал уже шубу, как вдруг, *откуда ни возьмись*, Настасья Петровна. [Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон].

Предпоследнее место в таблице занимает кластер, включающий четыре таксона с ресурсной семантикой: Бедность – богатство; Деньги; Жадность, скупость; Ресурс. Понятно, что эта тема является важной для персонажей Достоевского и для него самого. Многие действия и поступки его героев, особенности развития сюжета непосредственно связаны с ресурсом, которым они обладают или не обладают. Здесь мы находим разнообразные идиомы, в том числе встречающиеся и в современной речи: *ни гроша, ни кола ни двора, сирые и убогие, пойти по миру, пустить по миру, ободрать... как липку, [жить...] на широкую ногу, как сыр в масле кататься, беситься с жиру, жить припеваючи, жить... как у Христа за пазухой, не по карману, нагреть руки, презренный металл, золотой телец, на чёрный день, как собака на сене, дойная корова, кусок хлеба, от щедрот, насущный хлеб, утекать... сквозь пальцы*. Ср. характерные примеры на идиомы *дойная корова* и *кусок хлеба*.

(25) – Николай Всеволодович! – задрожал капитан, – ведь вы сами ни в чем не участвовали, ведь я не на вас... – Да уж на *дойную свою корову* вы бы не посмели доносить. [Ф.М. Достоевский. Бесы];

(26) Я раздумала и нашла, что очень дурно делаю, отказываясь от такого выгодного места. Там будет у меня по крайней мере хоть верный *кусок хлеба*. [Ф.М. Достоевский. Бедные люди].

Некоторые идиомы этого поля в современном языке почти не встречаются. Таково выражение *золотой мешок*:

(27) В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью *золотого мешка*. [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя].

### Заключение

Результаты эксперимента можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, можно констатировать, что несмотря на нормализацию словника тезауруса современной идиоматики (исключения из него всего, что связано с реалиями XX-XXI веков, обценной и неприличной идиоматики, элементов жаргона и т.п.), процент покрытия таксонов оказался невелик – максимум порядка 44 %. Это не указывает однозначно на то, что в XIX веке идиом было меньше, хотя бы потому, что фиксируются идиомы, которые ушли из современного языка. Однако можно предположить, что какое-то расширение состава идиом в современном языке все-таки произошло.

Во-вторых, нет значимой корреляции между частотой употребления идиом, входящих в таксон или кластер, и их относительным покрытием. Такая связь обнаруживается для «фонового» таксона ВРЕМЯ, а также для значимых для Достоевского семантических полей ЦЕННОСТИ и МЫШЛЕНИЕ, СОЗНАНИЕ...

Казалось бы, такая корреляция должна быть для большего количества семантических полей. Однако такой тенденции противоречит индивидуальность автора в выборе

«любимых» идиом. Это приводит к тому, что многие таксоны оказываются частотными (то есть общее количество употреблений идиом таксона) из-за того, что несколько идиом используются с очень высокой частотой. Разумеется, именно это приводит к отсутствию корреляции между процентом покрытия и частотой употреблений.

В-третьих, высокий ранг некоторых таксонов или кластеров (по всем или некоторым параметрам частоты и покрытия) объясняется значимостью соответствующих семантических областей для творчества Достоевского, что уже отмечалось в литературоведческих исследованиях. К ним относятся Ценности, Эмоциональные состояния и Мышление, сознание... Интересно, что значимость этих областей проявляется и в сфере фразеологии.

### Литература

*Арутюнова Н.Д.* Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 61–90.

*Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Динамика стиля русской письменной речи XIX века: корпусный эксперимент // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог» (2020). Выпуск 19 (26). М., 2020. С. 48–61.

*Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.

*Белкин А.А.* «Вдруг» и «слишком» в художественной системе Достоевского // Читая Достоевского и Чехова (статьи и разборы). М.: Художественная литература, 1973. С. 129–134.

*Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма: К морфологии натурального стиля (опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 101–140.

*Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н.* Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: Помовский и парт., 1994. 116 с.

*Караулов Ю.Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М.: Наука, 1992. 167 с.

*Караулов Ю.Н.* Частотный словарь семантических множителей русского языка. М.: Наука, 1980. 207 с.

ПСС Достоевского – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1972–1990.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ-Астрель, 2002.

*Ружицкий И.В.* Текстоблагодательная функция слова «вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2011, № 3. С. 18–25.

*Топоров В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 193–258.

## IDIOMS OF DOSTOEVSKY FROM THE PERSPECTIVE OF THE PRESENT-DAY SPEAKER OF RUSSIAN

**Anatoliy N. Baranov**

Doctor of Philology, Professor, Head of Department  
at the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences  
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019  
*baranov\_anatoly@hotmail.com*

**Dmitriy O. Dobrovolskiy**

Doctor of Philology, Professor, Leading research scientist of the Russian Language  
Institute of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Linguistics  
of the Russian Academy of Sciences  
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019  
1, 1 B. Kislovskij per. Moscow, 125009  
*dobrovolskiy@iling-ran.ru*

The paper discusses Dostoevsky's individual style the way it is reflected by his use of idioms. The thesaurus of modern Russian idioms is compared with the set and use of idioms in the corpus of Dostoevsky's texts. The study shows that the percentage of coverage of taxa of the thesaurus of modern idioms by idioms found in the Dostoevsky corpus is rather small (maximum coverage is about 44%). However, such coverage does not indicate significant quantitative changes in the composition of idioms in the lexicon over the past century and a half. No convincing correlation was found between the frequency of use of idioms within a taxon or cluster and their relative coverage. However, for some taxa such a relationship has been established. The high rank in the quantitative hierarchies of some taxa or clusters is explained by the importance of the corresponding semantic areas for Dostoevsky's work. These include VALUES, EMOTIONAL STATES AND THINKING, CONSCIOUSNESS... It is intriguing that the significance of these areas is also manifested in the sphere of phraseology.

**Keywords:** Dostoevsky's style, phraseology, idiomatics, corpus linguistics, quantitative methods, linguistic experiment, thesaurus, semantic field

### References

*Arutyunova N.D.* Stil' Dostoyevskogo v ramke russkoy kartiny mira [Dostoevsky's style in the framework of the Russian picture of the world]. *Poetika. Stilistika. YAzyk i kul'tura. Pamyati Tat'yany Grigor'yevny Vinokur* [Poetics. Stylistics. Language and culture. In memory of Tatyana Grigoryevna Vinokur], Moscow, 1996, P. 61–90. (In Russian).

*Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O.* Dinamika stilya russkoy pis'mennoy rechi XIX veka: korpusnyy eksperiment [Style dynamics of the Russian written speech of the 19th century: A corpus study]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (2020)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2020)], Issue 19, Moscow, 2020. P. 48–61. (In Russian).

*Bakhtin M.M.* Problemy poetiki Dostoyevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics.]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Sov. pisatel', 1963. 363 p. (In Russian).

*Belkin A.A.* «Vdrug» i «slishkom» v khudozhestvennoy sisteme Dostoyevskogo [“Vdrug” and “slishkom” in Dostoevsky’s artistic system]. Chitaya Dostoyevskogo i Chekhova (stat’i i razbory) [Reading Dostoevsky and Chekhov (articles and analyzes)], Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973. P. 129–134. (In Russian).

*Dobrovol’skiy D.O., Karaulov Yu.N.* Assotsiativnyy frazeologicheskiy slovar’ russkogo yazyka [Associative phraseological dictionary of Russian], Moscow: Pomowski and Part., 1994. 116 p. (In Russian).

*Karaulov Yu.N.* Slovar’ Pushkina i evolyutsiya russkoy yazykovoy sposobnosti [Pushkin’s dictionary and the evolution of the linguistic ability], Moscow: Nauka, 1992. 167 p. (In Russian).

*Karaulov Yu.N.* Chastotnyy slovar’ semanticheskikh mnozhitel’ russkogo yazyka [Frequency dictionary of semantic components of Russian], Moscow: Nauka, 1980. 207 p. (In Russian).

*PSS Dostoyevslogo* – Dostoevsky F.M. Polnoye sobraniye sochineniy v tridsati tomakh [Complete works in thirty volumes], Leningrad: Nauka, 1972–1990. (In Russian).

*RAS* – Russkiy assotsiativnyy slovar’ [Russian associative dictionary]. In 2 volumes, Moscow: AST-Astrel’, 2002. (In Russian).

*Ruzhitskiy I.V.* Tekstoobrazuyushchaya funktsiya slova «vdrug» v proizvedeniyakh F.M. Dostoyevskogo [The text-forming function of the word “vdrug” in the works of F.M. Dostoevsky]. Vestnik RUDN, seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Bulletin of RUDN University, series Theory of language. Semiotics. Semantics], 2011, No. 3. P. 18–25. (In Russian).

*Toporov V.N.* O strukture romana Dostoyevskogo v svyazi s arkhainymi skhemami mifologicheskogo myshleniya («Prestupleniye i nakazaniye») [On the structure of Dostoevsky’s novel in connection with archaic schemes of mythological thinking (“Crime and Punishment”). V.N. Toporov. Mif. Ritual. Simvol. Obraz [Myth. Ritual. Symbol. Form], Moscow: Progress-Kultura, 1995. P. 193–258. (In Russian).

*Vinogradov V.V.* Evolyutsiya russkogo naturalizma: K morfologii natural’nogo stilya (opyt lingvisticheskogo analiza peterburgskoy poemy «Dvoynik») [Evolution of Russian naturalism: Towards the morphology of natural style (the experience of linguistic analysis of the Petersburg poem “The Twin”). V.V. Vinogradov. Izbrannyye trudy. Poetika russkoy literatury [Selected Works. Poetics of Russian Literature], Moscow: Nauka, 1976. P. 101–140. (In Russian).

## ПЕСНЯ КАК ЗЕРКАЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОРАЛИ И ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

**Бубнова Ирина Александровна**

доктор филологических наук, профессор,  
заведующий кафедрой зарубежной филологии МГПУ  
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д.4  
*aribubnova@gmail.com*

В статье представлены результаты экспериментального исследования текстов песен, популярных в СССР и Германии в 30–40 годы XX века и отражающих в своем содержании официальную государственную мораль, транслируемую при помощи языка в массовое сознание: обосновывается актуальность таких исследований в целом и возможность применения в данном направлении работ положений, развитых в рамках теории языковой личности; описываются методики, позволяющие исследовать процесс формирования мировоззрения личности через тексты такого типа, анализируется специфика языковых средств, употребляемых для данной цели. Доказывается на конкретных данных, что, несмотря на внешние совпадения в списке формируемых моральных принципов и характеристик ожидаемых от человека действий, их внутренняя основа, мотивирующая реальное поведение советских и немецких граждан, кардинально отличалась.

**Ключевые слова:** текст песни, официальная государственная мораль, массовое сознание, мировоззрение, личность, лексические средства, СССР, Германия

### **Введение**

Ценность и значимость любой концепции определяется многими факторами, в числе которых немалую роль играет ее аппликативный потенциал, возможность применения выработанных теоретических принципов в качестве методологической базы в ходе исследований, выполняемых в разных научных направлениях. Таких теорий, созданных в лингвистике с момента ее оформления в самостоятельную научную дисциплину, как и имен, вошедших в ее историю, в принципе не столь много. И среди этих имен в истории отечественного языкознания навсегда останется имя Юрия Николаевича Караулова, создавшего учение о языковой личности, которое с переходом к информационно-коммуникативному истолкованию научного знания, совпавшим со сменой научной парадигмы, с появлением нового взгляда на объект исследования, рассматриваемый сегодня не просто как саморегулирующийся, но как саморазвивающийся тип системы, становится все более востребованным в различных сферах гуманитарной науки, изучающей человека.

В отечественной психолингвистике, изначально формировавшейся как совершенно новая научная дисциплина, главной чертой которой является интегративность и комплексный подход к рассмотрению любых языковых либо речевых феноменов как «живого» целостного знания, модель языковой личности, выросшая, как отмечает сам автор теории, «из анализа психолингвистических и лингводидактических представлений» [Караулов 2019: 8–9], равно как и предложенные Ю.Н. Карауловым принципы

ее изучения, нашли самое широкое применение в многочисленных работах исследователей, принадлежащих к различным психолингвистическим школам в современной России. В фокусе внимания оказался феномен языкового сознания, в содержании которого отражается своеобразие мировосприятия этноса [Уфимцева 2016], структура и содержание когнитивной базы лингвокультурного сообщества, ее соотношение с системой знаний и представлений отдельного человека [Красных 2012], специфика значения слова как единицы индивидуального сознания [Залевская 2014, Мягкова 2010, Бубнова 2016]. Активно стали обсуждаться вопросы моделирования структуры языковой личности [Воркачев 2001], соотношения понятий языковая и коммуникативная личность [Карасик 2004], этапов ее становления и психологических типов [Горелов, Седов 2008], появились работы, посвященные описанию форм и сфер лингвокреативной деятельности современного общества и направления реализации творческого потенциала языковой личности [Гридина 2020, Коновалова 2017, Гридина, Коновалова 2020]. Таким образом, сфера изучения личностных аспектов языка, где плодотворно используются идеи Ю.Н. Караулова, затрагивает большой круг вопросов, касающихся *Nomo Loquense*, причем круг этот продолжает постоянно расширяться.

Одной из проблем, выдвинувшихся в последнее десятилетие на первый план и решаемых как в рамках психолингвистики, так и в рамках близких к ней направлений, стала проблема социального конструирования, создания наднациональной метроэтнической личности [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012] – индивида, обладающего «облегченной» идентичностью, пользующегося преимущественно английским языком, способного легко адаптироваться к условиям любого мегаполиса мира. Жизненное кредо такого человека состоит в получении удовольствий, что и позволило объединить жанровые формы метроэтничности под термином *jouissance* (наслаждение) [Maher, 2010].

Очевидно, что сегодня речь идет о создании нового типа человека, нормы морали и ценностные ориентации которого как образец для подражания достаточно агрессивно внедряются в массовое сознание [Кирилина 2018, Бубнова 2015], и этот «стандарт» является полной противоположностью модели, описываемой в работах Ю.Н. Караулова, где, как подчеркивает сам автор теории, «то, что мы называем вневременной и инвариантной частью в структуре языковой личности, носит отчетливую печать национального колорита» [Караулов 2019: 39].

Превращение человека, идентифицирующего себя с определенным этносом и культурой, в человека глобального, реализующего свой собственный жизненный проект, – сам по себе весьма сложный и трудоемкий процесс, требующий постоянных усилий со стороны тех, кто профессионально вовлечен в процесс конструирования миропонимания массовым сознанием и отдельным индивидом, осложняющийся в случае с Россией еще и тем, что в относительно недавнем прошлом в обществе доминировали совершенно иные ценности и смыслы. Именно поэтому уже в течение нескольких десятилетий мы наблюдаем активные попытки изменить историческую память народа, и, прежде всего, память о советском периоде развития нашей страны, о тех ценностях и основах советского строя, мировоззрение которого сегодня значительная часть историков и представителей других гуманитарных наук пытается приравнять к идеологии фашистской Германии.

С позиций теории языковой личности речь идет «о психологической инженерии, психологическом конструировании» [Караулов [http](#)] мировоззрения, определяемого Ю.Н. Карауловым как «результат соединения когнитивного уровня с прагматическим,

результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками» [Караулов http]. При этом важно подчеркнуть следующее:

1) тезис о «психологическом конструировании» универсален и не ограничен какими-то временными рамками: в каждый конкретный исторический период, в том числе и в настоящий момент, мировоззрение – основополагающая характеристика индивидуума, «выступающего как *вид Homo sapiens* и *индивид*, как *человечество* в его историческом существовании и *личность*, как *субъект* и *индивидуальность*» [Ананьев 2001: 24] (курсив автора – И.Б.), всегда формировалось под воздействием социума, транслирующего через последовательную смену ступеней воспитания, образования и обучения формирующегося человека, совпадающую с процессом развития ребенка от рождения до зрелости, доминирующие в обществе и культуре ценности;

2) воспитание в самом широком смысле «всегда есть научение определенным способам и нормам, процедурам и правилам регулирования действий» [там же: 29], которое представляет собой основную форму «направленного воздействия общества на растущего человека, социального управления процессом его формирования как личности» [там же: 156], детерминирующую дальнейшие поступки и специфику миропонимания и жизнедеятельности личности и осуществляемую через язык – главный хранитель и «ретранслятор» культуры, поведенческих моделей и соответствующих общественному укладу и идеологии правил и принципов взаимоотношений между людьми.

Таким образом, не только сама специфика процесса социального формирования человека, но и предпринимаемые в настоящий момент попытки изменить его природу, разорвав естественную связь с родной культурой, ориентируя его на поиски наслаждений, а не на саморазвитие, свидетельствуют о непреходящей актуальности идей, высказанных Ю.Н. Карауловым, и определяют сегодня первостепенность задачи изучения «языкового воздействия на формирование мировоззрения, языкового сопровождения процессов становления личности <...>, обеспечивающего языковую сторону воспитания и совершенствования» [Караулов http], т.к. в этом процессе, как подчеркивает сам Ю.Н. Караулов, «языковому компоненту должна принадлежать заметная роль» [там же].

### **Экспериментальное исследование формирования морали как компонента мировоззрения**

#### **Методология и методики**

Основой мировоззрения как системы «взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, на отношении человека к миру и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации» [Философский... http] являются *мораль* и *нравственность*, формирование которых составляет главную цель воспитания человека. Одновременно эти этические категории – предмет многочисленных философских дискуссий, ведущихся еще со времен древних греков. Не вдаваясь глубоко в их суть, отметим только важный в контексте нашей работы момент, заключающийся в том, что в большинстве философских концепций существует четкое различие между *нравственностью* и *моралью*, регулирующими поведение человека. Поступки и воля, как отмечает С.Л. Франк: «подчинены не одному, а двум разным законодательствам, которые по своему содержанию значительно расходятся между собой...» [Франк 1997: 81]. Нравственность – это внутренний голос совести, мерой его развития является уровень,

на который поднялся дух (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель), это основа человеческого существования, берущая свое начало в самой природе (Э. Фромм), в потребности обрести смысл и цель жизни, в стремлении к самосовершенствованию (В.С. Соловьев). Это качество, позволяющее личности самореализоваться «не во вред себе и людям» [Ильин, 1993: 31], та область, в которой личность, «поднимаясь над уровнем соматического и психического, вступает в сферу чисто человеческого. Эта сфера образована новым измерением, нозтическим измерением духа» [Франкл 1990: 130]. Мораль, в отличие от нравственности, отражена в определенном кодексе, обусловлена принципами существования социума, является критерием оценки поведения личности, а, следовательно, ее нормы конкретны, условны и непосредственно зависят от идеологии общества.

В данном исследовании нас интересовала именно мораль, т.е. те ценности, которые отражают систему взглядов на мир, официально существующую в государстве, предписывающую его гражданам нормы поведения и взаимоотношений, а также устанавливающим правила, являющиеся для человека по крайней мере формально, руководством в деятельности.

**Методологическую основу исследования** составили:

- базовая идея о знаке как орудии психической деятельности и средстве для управления собственным поведением и поведением других, сформулированная в культурно-исторической теории (Л.С. Выготский);
- принципы общепсихологической теории деятельности, лежащие в основе представлений о специфике функциональных систем, обеспечивающих содержание индивидуального сознания (А.Н. Леонтьев),
- тезис о существовании на каждом уровне структуры языковой личности вневременной инвариантной части с отчетливым национальным колоритом [Караулов 2019: 39], возможности ее реконструкции через тексты и получения в ходе этого процесса информации о внутренних установках и целях в глобальном социально-психологическом смысле (Ю.Н. Караулов);
- положения о коммуникативной природе знаков, задающих программу деятельности своим истолкователям, и о тексте как иерархии разнопорядковых смысловых блоков – предикаций и смысловых узлов, образующих его логико-фактологическую цепочку (Т.М. Дридзе).

Учитывая современную тенденцию к переформатированию исторической памяти о советском прошлом и предпринимаемые, особенно в медийном дискурсе, попытки поставить знак равенства между мировоззрениями двух стран – СССР и Германии, основные **цели исследования** были сформулированы следующим образом:

- выявить темы, отражающие общественные идеалы, принципы жизни и задачи двух государств, транслируемые в массовое сознание советского и немецкого народов в общественном дискурсе в 30–40-х годах XX в.;
- выявить языковые средства, поддерживающие формирование требуемого государству мировоззрения, определить их специфику;
- провести сравнительный анализ формируемых и востребованных государством и социумом моральных норм как регуляторов жизнедеятельности советских и немецких граждан в исследуемый период.

**Материалом исследования** послужили наиболее популярные песни предвоенных и военных лет. При выборе материала мы руководствовались следующими соображениями: во-первых, искусство, в частности, музыкальное, всегда служило средством для



продвижения каких-либо идей [Сондерс 2013]; во-вторых, песня представляет собой особый жанр, вид наиболее демократического творчества, имеющий самую широкую и разнообразную аудиторию, формирует символы, понятные всем, и, тем самым, выполняет объединяющую и стратифицирующую функции, являясь важным элементом государственной политики.

В ходе исследования были проанализированы следующие тексты: 1) советские песни «Священная война», «Марш артиллеристов», «Взвейтесь, соколы, орлами», «Три танкиста»; 2) немецкие песни (на языке оригинала и в переводах) «Песня Хорста Весселя», «Песнь немцев» («Песня Германии»), «Марш Гитлерюгенда», «Песня танкистов».

**Основным методом** исследования явился метод тематического анализа качественных данных [Nowell et al. http], в ходе которого основная задача состоит в выделении тем, представленных специфическими смысловыми паттернами, содержание которых может быть либо выражено эксплицитно, либо скрыто, но определяется из контекста. В отличие от кодирования в контент-анализе тематизирование представляет собой процедуру выделения путем объединения более крупных смысловых единиц, что позволяет делать общие выводы на основе цельного текста.

### Результаты и их обсуждение

#### 1. Анализ основных тем, отражающих общественные идеалы, принципы жизни и задачи двух государств.

Анализ текстов советских военных песен позволяет выделить восемь тем, которые объединены общей смысловой линией любви к Отчизне, своему народу, своей земле и готовности защищать ее. Стержневая идея всех тем – именно защита, причем защита не просто того места, где живешь, а своих идеалов, своего мировоззрения. Привлекает внимание тема веры в светлое будущее своих потомков и надежды на то, что все жертвы, принесенные ради грядущих поколений, останутся в памяти народа (выделенные темы представлены в Таблице №1).

Таблица №1

Основные темы советских песен военных лет

	Тема	Языковое выражение
1	Любовь к Родине, боль за нее, готовность к жертвам ради своей страны	<i>Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой, Мы в смертный бой идем за честь родной страны. Пылают города... Пусть за пытки, кровь и слезы ... Не смеют крылья черные Над Родиной летать...</i>
2.	Защита Родины, ее чести, своих идей и строя ради будущего	<i>Мы в смертный бой идем за честь родной страны... Дадим отпор душителям Всех пламенных идей, Насильникам, грабителям, Мучителям людей!</i>

3.	Борьба со злом, вера в свою правоту	<i>Как два различных полюса, Во всем враждебны мы: За свет и мир мы боремся, Они – за царство тьмы...</i>
4.	Единение для достижения своих целей	<i>Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой Артиллеристы, зовёт Отчизна нас! Бейте дружно, без пощады...</i>
5.	Подвиги во имя Отчизны, своего народа, семей	<i>За слезы наших матерей, За нашу Родину... Узнай, родная мать, узнай жена-подруга, Узнай, далекий дом и вся моя семья...</i>
6.	Верность вождю и народу	<i>В честь нашего Вождя, в честь нашего народа...</i>
7.	Вера в свою правоту, в победу	<i>волю мы несем в родимые края!.. Под огнём, горя святою мезтью... Пусть за пытки, кровь и слезы... Смерть обрушат бомбовозы На убийц и палачей... Пробьет победы час, придет конец походам...</i>
8.	Вера в вечную память и благодарность потомков	<i>Слава подвигов орлиных Не померкнет никогда... Наши внуки, вспоминая Сорок первый грозный год, ... Будут славить ваш полет.</i>

В немецких песнях военных и предвоенных лет все шесть выделенных в ходе анализа текстов тем сфокусированы на величии Германии, ее великом будущем, грядущем господстве над остальным миром, рассматриваемом как неизбежность, для достижения чего любой молодой человек должен быть готов принести себя в жертву (выделенные темы представлены в Таблице №2).

Таблица №2

Основные темы немецких песен военных лет

	Тема	Языковое выражение
1	Готовность к борьбе, к завоеваниям, к господству	<i>Знамена ввысь! В шеренгах, плотно слитых, СА идут, спокойны и тверды... Свободен путь для штурмовых колонн! ... Готовы все на схватки гордый путь. Пусть знамя Гитлера овеет всю планету... Вперёд, врагу навстречу мы танки двинем в бой!..</i>

2.	Гордость за свою страну, уверенность в ее исключительности, достижение побед, скрепленных кровью	<i>На земле всего превыше Лишь Германия одна, Что к защите и победам Кровным братством скреплена...</i>
3.	Вера в великое будущее Германии, готовность к жертвам ради этого будущего	<i>Нашей Родины светлое счастье навек. Наше знамя нас вперед ведет. Быть героем твой пришел черед. Смерти нет, если мы под флагом идем. С нашим знаменем в вечность войдем... Жизнь Германии даешь, Даже если сам умрешь... Погибнуть за Рейх – вот великая честь!..</i>
4.	Объединение всех немецкоговорящих земель, стремление к процветанию своей, уже единой, страны	<i>Общность, право и свобода Для Германии родной – К ним давайте все стремиться... Братским сердцем и рукой!.. Расцветай в сиянье счастья, Процветай, моя страна!</i>
5.	Единение для достижения своих целей	<i>Молодежь! Молодежь! Мы в будущем солдаты... Носитель предстоящих дел. Да, через наши кулаки падёт Тот, кто нам противостоит...</i>
6.	Верность вождю и народу	<i>С нами Гитлер, с нами наш народ... Фюрер, мы слышим тебя! Мы товарищи тебе!.. В будущее мы тянем человека за человеком Мы маршируем, мы за Гитлера...</i>

Представленные в таблицах данные позволяют сделать вывод, что значительная часть выделенных в текстах советских и немецких песен тем соотносятся между собой, однако их близость носит чисто формальный характер.

Объединяющими оба народа моральными принципами являются любовь к Отечеству и решимость отдать свою жизнь за Родину и ее будущее. Однако само это будущее, несмотря на то, что и немецкий, и советский народы должны за него бороться, кардинально отличается: основной принцип, руководство к действию для немцев – завоевание и поднятие своего знамени над другими землями во имя будущего процветания Германии, для советских людей – защита тех идеалов и норм жизни, которые противопоставляются «царству тьмы».

Тема объединения также различается по своим внутренним мотивам: в немецких текстах она предстает как, прежде всего, объединение молодежи, оплота и верных соратников вождя, готовых жертвовать своей жизнью, скрепить свое братство кровью, во имя продвижения своих идей по всему миру, в то время как советский народ должен объединиться весь от мала до велика перед лицом смертельной опасности на борьбу

за свою свободу и идеалы, которые являются основой советского строя. Иначе говоря, для советских людей объединение мотивировано целью выживания, для немцев – завоеваний и подавления тех, кто не разделяет их мировоззрения.

Одной из важнейших с точки зрения формируемого мировоззрения тем, как представляется, является тема веры и верности, основы которых у двух народов также различаются между собой. Вера немцев в светлое будущее поддерживается их убежденностью в исключительности Германии, в ее праве нести свой порядок всему миру. Фундаментом веры в победу как части транслируемого через тексты песен в массовое сознание мировоззрения у советских людей становится мотив защиты тех принципов жизни, которые существовали в мирное время и которые намерены разрушить извне. Нельзя в этом случае обойти и веру в вождя, так она совершенно явно прослеживается, а, следовательно, и закладывается в сознание как один из главных моральных принципов, которыми должны руководствоваться граждане обоих государств. Однако и в этом случае следует отметить явные различия: вера в Сталина, готовность выполнять его приказы мотивируется необходимостью отомстить за слезы и боль матерей, детей, стариков, т.е. народа, который нужно защитить; в основе веры в Гитлера как вождя нации лежит стремление и решимость покорить мир.

## 2. Анализ языковых средств, направленных на формирование требуемого государству мировоззрения

При анализе языковых средств, через которые транслируются основные моральные нормы, поддерживаемые государством, также выявляются кардинальные различия.

В советских текстах обнаруживается большое количество эмоционально нагруженной лексики, прежде всего, глаголов. С одной стороны, это глаголы, выражающие внутреннее состояние, стимулирующее к действиям: *гореть (святою мезтью), вскипать, проклинать*, с другой – глаголы и глагольные сочетания, характеризующие сами действия: *обрушить, драться с черной ордой, поражать как молния, укротить немецкую гадюку силой огневой, взвиваться орлами*, а также глагольные сочетания, где поясняется мотив действия: *идти за честь родной страны, обрушить смерть за пытки, кровь и слезы, бить без пощады, чтоб не смели мучить братьев и сестер, нести волю в родимые края, не позволять топтать Родину*.

В отличие от немецких, в советских песнях присутствует значительная по количеству группа существительных, часто в сочетании с прилагательным, характеризующая врага: *наильники, грабители, мучители, отребье, убийцы, палачи, душители, черная сила, вражьи гады, фашистская (проклятая) орда*. Можно предполагать, что роль данной группы лексики состоит в формировании уверенности в правоте своих действий, она подчеркивает отсутствие мотива агрессии со стороны советского народа и, таким образом, закладывает в массовое сознание веру в справедливость ответной жесткости и даже жестокости по отношению к противнику.

Еще один важный моральный принцип, формируемый с помощью языковых средств, – это принцип действия не просто на благо людей, живущих сейчас, но и во имя будущего своей страны и всего человечества, которое будет помнить и чтить подвиги: *слава подвигов не померкнет, будет жить всегда*.

Немецкие тексты ярко иллюстрируют мысль Дж. Оруэлла о том, что Гитлер «... постиг лживость гедонистического отношения к жизни. <...> При таком взгляде на жизнь нет места, например, для патриотизма и военных доблестей...<...> В то время как со-

циализм и даже капитализм, хотя и не так щедро, сулят людям: «У вас будет хорошая жизнь», Гитлер сказал им: «Я предлагаю вам борьбу, опасность и смерть»; и в результате вся нация бросилась к его ногам» [Оруэлл [http](http://)].

Основные языковые средства, использованные в немецких песнях, поддерживают жизненный стиль марширующей колонны (А. Розенберг), уверенной в своей правоте и победе. Прежде всего, это глаголы, предписывающие правила взаимодействия с другими народами: *прорываться, мчаться, нестись, стремиться, разгромить, вонзиться, поднять знамена, убить, греметь*, программирующие достижение результата – *процветать, расцветать, прорвать тьму*.

Следующий важный моральный принцип, транслируемый государством через тексты и отражаемый, чаще всего, глагольными сочетаниями, – это верность вождю и своей стране, готовность к борьбе и смерти: *погибнуть за Рейх, расправить знамя Гитлера, следовать за знаменем и Германией, скрепить кровавым братством, дать жизнь Германии ценой собственной жизни*.

И последнее замечание касается формируемых качеств личности и нации в целом, выраженных в большом количестве употребляемых в текстах песен наречиях: *спокойно, твёрдо, незримо, гордо, сплочённо*.

Таким образом, используемая в советских и немецких песнях лексика отличается, несмотря на то что темы, выделяемые как основные, сходны между собой. Объяснение этом факту, как представляется, лежит в более глубокой сфере мотивации деятельности, необходимости сформировать нужную потребность, что и отражается на поверхностном уровне в выборе языковых средств.

### Выводы

Подводя краткие итоги всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть следующее:

1. Результаты проведенного исследования подтверждают, что популярные песни действительно отражают моральные принципы государства, которые через тексты транслируются в массовое сознание с целью формирования мировоззрения личности. Более того, анализ текстов песен, коллективный автор которых может рассматриваться как государство, т.к. именно в его функции входит воспитание человека, а песни как музыкальный жанр являются частью государственной политики, выполняя многообразные задачи, связанные с формированием нужной социуму модели человека, показывает, что использование теоретических принципов концепции языковой личности в совокупности с положениями других теорий, составляющих методологическую базу психолингвистических исследований, позволяет как выявлять основы формируемых в сознании индивида моральных ориентиров, так и описывать языковые средства, используемые для этой цели.

2. Полученные в ходе анализа текстов песен, популярных в СССР и Германии в период 30-40-х г. XX века, данные явно демонстрируют, что моральные принципы и правила поведения, формируемые в массовом сознании советского и немецкого народов, кардинально различались по внутреннему мотиву, лежащему в их основе. Для советского человека главным мотивом поведения и руководством к действию являлся мотив защиты Отечества, его идеалов, своей семьи, которая не отделялась от всего народа. В сознание немецкого народа закладывалось чувство превосходства и связанное с этим убеждение в необходимости распространять свои правила и нормы жизни на весь мир, неважно, будет ли это путь мирного воссоединения всех земель, где люди говорят на

немецком языке, или путь насильственного подавления иного мировоззрения на любой территории.

3. Общим для формируемого мировоззрения, т.е. правил, которыми необходимо руководствоваться в жизни, обоих народов являлись: а) принцип веры в вождя, хотя основания для такой веры различались; б) принцип любви и преданности Отечеству, стойкости и мужества в любых ситуациях.

4. Отдельно отметим закладываемый в массовое сознание мотив построения светлого будущего для грядущих поколений, что в исследуемый период трансформировалось в реальном поведении в самопожертвование. Как представляется, роль и место этого морального принципа, детерминирующего поведение личности и обеспечивающего, как показала история, само существование страны, в сознании современных людей необходимо тщательно изучать сегодня.

### Литература

*Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер. 2001. 272 с. (Серия «Мастера психологии»).

*Бубнова И.А.* Неопсихолингвистика или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А.Бубнова, И.В.Зыкова, В.В.Красных, Н.В.Уфимцева / под ред. В.В.Красных. М.: Гнозис. 2016. С. 97–183.

*Бубнова И.А.* Эволюция русской языковой личности // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». №3(19). 2015. С. 34–42.

*Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

*Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики: Учебное пособие. М.: Лабириум. 2004. 320 с.

*Гридина Т.А.* «Внутри» будущих сюжетов: креативные истоки художественного речемышления // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 7–22.

*Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2020. № 18. С. 27–47.

*Залевская А.А.* Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. L.: Publ. by IASHE, 2014. 180 с.

*Ильин И.А.* Путь к очевидности. М.: Республика. 1993. 430 с.

*Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис. 2004. 390 с.

*Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения [Электронный ресурс]. URL: [http://destruction.narod.ru/karaulov\\_jasikovaja\\_lichnost.htm](http://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm) (дата обращения: 02.08.2020).

*Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. стереотип. М.: URSS. 2019. 264 с.

*Кирилина А.В.* Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Этнопсихолингвистика. 2018. №1. С. 26–36.

*Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 18–37.

*Коновалова Н.И.* Метаязыковое знание в вербальной памяти говорящих (по данным «Русского ассоциативного словаря») // Языковая личность: аспекты изучения. Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. М.: 2017. С. 137–146.

*Красных В.В.* Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, дополненное. М.: Гнозис. 2012. 333 с.

*Мяжкова Е.Ю.* Эмоциональная сфера человека и язык: подходы к исследованию // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2010. Вып. 40. С. 118–124.

*Оруэлл Дж.* Рецензия на „Майн Кампф“ Адольфа Гитлера, 1940 г. Перевод с английского [Электронный ресурс]. URL: [https://www.orwell.ru/library/reviews/hitler/russian/r\\_hit](https://www.orwell.ru/library/reviews/hitler/russian/r_hit). (дата обращения: 11.08.2020).

*Сондерс Ф. С.* ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Изд-во «Кучково поле». 2013. 416 с.

*Уфимцева Н.В.* Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С. 21–97.

*Философский словарь* [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari-online.ru/word.htm> (дата обращения: 15.08.2020)

*Франк С.Л.* Реальность и человек. М.: Изд-во Республика. 1997. 489 с.

*Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Изд-во «Книга по Требованию», 2012. 366 с.

*Lorelli S. Nowell, Jill M. Norris, Deborah E. White, Nancy J. Moules.* Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/https://doi.org/10.1177/1609406917733847> (дата обращения: 05.08.2020).

*Maher, J.C.* (2010). Metroethnicities and Metrolanguages // *The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. P. 575–591.

## THE SONG AS A MIRROR OF STATE MORALITY AND A TOOL FOR CONSTRUCTING THE PERSONAL BELIEF SYSTEM

**Irina A. Bubnova**

Doctor of Philology, Professor

head of Foreign Philology Chair MCU

4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow, 129226

*aribubnova@gmail.com*

The article presents the results of an experimental study of lyrics of songs that were popular in the USSR and Germany in the 30–40s of the 20<sup>th</sup> century. It is argued that they reflected the official state morality which was incorporated into their content and transmitted through the language into mass consciousness. The relevance of such studies in general and the possibility to apply the statements developed within the framework of the theory of linguistic personality in the research are substantiated, the methods that allow to study the process of the formation of a person belief system through texts of this type are described, and the specificity of the linguistic means used for this purpose are analyzed. Actual data proved that

the internal basis which motivated the real behavior of Soviet and German citizens despite the external coincidences in the list of formed moral principles and characteristics of the actions expected from a person was radically different.

**Keywords:** lyrics, official state morality, mass consciousness, belief system, personality, linguistic means, the USSR, Germany

### References

Anan'yev B.G. O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya [On the problems of modern human science]. SPb.: Piter. 2001. 272 p. (Seriya "Masterya psikhologii") (In Russian).

Bubnova I.A. Neopsikholingvistika ili psikholingvistika lichnosti: novoye napravleniye psikholingvisticheskikh issledovaniy [Neopsycholinguistics or personality psycholinguistics: a new direction of psycholinguistic research] // (Neo)psikholingvistika i (psikho) lingvokul'turologiya: novyye nauki o cheloveke govoryashchem [(Neo)psycholinguistics and (psycho)cultural linguistics: new sciences about the person speaking]. I.A.Bubnova, I.V.Zykova, V.V.Krasnykh, N.V.Ufimtseva / pod red. V.V.Krasnykh. M.: Gnozis. 2016. P. 97–183. (In Russian).

Bubnova I.A. Evolyutsiya russkoy yazykovoy lichnosti [Evolution of the Russian linguistic personality] // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye» [Vestnik MGPU. Series "Philology. Language theory. Language education"]. Issue 3(19). 2015. P. 34–42. (In Russian).

Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovleniye antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii. [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics] // Filologicheskiye nauki. [Philological sciences] 2001. Issue 1. P. 64–72. (In Russian).

Gorelov I.N., Sedov K.F. Osnovy psikholingvistiki: Uchebnoye posobiye [Fundamentals of Psycholinguistics: Textbook]. M.: Labirint. 2004. 320 p. (In Russian).

Gridina T.A. "Vnutri" budushchikh syuzhetov: kreativnyye istoki khudozhestvennogo rechemyshleniya ["Inside" future plots: creative sources of artistic speech thinking] // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity]. 2020. Issue 2. P. 7–22. (In Russian).

Gridina T.A., Konovalova N.I. Assotsiativno-verbal'naya set' kak dinamicheskaya model' yazykovogo soznaniya: eksperimental'nyye dannyye [The associative-verbal network as a dynamic model of linguistic consciousness: experimental data] // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity]. 2020. Issue 18. P. 27–47. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Interfeysnaya teoriya znacheniya slova: psikholingvisticheskiy podkhod [Interface theory of the meaning of a word: a psycholinguistic approach]. L.: Publ. by IASHE, 2014. 180 p. (In Russian).

Il'in I.A. Put' k ochevidnosti [The path to evidence]. M.: Respublika. 1993. 430 p. (In Russian).

Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. M.: Gnozis. 2004. 390 p. (In Russian).

Karaulov YU.N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi yeye izucheniya [Elektronnyy resurs]. [Russian language personality and the tasks of its study]. [https://destruction.narod.ru/karaulov\\_jasikovaja\\_lichnost.htm](https://destruction.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm) (retrieval date: 02.08.2020) (In Russian).



*Karaulov YU.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. Izd. stereotip. [Russian language and linguistic personality]. M.: URSS. 2019. 264 p. (In Russian).

*Kirilina A.V.* Problemy razvitiya kommunikativno moshchnykh yevropeyskikh yazykov v epokhu globalizatsii [Issues of the development of communicatively powerful European languages in the era of globalization] // *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. 2018, Issue 1. P. 26–36. (In Russian).

*Kirilina A.V., Gritsenko Ye.S., Laletina A.O.* Globalizatsiya v aspekte lingvistiki [Globalization in the aspect of linguistics] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2012. Issue 1 (15). P. 18–37. (In Russian).

*Konovalova N.I.* Metazykovoye znaniye v verbal'noy pamyati govoryashchikh (po dannym "Russkogo assotsiativnogo slovary") [Metalanguage knowledge in the verbal memory of speakers (according to the "Russian associative dictionary")] // *Yazykovaya lichnost'*: aspekty izucheniya. Sbornik nauchnykh statey pamyati chlena-korrespondenta RAN Yuriya Nikolayevicha Karaulova [Language personality: aspects of study. Collection of scientific articles in memory of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Yuri Nikolaevich Karaulov]. M., 2017. P. 137–146. (In Russian).

*Krasnykh V.V.* Osnovy psikholingvistiki: Lektsionnyy kurs. Izd. 2-ye, dopolnennoye [Fundamentals of Psycholinguistics]. M.: Gnozis, 2012. 333 p. (In Russian).

*Myagkova Ye.YU.* Emotsional'naya sfera cheloveka i yazyk: podkhody k issledovaniyu [Human emotional sphere and language: approaches to research] // *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* // [Language, consciousness, communication]: Sb. statey / Pod red. N.V. Ufimtsevoy, V.V. Krasnykh, A.I. Izotova. M.: MAKS Press, 2010. Issue 40. P. 118–124. (In Russian).

*Oruell Dzh.* Retseziya na "Mayn Kampf" Adol'fa Gitlera, 1940 g. Pervod s angliyskogo [Review of Adolf Hitler's "Mein Kampf", 1940. A Translation from English]. [https://www.orwell.ru/library/reviews/hitler/russian/r\\_hit](https://www.orwell.ru/library/reviews/hitler/russian/r_hit). (retrieval date: 11.08.2020). (In Russian).

*Sonders F.S.* TSRU i mir iskusstv. Kul'turnyy front kholodnoy voyny [CIA and the world of arts. The Cultural Front of the Cold War]. M.: Izd-vo "Kuchkovo pole". 2013. 416 p. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Etnopsikholingvistika kak razdel teorii rechevoy deyatel'nosti [Ethnopsycholinguistics as a branch of the theory of speech activity] // (Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novyye nauki o cheloveke govoryashchem [(Neo) psycholinguistics and (psycho)cultural linguistics: new sciences about the person speaking]. I.A. Bubnova, I.V. Zykova, V.V. Krasnykh, N.V. Ufimtseva / pod red. V.V. Krasnykh. M.: Gnozis, 2017. P. 21–97. (In Russian).

*Filosofskiy slovar'* [Elektronnyy resurs]. [Philosophical Dictionary] <http://slovari-online.ru/word.htm> (retrieval date: 15.08.2020). (In Russian).

*Frank S.L.* Real'nost' i chelovek [Reality and Man]. M.: Izd-vo Respublika. 1997. 489 p. (In Russian).

*Frankl V.* Chelovek v poiskakh smysla [Man in search of meaning]. M.: Izd-vo "Kniga po Trebovaniyu", 2012. 366 p. (In Russian).

*Nowell, L.S., Norris, J. M., White, D.E., Moules, N. J.* Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/https://doi.org/10.1177/1609406917733847> (retrieval date: 05.08.2020).

*Maher, J.C.* (2010). Metroethnicities and Metrolanguages // *The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd. P. 575–591.

**ВОЗМОЖНОЕ И ВЕРОЯТНОЕ В ИСПАНСКОМ КОРПУСЕ<sup>1</sup>**

**Демьянков Валерий Закиевич**

доктор филологических наук,  
главный научный сотрудник Института языкознания РАН  
125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1  
vdemiank@mail.ru

Усвоение второго языка предполагает не только владение грамматическими, фонетическими и т. п. правилами языковой системы, сосюрговской “*langue*”, но и знание «конъюнктурной», реальной сочетаемости единиц, непременно входящее в аутентичное употребление языка. Последний вид знаний предполагает знакомство со стереотипами и клише, с проходящей модой на фигуры выражения, что отличает того, кто свободно владеет родным языком, от новичка или иностранца. В статье предлагается прототип лексического описания испанских лексических единиц *possible* «возможный» и *probable* «вероятный», позволяющий измерять степень «контекстной креативности» в опоре на частотность не только самих лексем, но и их контекстов в представительном корпусе оригинальных (непереводных) текстов. Оценивается и анализируется частотность различных контекстов указанных лексических единиц и выдвигаются гипотезы, объясняющие эти свойства. Лексические единицы, родственные *possible*, обозначая физикалистский взгляд на представляемые в текстах явления, встречаются в корпусе примерно в пять раз чаще, чем единицы однокоренные с *probable*, дающие отношение человека к этим же явлениям, в рамках человеческих ценностей. Чаще всего оба класса единиц указывают на пропозициональную установку, задаваемую придаточным предложением или инфинитивным оборотом, следующим за самим маркером. А в роли эпитетов эти лексические единицы интерпретируются как фигуры речи.

**Ключевые слова:** усвоение родного и иностранного языка, корпусное исследование испанского языка, ассоциативный словарь, «возможность» vs. «вероятность» в западноевропейских и в русском языках

### **1. Введение**

Знание языка проявляется не только во владении грамматическими, лексическими, фонетическими и т. п. нормами сосюрговской *langue*, но и в опыте работы над дискурсами, включенном в сосюрговский *langage*. Об успехах во втором направлении говорят навязчивые «ассоциации», слетающие с языка как реакция на какой-нибудь случайный стимул вроде: «Да, зима!» – «Угу, крестьянин, торжествуя...» Представление о типичности, банальности, полной адаптированности к условиям употребления, в противоположность языковой и речевой «непричесанной креативности», не менее важно для практического владения языком (одновременно и *langue*, и *langage*), чем просто хорошее владение языком как системой единиц, не исчерпывается статистикой текста, но связано с нею. Составление ассоциативных словарей опирается на эту

<sup>1</sup> Раздел 1 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделах 2 и 3, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

презумпцию, как и психолингвистические и корпусные исследования употребительности контекстов. Психолингвистические процедуры основаны на опросе большого числа информантов, а корпусные исследования «опрашивают» большое количество текстов. Обработка же информации в обоих случаях очень сходна.

Впрочем, не все взрослые, осваивая очередную *langue*, озабочены практическими нуждами, да и времени на такие наблюдения у таких учащихя гораздо меньше, чем у ребенка и у графа Монте-Кристо, протомившегося в замке Иф не по своей воле. «Чисто теоретическое» знание языка особенно часто распространено у полиглотов, которые очень правдоподобно и изобретательно используют исключительно клише из «разговорника для интуриста», а несовпадения со «стандартной» сочетаемостью единиц в предложениях данного языка великодушный интерпретатор готов простить как экстравагантность инородца.

Юрий Николаевич Караулов начал свою научную деятельность как испанист и оставил достойный след в области сопоставительной грамматики и лексикологии русского и испанского языков, см., напр., [Karaúlov et al. 2000], [Караулов и др. 2001]. Этим объясняется выбор языкового материала для данной статьи, которую я посвящаю его памяти.

Все, кому когда-либо приходилось заниматься романскими языками, а особенно испанским, учатся, среди прочего, по-разному говорить о достоверном и о сомнительном, о возможном и вероятном в противопоставлении неумолимой «железной» реальности. Значительная часть таких различий грамматикализована, предопределяя допустимость или сомнительность глагольных форм. Так, при сомнении или неуверенности в предмете речи, употребляют не индикатив, а субъюнктив (*subjuntivo*) глагола в пропозиции, вложенной при «загородочном предисловии» («хеджинге»), ср. *no creo que sea* «не уверен, что...» и *dudo que sea* «сомневаюсь, что...» с глаголом *ser* «быть» в форме *sea*, а не *es*. Ср.: *No creo que sea posible usar la ruta de los bandidos* «Не думаю (буквально: не верю), что возможно (в оригинале глагол «быть» в субъюнктиве) воспользоваться маршрутом бандитов» (Isabel Allende, *El Reino del Dragon de Oro*, 2004). Зато именно индикатив употребляют, говоря о своей уверенности: [...] *creo que no es posible...* «думаю (буквально: верю) что невозможно (J.J. Benítez, *Caballo de Troya*: 4. Nazaret, 1989).

Однако некоторые закономерности, составляющие интуицию природного носителя языка, четче вырисовываются при анализе крупных корпусов текстов, и их нарушения выдают иностранца. Наблюдения над моим многоязычным минимально препарированным разноформатным корпусом (с программным обеспечением для сортировки и поиска примеров по заданным параметрам) будут очерчены ниже.

Этимологическая связь испанского *posible* с латинским *possum* «могу», а *probable* с испанским *probar* «демонстрировать, проверять», как «потомком» латинского *probare*, прозрачна даже для не самого образованного носителя испанского языка. Менее прозрачна она в английском, а в немецком и в русском прямая этимологическая связь с латынью в глаза совсем не бросается.

Как показано в работе [Демьянков 2020], уже в латинском дискурсе *possibilis* относится к осознанию надчеловеческой, физикалистской стороны истины, а *probabilis*, со своей прозрачной мотивацией, связывается с человеческим фактором тех самых «проб» познания, которые не бывают без ошибок. На этом основаны мировоззренческие концепции, наложившие отпечаток и на современный западноевропейский узус, и на русское словоупотребление. Интересно, что в корпусах на указанных языках поле

«возможного» (словоформы с основой, происходящей от латинского *possibil-*, а также немецкое *möglich-*, русское *возмож-* и т.д.) упоминается значительно чаще, чем поле «вероятного» (словоформы с основой, происходящей от латинского *probabil-*, а также немецкое *wahrscheinlich-* и русское *вероят-*).

В нижеследующем описании перечисляются самые частые типы правого и левого контекстов – словоформ, идущих, соответственно, непосредственно справа или слева от данной лексемы в рамках того же предложения. Типовыми правыми контекстами для указанных лексических единиц в разных языках являются: 1) абсолютный конец предложения, 2) союз, вводящий придаточное предложение, – *что* в русском, *que* в испанском, *que/qu'* во французском, *that* в английском, *daß / dass* в немецком и т. д., 3) инфинитивный оборот, в испанском вводимый предлогом *de*, а еще чаще и без предлогов; во французском вводимый предлогами *de/d'*, *à*, в немецком *zu*, в английском *for ... to* и т. п. Левые контексты в испанском включают глаголы и их формы, а также существительные, к которым относятся эпитеты поля «возможный» и «вероятный». Особым классом левых контекстов являются «модификаторы» типа испанских *mu* «очень», *no* «не», русских *очень*, *весьма* и *не*. Наша задача – выявить закономерности, связанные со значением и частотой сопоявления лексем рассматриваемых полей в рамках одного предложения, как правило, в рамках синтагмы. Цитаты из текстов с указанием автора, названия и года создания произведения приводятся как подтверждающий пример, а потому – из-за ограничений объема журнальной статьи – не всегда снабжены переводом: неиспанисты, простите!

Такие наблюдения можно рассматривать как прототип справочника по испанскому language, указывающего, единицы какого класса ожидаются после конкретной лексемы в отредактированном литературном тексте с «хорошей репутацией» (мы принципиально не включаем сюда материал из современных испаноязычных СМИ), а какие содержат элемент нечаянного креатива и, несмотря даже на полное следование грамматической норме, непривычны для тех, для кого испанский является родным. Такой справочник поможет иностранцу остаться незамеченным, пользуясь испанским языком в естественном окружении, и оценить степень «слыханной креативности» (в корпусе представленной ровно один раз) и «неслыханной креативности» (выражений, не противоречащих норме, но еще ни разу не зафиксированных в узусе). В скобках указывается абсолютное число предложений корпуса, в которые входит лексема или конструкция.

## 2. На полях возможности и вероятности

### 2.1. *Posible* (6126) «возможный»

Это поле представлено беспрефиксной основой *posib-* с архаичным орфографическим вариантом *possib-*.

#### 2.1.1. Правые контексты

Союз *que*, чаще всего после *posible* (933): *Digo que en todo el mundo no es posible que se hallen cuatro ingenios como aquestos de nuestros pretendores* (Miguel de Cervantes Saavedra, *La Elección de los alcaldes de Daganzo*, 1615);

- предлог *de* (900), а именно: *posibilidad de* (657), *posibilidades de* (119), *posible de* (99), *posibles de* (15), *posiblemente de* (10): *La esfinge sospecha que Fidel la ama, y á ella no le disgusta Fidel, el cual, tan apasionado se halla, que ni siquiera admite la posibilidad de su dicha* (Pedro Antonio de Alarcón, *Viajes por España*, 1907);

- конец предложения (737): *posible* (587), *posibles* (62), *posibilidad* (53), *posibilidades* (33), *posiblemente* (4), напр.: *Era preciso arreglar el cuarto lo mejor posible...* (Benito Pérez Galdós, *La desheredada*, 1881).

Глаголы, образующие беспредложную инфинитивную конструкцию после *posible*, разнородны; вот наиболее «привычные», встреченные не меньше 4 раз (всего не меньше 223 примеров): *hacer/hacerlo* «делать (это)» (20), *saber* «знать» (15), *ser* «быть» (13), *dejar* «оставлять» (11), *hallar* «находить, установить» (10), *volver* «вернуть» (8), *vivir* «жить» (8), *llegar* «прибыть» (8), *explicar* «разъяснить» (8), *salir* «выйти» (7), *seguir* «следовать» (7), *encontrar* «встретить» (7), *ver* «видеть» (6), *tener* «иметь, держать» (6), *llevar* «нести» (6), *ir* «идти» (6), *estar* «находиться» (6), *concebir* «ощутить» (6), *comprar* «покупать» (6), *pensar* «думать» (5), *entrar* «входить» (5), *dudar* «сомневаться» (5), *negar* «отрицать» (5), *haber* «иметь» (4), *evitar* «избегать» (4), *distinguir* «различать» (4), *detectar* «заметить» (4), *decir* «сказать» (4), *dar* «дать» (4), *creer* «верить» (4), *apreciar* «оценить» (4) и т. д.

Напр.: *¿Es posible saber de dónde sacas esas fuerzas?* «Возможно ли узнать, откуда ты черпаешь эти силы?» (Miguel Delibes, *El hereje*, 1998).

В поэтических текстах XVII в. часто (69) встречаем инвертированный порядок *posible es* (с глаголом «быть» в форме 3 л. ед. ч.) в вопросе там, где по-русски в XIX в. было бы ритмически близкое *возможно ль?*: *¿Posible es que en tanto mal / me falte tu vista, esposo?* «Возможно ль, что при стольких горестях мне необходимо видеть тебя, супруг мой?» (Luis Vélez de Guevara, *Reinar después de morir*, 1622).

### 2.1.2. Левые контексты

Наиболее часто позиция *posible* после глагола *ser* «быть» («постоянного состояния») в личной форме (всего не менее 2647): *es*, в том числе, в вопросительных предложениях (1514), *era* (488), *fue* (149), *sea* (93), *ser* (87), *será* (79), *fuera* (76), *fuese* (54), *sido* (43), *sería* (43), *fuere* (14), *fué* (7). После же глагола временного состояния *estar* «быть» эта основа не встречается, что говорит о вневременном характере физикалистской возможности. Напр.: *No es posible esta noche porque estamos un poco lejos* «В эту ночь невозможно, потому что мы далековато» (Marcela Paz, *¿Soy dix-leso? Por Papelucho*, 1975).

**Модификаторы** (не меньше 185):

- *muuy* «очень» (58): *Es muuy posible, porque para entrambos era igualmente afflictivo y desconsolador y nuevo (para mí a lo menos) aquel espectáculo* (José María de Pereda, *Peñas arriba*, 1894),

- *más* «как можно больше» (46): *Tardábamos todo lo más posible en entrar en casa* (Pío Baroja, *Las inquietudes de Shanti Andía*, 1920);

- *menos* «как можно меньше» (46): *Hasta que sea yo empresario; bien es verdad que entonces trabajará usted lo menos posible* (Jacinto Octavio Picón, *Dulce y sabrosa*, 1891);

- *mejor* «как можно лучше» (35): *Era preciso arreglar el cuarto lo mejor posible...* (Benito Pérez Galdós, *La desheredada*, 1881).

### 2.2. Probable (1142) «вероятный»

Это поле представлено основой *probab-* без префиксов.

#### 2.2.1. Правые контексты

Союз *que* (189): *probable que* (173), *probaba que* (11), *probablemente que* (5): *No; espero que no nos separaremos tan a deshora, y cuando parece probable que, siguiéndome, asistan ustedes a algún espectáculo que les haga más llevadero el fastidio de mis personales narraciones* (Benito Pérez Galdós, *Bailén*, 1878);

- предлог *de* (87): *probabilidad de* (32), *probablemente de* (28), *probabilidades de* (27): *Y tanto él como Juanito manteníanse firmes, a pesar de que continuaba el alza y no se veía la menor **probabilidad de** que pudiesen cumplirse las predicciones de don Ramón* (Vicente Blasco Ibáñez, *Arroz y tartana*, 1894);

- конец предложения (32): *probable* (20), *probablemente* (12): *Es lo más **probable*** (Pío Baroja, *Zalacaín El Aventurero*, 1919).

Перед глаголом *es* (*ser* «быть» в форме 3 л. ед. ч.) *probable* бывает в утвердительных предложениях (75), причем немного чаще, чем *posible* в вопросительных: ***Probable es que no tenga cuanto se necesita, 400 mudas*** (Cirilo Villaverde, Cecilia Valdés o La loma del Ángel: *Novela de costumbres cubanas*, 1839). Реже встречаем в правом контексте формы других времен этого глагола «быть», ср.: *probablemente fue* (7) и *probable era* (7) и т. п.; напр.: ***Probablemente fue esta temporal pero creciente excitación la que me rescató en aquellos momentos de la profunda angustia que había anidado en mi corazón a raíz de los once y agitados días que había vivido en aquel Israel del año 30*** (J.J. Benítez, *Caballo de Troya*: 2, 1986); ***Lo más probable era que Sierva María no contrajera la rabia*** (Gabriel García Márquez, *Del amor y otros demonios*, 1994).

Глаголов в инфинитиве, идущих непосредственно после *probable* в предложении, не найдено. В этом также отличие от *posible*.

### 2.2.2. Левые контексты

После глагола *ser* «быть» *probable* встречается значительно чаще, чем перед ним (119), ср.: *es probable* (90), *era probable* (21), *es probablemente* (8), напр.: ***Es probable que nunca me haya sentido tan feliz como en ese momento*** (Mario Vargas Llosa, *Historia de Mayta*, 1984). После глагола временного состояния *estará* «быть / находиться (в некотором состоянии или месте)» в форме предположительного будущего не очень часто, но бывает (4), напр.: ***Estará probablemente paseando en la plaza*** (Pío Baroja, *Zalacaín El Aventurero*, 1919).

**Модификаторы** (не меньше 178):

- *más probable* (99): ***Lo más probable es que se hallara desierto*** (J.J. Benítez, *Caballo de Troya*: 2, 1986);

- *muy probablemente* (27): ***Muy probablemente, los analistas de Caballo de Troya habrían detectado el llamado signo de Larcher*** (J.J. Benítez, *Caballo de Troya*: 1, 1984);

- *muy probable* (25): ***Es muy probable, es casi seguro*** (Vicente Blasco Ibáñez, *Los argonautas*, 1913);

- *poco probable* (18): ***De todos modos, era poco probable que el capitán Love tuviera éxito donde tantos otros habían fracasado, Joaquín Murieta parecía invencible*** (Isabel Allende, *Hija de la fortuna*, 1999);

- *más probablemente* (9): ***Después de las tres o cuatro excursiones se entregaría al alcohol y, más probablemente, a los negritos*** (Adolfo Bioy Casares, *Una muñeca rusa*, 1991).

### 2.3. *Imposible* (3220) «невозможный»

Поле основы *imposib-* с архаичными орфографическими вариантами *impossib-*, *inposib-*, *inpossib-*.

#### 2.3.1. Правые контексты

Конец предложения (442): *imposible* (390), *imposibles* (52): ***Cruzarlo a nado era imposible*** (Marcela Paz, *Papelucho perdido*, 1974);

- союз *que* (338): *imposible que* (314), *imposibles que* (23), *imposibilidad que* (1): ***Me agradecía mucho la intención; pero él solo sabía todo lo mal que se encontraba y lo***

**imposible que era salir de aquel atolladero sin un milagro de Dios** (José María de Pereda, Peñas arriba, 1894);

- предлог *de* (314): *imposibilidad de* (126), *imposible de* (122), *imposibles de* (51), *imposibilidad de* (15), напр.: *Convengamos en que, en la imposibilidad de complacerlas, es muy recomendable esta manera de engañarlas á todas* (José M. de Pereda, Escenas Montanesas, 1895).

Глаголы, образующие беспредложную инфинитивную конструкцию после **imposible**, разнородны, вот наиболее «привычные», встреченные не меньше 4 раз (всего не меньше 287 примеров): *saber/saberlo* «знать» (25), *hacer/hacerlo* «делать» (15), *vivir* «жить» (13), *seguir* «следовать» (11), *imaginar* «воображать» (10), *concebir* «ощущать» (10), *alcanzar/alcanzarle* «догнать» (9), *pasar* «пройти» (9), *encontrar* «встретить» (9), *distinguir* «различить» (9), *dejar* «оставить» (9), *hablar* «говорить» (8), *dar* «дать» (8), *volver* «вернуть(ся)» (7), *llevar* «нести» (7), *adivinar* «предвидеть» (7), *estar* «быть, находиться» (6), *entender* «понять» (6), *creer* «верить» (6), *conseguir* «достичь» (6), *ver* «видеть» (5), *tener* «держатъ» (5), *resistir* «сопротивляться» (5), *obtener* «получить, добиться» (5), *llegar* «прибыть» (5), *levantarse* «подняться» (5), *leer* «читать» (5), *haber* «иметься» (5), *explicar* «объяснять» (5), *descubrir* «раскрыть» (5), *comprender* «понимать» (5), *abandonar* «покинуть» (5), *vencer* «победить» (5), *ser* «быть» (4), *sacar* «извлекать» (4), *pensar* «думать» (4), *olvidar* «забывать» (4), *evitar* «предотвращать» (4), *escapar* «ускользнуть» (4), *conocer* «знать, быть знакомым» (4), *calcular* «вычислять» (4) и т. д.

Напр.: *Nos es imposible saber si á mas de esa fuerza representativa que experimentamos en nuestras ideas, existen substancias finitas capaces de representar cosas distintas de ellas y no causadas por ellas* (Jaime Balmes, Filosofia fundamental, 1818; сохранена орфография оригинала).

### 2.3.2. Левые контексты

Чаще всего глагол «постоянного состояния» *ser* «быть» в личной форме (не меньше 1218): *es* (568), *era* (384), *fue* (65), *sería* (47), *será* (36), *fuera* (26), *sido* (23), *ser* (15), *fué* (11), *son* (10), *siendo* (9), *sea* (7), *fuese* (7), *serían* (6), *eran* (4). Напр.: *Piérdase el reino, Palante, / y el mundo, pues yo me pierdo; / que es imposible ser cuerdo / el que es verdadero amante* (Juan Ruiz de Alarcón, El dueño de las estrellas, 1634). После глагола временного состояния *estar* «быть» этой основы не бывает, в отличие от «вероятно».

Значительно реже, чем глагол существования или постоянного состояния, встречаем глаголы со значением «казаться» и «становиться»:

- «казаться» (91): *parecía* (52), *parece* (39): *Sólo el menor no dijo nada, / porque la cosa le parecía imposible* (Carmen Lyra, Cuentos de mi Tía Panchita);

- «становиться в итоге» (58): *resultaba* (43), *resulta* (12), *resultaría* (3): *No era económico, pues a la modesta producción española le resultaba imposible abastecer los mercados de diecinueve naciones* (Vicente Blasco Ibáñez, El papa del mar, 1925).

**Модификаторы** (не меньше 179):

- *casi* «почти что» (84): *Y cuando á la riqueza no iba unido un alto grado de poder, era más constante el peligro, y casi imposible de conjurar* (Juan Valera, Un poco de crematística: Meditación, 1870);

- *no* «не» (27): *Y tenía tan apretadas carnes que, según afirmaba su marido, era difícil, cuando no imposible, pellizcarla* (Juan Valera, Cuentos y chascarrillos andaluces);

- *absolutamente* «совершенно» (18): *Es absolutamente imposible que el tipo oiga nada* (Julio Cortázar, Rayuela, 1963);

- *tan* «столь» (16): *¿Pues quién es, que es de hallar tan imposible?* (Agustín Moreto, Pedro Lanini y Sagredo, Santa Rosa del Perú, 1676);

- *cómo* «как» (14): *Hágase este trueque, y se verá cómo resulta la inteligencia mutua que se da cómo imposible por los que no saben buscarla* (José María de Pereda, Peñas arriba, 1894);

- *más* «более» (13): *Pocas horas antes, el dolor había estrujado su corazón, considerando perdida la mujer amada, tanto más, cuanto más imposible* (Jacinto Octavio Picón, Lázaro: Casi novela, 1882);

- *prácticamente* «практически» (7): *Escalar por los costados de la catarata, sin cuerdas y sin ayuda, era prácticamente imposible* (Isabel Allende, La Ciudad de las Bestias, 2002).

Что общего у существительных, при которых *imposible(s)* выступает в качестве определения (не меньше 66): *amor* «любовь» (12), *vida* «жизнь» (11), *cosas* «вещи» (8), *punto* «точка, пункт» (7), *palabra* «слово» (7), *cosa* «вещь» (4), *sueño* «сон» (4), *algo* «нечто» (4), *remedio* «средство» (3), *paso* «шаг» (3), *deseo* «желание» (3) и т. д.? А при частоте 2 и меньше можно просто констатировать креативный разнобой, с претензией на почти «неслыханный» креатив. Напр.: [...] *no hay conquista imposible, que mi pecho / no se atreva a emprender* «[...] нет невероятной победы, за которую мое сердце (букв. грудь моя) не дерзнуло бы вступить в бой» (Juan Ruiz de Alarcón y Mendoza, El dueño de las estrellas, 1634). Это предложение с двойным отрицанием заодно еще и повергает в смятение. Гипотеза о суперлативном значении *conquista imposible* как «величайшая победа», а не как «невозможная победа» только и спасет интерпретатора от когнитивного диссонанса.

Частотность сочетаний с существительным, идущим не перед, а после эпитета *imposible(s)*, не больше 2, напр., *imposibles pensamientos* (2) «невозможные мысли», *imposible pretensión* (2) «непомерное притязание», обрекая текст на еще большую креативность. Такие фигуры речи граничат с суперлативом. Например, *imposible esperanza* (2) «невозможная надежда» должно трактоваться как «отчаянная надежда на невозможное» или даже «крайняя степень отчаяния» в предложении: *Con esto, si en tu mudanza / obra amor y no verdad, / no impida tu libertad / esa imposible esperanza* (Juan Ruiz de Alarcón y Mendoza, La manganilla de Melilla, 1634). И *imposibles promesas* «невозможные обещания» как «невыполнимые обещания», напр.: *Quiere el cielo / que nos ofrezca la tierra / alguna presa importante / porque a sus plantas la ofrezca / en vez de amantes lisonjas / y de imposibles promesas* (Antonio Mira de Amescua, El mártir de Madrid, 1574-1644).

#### 2.4. *Improbable* (97) «невероятный»

Этот наименее частый класс представлен основой *improbab-* с архаичными орфографическими вариантами *inprobab-*, *unprobab-*. Статистические данные для него имеют очень условную ценность, местами близкую к нулю.

##### 2.4.1. Правые контексты

Союз *que* (26): *Ahora sonreía con algo parecido a la ternura, aunque era del todo improbable que fuera capaz de tal sentimiento* (Isabel Allende, El Reino del Dragon de Oro, 2003);

- предлог *de* (13), перекидывающий мостик от одного существительного из левого контекста *improbable* к другому, после предлога: *Así que mi verdad quedó extraviada para siempre en algún punto improbable de los dos extremos* (Gabriel García Márquez, Vivir para Contarla, 2002);



- конец предложения (9): *Y esta vez la hipótesis del accidente parece improbable...* (Arturo Pérez-Reverte, *La piel del tambor*, 1995).

Инфинитивов, идущих за *improbable* после *de* и прямо зависящих от него в предложении, нет. Встретился один контекст, когда *de que* вводит предложение, о невероятности которого идет речь: *La improbabilidad de que volviese a ser ministro era el más dulce consuelo de su vida fracasada, y al verlo ahora de pronto casi embajador, volvía otra vez sus ojos a lo alto con expresión de protesta* (Vicente Blasco Ibáñez, *El papa del mar*, 1925).

#### 2.4.2. Левые контексты

Все левые контексты имеют «штучный» характер, обладая в корпусе очень малозначительной статистикой и требуя от интерпретатора изобретательности.

Заметное число контекстов составляет глагол *ser* «быть» в личных формах (15); напр.: *era* (9): *Huberto pensaba así desde que tuvo uso de razón, era improbable que la revolución cambiara esos sentimientos* (Isabel Allende, Eva Luna, 1987); *es* (6): *No es improbable su adición de algún rasgo melodramático* (Jorge Luis Borges, *El informe de Brodie*, 1970).

Всего лишь три раза находим глагол *resultar* в форме прошедшего времени *resultaba* «оказался»: *Resultaba improbable que se fijaran en Eliza, pues poco en su físico podía encender pasiones: era pequeña y delgada, carecía de la palidez lechosa o la opulencia de busto y caderas tan de moda* (Isabel Allende, *Hija de la fortuna*, 1999).

Самое частое существительное левого контекста – *caso* «случай» (12): *Los guardias tenían las caras cubiertas con pañuelos, para que nunca pudieran ser reconocidos en el caso improbable de que las circunstancias cambiaran* (Isabel Allende, *La Casa de los espíritus*, 1982). После *improbable(s)* при этом идет сочетание *de que*, и конструкция означает: «в том невероятном случае, что...». Остальные существительные одноразового использования, такие как *horas improbables* «невероятные часы» (1), *virtudes improbables* «невероятные добродетели» (1), *hipótesis improbables* «невероятные гипотезы» (1) и т. п., можно считать «однажды слышанными креативами»: *Poco a poco fue idealizándola, atribuyéndole virtudes improbables, sentimientos imaginarios, y al cabo de dos semanas ya no pensaba más que en ella* (Gabriel García Márquez, *El amor en los tiempos del cólera*, 1985).

Типовой семантический перенос («фигура речи») позволяет словосочетание «невероятный сон» интерпретировать как «сон о невероятном»: *Mi madre, con apenas tres años, lo recordó siempre como un sueño improbable* (Gabriel García Márquez, *Vivir para Contarla*, 2002). А «невероятное обещание» и «невероятная надежда» трактуются как «обещание невозможного» (то есть, «неисполнимое обещание») и «надежда на невозможное»: [...] *descartó las palabras ásperas y secas, las demasiado floridas, las que estaban desteñidas por el abuso, las que ofrecían promesas improbables, las carentes de verdad y las confusas, para quedarse sólo con aquellas capaces de tocar con certeza el pensamiento de los hombres y la intuición de las mujeres* (Isabel Allende, *Los cuentos de Eva Euna*, 1989).

#### Модификаторы:

- *altamente* (6): *En otras palabras, la variante que Trotsky califica de altamente improbable es la única que se ha producido hasta el momento* (Nahuel Moreno, *Actualización del Programa de Transición*, 1980);

- *muy* (3): *Lo veo pero que muy improbable, queridísima* (Arturo Pérez-Reverte, *La tabla de Flandes*, 1990);

- *tan* (2): *Le pareció una coincidencia extraña que su amiga se hubiera instalado en casa de Joan y Susan, la realidad resultaba a veces tan improbable como las absurdas novelas de televisión que Inmaculada seguía fielmente* (Isabel Allende, *El plan infinito*, 1991);

- más (2): *Hacia tres años y medio que no se ponía un vestido y nada sabía de Miss Rose, Mama Fresia o su tío John; le parecían mil años persiguiendo una quimera cada vez más improbable* (Isabel Allende, *Hija de la fortuna*, 1999).

### 3. Сочетания (не)возможного и (не)вероятного в предложении

Только два класса сочетаний представлены существенным числом примеров в корпусе: «возможное + невозможное» и «возможное + вероятное».

**Posible + imposible** (89). Особенно часто сопологаются эти понятия у М. Сервантеса (1547-1616) и у Ф. Лопе де Вега (1562-1635), напр.: *Nunca conocí qué es miedo, / todo cuanto quiero puedo, / aunque quiera lo imposible, / y en todo lo que es posible / mando, quito, pongo y vedo* (Miguel de Cervantes Saavedra, *Don Quijote de la Mancha*, t. 3-4, 1605-1616); *Con eso puedo / morir de imposible amor / y tener posibles celos* (Lope De Vega, *El castigo sin venganza*, 1631). В фантазии невозможное становится возможным, а возможное исчезает: *Desengañónos un moro, / y vimos en un instante / el imposible posible, / y lo posible alejarse* (Lope de Vega, *El remedio en la desdicha*, 1596–1602).

**Posible + probable** (37), напр., «возможно, и более того, очень вероятно»: *Es posible y además muy probable, que nuestra alma tiene facultades activas de cuyo ejercicio no tiene conciencia: sin esta suposición parece difícil explicar los misterios de la vida orgánica* (Jaime Balmes, *Filosofía fundamental*, 1818). Об аналоге «наиболее вероятной версии следствия» речь идет в следующем примере: *Ser rico en aquel tiempo tenía muchas ventajas, y también muchas desventajas, por supuesto, pero medio mundo lo anhelaba como la posibilidad más probable de ser eterno* (Gabriel García Márquez, *El amor en los tiempos del cólera*, 1985).

Остальные случаи статистически различаются несущественно:

**Imposible + probable** (8), напр.: *Se me ocurre que salvó a mi padraastro de ser raptado, porque de acuerdo con la ley de probabilidades era imposible que le ocurriera en la vida real lo que yo había puesto sobre un escenario, sin embargo no protegió a otro diplomático que fue secuestrado en Uruguay y sufrió las pruebas que imaginé en la seguridad de mi casa en Santiago* (Isabel Allende, *Paula*, 1994). Из следующего примера видно, что на шкале предположительности вероятность ближе к убедительности, чем невозможность: *Salvando las distancias entre lo imposible, lo probable y lo convincente, hemos establecido que la encuadernación del libro puede ser del XVII: Eso no significa que las hojas que están dentro correspondan a esta encuadernación y no a otra; pero démoslo por supuesto* (A. Pérez-Reverte, *El Club Dumas o La sombra de Richelieu*, 1993).

**Posible + improbable** (5), напр.: *Las confusiones yo diría que son improbables, aunque, no lo niego, posibles – admitió el bajo, para en seguida explicar-: Por la efervescencia de la hora* (A. Bioy Casarex, *Diario de la guerra del cerdo*, 1969). То есть, невероятное не всегда невозможно. И наоборот, по зрелом размышлении, возможное оказывается иногда невероятным: *Eso, aunque posible, resulta improbable* (A. Pérez-Reverte, *El club dumas o la sombra de richelieu*, 1993). Или кажется слишком невероятным: *La única argamasa posible era algo tan improbable y voluble como el amor; si lo había, y en el caso de ellos no lo había cuando se casaron, y el destino no había hecho nada más que enfrentarlos a la realidad cuando estaban a punto de inventarlo* (G. García Márquez, *El amor en los tiempos del cólera*, 1985).

**Imposible + improbable** (4), напр., то, что не кажется невозможным, тем не менее, может оцениваться как невероятное: *Fijese: calidad de papel, manchas de páginas, tonos*

*idénticos, alteraciones de tinta, tipografía: No es imposible que haya en él hojas infiltradas; pero lo considero improbable* (A. Pérez-Reverte, El Club Dumas o La sombra de Richelieu, 1993). Продолжая мысль Г.В.Ф. Гегеля (1770–1830), утверждают, что все «логически не невозможное» имеет право на существование, даже если кажется невероятным или маловероятным: *En pura lógica, cuando eliminamos todo lo imposible, lo que queda, por improbable o difícil que parezca, tiene forzosamente que ser cierto...* (A. Pérez-Reverte, La tabla de Flandes, 1990).

**Probable + improbable** (1) встретилось лишь один раз в высказывании, противопоставляющем несоотносимые аспекты одной и той же личности: [...] *nuestro adversario es probablemente un hombre, y de forma más improbable una mujer, con una importante seguridad en sí mismo, de carácter agresivo, cruel, y con una especie de sadismo de voyeur «Наш соперник, вероятно, мужчина, совершенно невероятно, чтобы это была женщина, с такой самоуверенностью, агрессивностью, жестоким и каким-то вуайерским садизмом»* (A. Pérez-Reverte, La tabla de Flandes, 1990).

#### 4. Заключение

1. В испанском корпусе, как и в других западноевропейских и в русском, частотность лексем класса «возможность» выше, чем класса «вероятность», а отрицательные основы употребляются значительно реже, чем соответствующие утвердительные. Так, в испанском «возможный» чаще, чем «вероятный» в 5 раз. Невозможное же упоминается чаще, чем невероятное, в 30 раз. А о вероятном говорят в 12 раз чаще, чем о невероятном.

Это неожиданно и парадоксально (чуть не сорвалось с языка: «невероятно»). Почему о «внечеловеческом» возможном говорят значительно чаще, чем о человеческом вероятном? Казалось бы, больше надо упоминать ту рубаху, которая ближе к телу? Правда, что ли, что «свои» не обидятся, а непредсказуемые и свирепые «чужаки», как кошки, ведутся на доброе слово?

2. Представлены все случаи сочетания (не)возможного и (не)вероятного в испанском тексте. Однако только сочетания «возможное + невозможное» и «возможное + вероятное» сколько-нибудь статистически значимы, а остальные можно расценить как креативы из-за неряшливости, их иностранцу употреблять не стоит.

3. Позиция перед предлогом *de* занимает по частоте следующее место после позиции перед союзом *que*, которая, в свою очередь, является наиболее частой для всех лексем, кроме *imposible* (для этой лексемы позиция перед *que* – вторая по частотности, а лидирует позиция конца предложения). В то же время, после *imposible* чаще, чем после представителей остальных полей, находим «голый» инфинитив (список типичных глаголов см. 2.3.1), составляющий предикат вложенной пропозиции, к которой относится суждение о возможности или вероятности. Этот список, в принципе, совпадает со списком для *posible* (если отвлечься от количественных показателей в корпусе) и ждет своего Д.И. Менделеева с испанским уклоном для выяснения семантических закономерностей. В любом случае, ведущая роль всех рассмотренных полей – высказывать пропозициональную установку. Тогда можно сказать, что *imposible* звучит после пропозиции (мы сначала слышим содержательную сторону, а потом узнаем само мнение: «это невозможно»), а остальные лексемы – перед нею. В случае отрицательного суждения от лица «природы», говорящий, переминаясь с ноги на ногу, сначала дает услышать, в чем состоит пропозиция, а потом ставит на

ней крест: *imposible!* Позитивное же оглашаемое заключение, не томя, объявляют сразу же.

4. Таким образом, роль маркеров пропозициональной установки у наших лексических единиц доминирует, а роль эпитета предметов как возможных или невозможных – на втором или третьем месте. Это косвенный довод в пользу того, что предметы по природе своей не бывают ни возможными, ни вероятными: их такими объявляют только по семантическому переносу «событие → предметы и актанты, в ней замеченные», требующему немалой фантазии и от говорящего, и от слушающего. Возможно, еще и поэтому среди существительных, эпитетами которых бывают *posible* и *probable*, наиболее банально слово *caso* «случай» (в словосочетаниях типа «тот случай, когда»). Частотность эпитета как избитого штампа для остальных существительных свидетельствует о «слыханной» креативности, граничащей с банальностью.

5. Совет для тех, кто не хочет прозвучать по-испански нестандартно: постарайтесь употреблять лексемы *posible*, *probable* и *improbable* перед союзом *que*, а *imposible* в конце предложения. Так вы получите великодушное удовольствие от шокового способа сообщить позитивную истину и оттянете неприятный момент оглашения суровой негативной правды. В иных же контекстах можно нечаянно выйти на допустимые рубежи креативности, с их скрытыми от уха иностранца, но коварными подтекстами и интертекстами.

### Литература

Демьянков В.З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. (В печати)

Караулов Ю.Н., Пуиг М.С., Черкасова Г.А. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М.; Мадрид: Азбуковник, 2001. 496 с.

Karaúlov, Yurii N., Sánchez, Puig M. (2000). Gramática asociativa de la lengua rusa: Principios activos. Madrid: Gram.

## ON 'POSSIBLE' AND 'PROBABLE' IN SPANISH CORPUS

Valery Z. Demyankov

Doctor of Philology

Chief Researcher, Institute of Linguistics  
of Russian Academy of Science

1, 1 B. Kislovskij per. Moscow, 125009

*vdemiank@mail.ru*

Second language acquisition requires mastering of grammatical, phonetic, etc. rules of a language system as a Saussurean 'langue' as well as knowing ever changing linguistic fashion, collocations of which authentic language usage consists. The latter sort of knowledge presupposes the familiarity of stereotypes and clichés distinguishing a fluent speaker of mother tongue from a novice or a foreigner. A prototype of lexical description of Spanish lexical items 'possible' and 'probable' is proposed thus helping to measure degrees of 'contextual creativity' based on frequencies of both lexical items and their contexts in a representative corpus of Spanish original texts. Frequencies of different contexts of these

lexical items are analyzed, some tentative explanations of their differences are put forward. Therefore, 'possible' in Spanish texts is 5 times more frequent than 'probable', it signals a purely materialist view abstracted from human values presupposed by the lexical items of 'probable' kind. Most frequently, 'possible' and 'probable' are markers of a propositional attitude and introduce a subordinate clause or an infinitive phrase containing the evaluated proposition. In the role of epithets they are usually interpreted figuratively.

**Keywords:** L1 vs. L2 acquisition, Spanish corpus investigation, associative dictionary, 'possibility' vs. 'probability' in West-European and in Russian languages

#### References

*Dem'jankov V.Z.* O jazykovyh tehnikah adaptacii mnenija [On Linguistic Techniques Of Adapting Opinions]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues in Cognitive Linguistics]. 2020. Issue 4. (In Russian, in print).

*Karaulov Yu.N., Puig M.S., Cherkasova G.A.* Associativnye normy ispanskogo i russkogo jazykov [Associative Norms of Spanish and Russian]. M.; Madrid: Azbukovnik, 2001. 496 p. (In Russian).

*Karaulov, Yu.N., Sánchez, Puig M.* (2000). Gramática asociativa de la lengua rusa: Principios activos. Madrid: Gram.

**ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРАУЛОВА  
(ИДИОГЛОССАРИЙ ДОСТОЕВСКОГО: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ)**

**Коробова Марина Михайловна**

научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН  
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2  
*mmkor1955@yandex.ru*

**Ружицкий Игорь Васильевич**

доктор филологических наук,  
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся  
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова  
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП, МГУ имени М.В. Ломоносова  
*konnitie@mail.ru*

**Шепелева Светлана Николаевна**

кандидат филологических наук,  
научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН  
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2  
*svetnikmsk@yandex.ru*

В статье рассказывается о начальном этапе работы, охватывающем 1992–2003 гг., над последним масштабным проектом члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова (1935–2016) – Словарём языка Достоевского. Авторы-составители делятся своими воспоминаниями о том, как возникла и развивалась идея создания Словаря, какие существовали трудности на пути её практической реализации, о людях, которые так или иначе были при этом задействованы. Первая часть статьи посвящена краткому обзору научной деятельности Ю.Н. Караулова, выделяются её основные постулаты: любая концепция должна найти своё практическое воплощение; развитие современного языкознания возможно только с учётом междисциплинарных исследований; лингвистика не обязательно должна быть скучной наукой с не допускающей никаких отклонений методологией. Основной исследовательский метод Ю.Н. Караулова обозначается понятием паратаксиса – умением заметить и соединить вместе то, что, казалось бы, соединить невозможно, включить в одну парадигму разнородные элементы, осуществить их монтаж. Вторая часть носит мемуарный характер, в ней по годам описываются ключевые события, значимые для понимания концепции Словаря, рассматриваемого как один из методов реконструкции языковой личности, в данном случае – Достоевского. В третьей части статьи кратко говорится о современном этапе работы над Идиоглоссарием Достоевского. Основная цель статьи – показать концепцию Словаря в её динамике, что позволит по-новому взглянуть на Словарь в том виде, в каком он существует сейчас, лучше понять его структуру и задачи.

**Ключевые слова:** Ю.Н. Караулов, паратаксис, словарь языка писателя, языковая личность, Словарь языка Достоевского, структура словарной статьи, Идиоглоссарий, идиоглосса

[Из записок Добросёловой] *Воспоминания, радостные ли, горькие ли, всегда мучительны <...>* (Ф.М. Достоевский, Бедные люди).

[Тришатов Аркадию] *<...> у каждого есть свои воспоминания!* (Ф.М. Достоевский, Подросток)

[А. Карамазов] *И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение.* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы).

### **Введение**

Эта статья представляет собой воспоминания авторов-составителей Словаря языка Достоевского, идея которого принадлежит Юрию Николаевичу Караулову и Ефиму Лейзеровичу Гинзбургу. Любые воспоминания, как известно, всегда фрагментарны и дискретны, а время в воспоминаниях часто просто перестаёт существовать. В их основе – различного рода цепочки ассоциаций, переплетающиеся в хаотичные, живущие по своим законам и правилам сети. И мы, конечно, полностью отдавая себе отчёт в том, что любой рассказ о почти тридцатилетней работе под руководством Ю.Н. Караулова, ставшей главным делом нашей жизни, как и о человеке, давшем нам возможность жить именно такой жизнью, в любом случае окажется неполным и в чём-то ущербным, сосредоточим внимание на самом Словаре, на особенностях его концепции, расскажем о том, как эта концепция развивалась и продолжает развиваться.

### **Научная деятельность Ю.Н. Караулова: краткий обзор**

Эффективность научной деятельности сейчас принято оценивать с точки зрения различных показателей наукометрии – количеством изданных монографий, статей, прежде всего в так называемых рейтинговых журналах, индексом цитируемости, количеству подготовленных докторов и кандидатов наук и т. д. Данные показатели, несомненно, могут отражать реальный вклад учёного, но они также нередко представляют собой набор мало что значащих статистических данных. Вспоминаем в связи с этим, как сам Юрий Николаевич несколько раз с ироничной улыбкой упоминал слова одного известного и весьма почитаемого отечественного лингвиста, выдающегося по количеству изданных им статей: «Говорит, что с лёгкостью за одну ночь две статьи напишет. Как так можно?». Недоумение Юрия Николаевича легко понять: нам достоверно известно, что над некоторыми своими статьями он работал по полгода и более, как результат – нет ни одной публикации или выступления на научной конференции ради галочки в отчёте и тем более для повышения какого-то там мифического научного рейтинга. Ю.Н. Караулов никогда не думал ни о какой наукометрии, ему было важно ухватить идею, высказать её, зафиксировать и передать другим, всё остальное – вторично или вообще не важно.

Тем не менее следует отметить, что и с точки зрения наукометрических параметров наследие Ю.Н. Караулова весьма велико (более 300 научных работ и словарей). В первую очередь это 11 монографий: «Общая и русская идеография», «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка», «Русский язык и языковая личность», «Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности», «Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функ-

ционирования» (в соавт. с Ю.Н. Филипповичем) и др., определивших три основные исследовательские направления деятельности учёного – теория и практика лексикографии, ассоциативная лингвистика и концепция языковой личности. Идеи, обозначенные в этих трудах, получили практическую реализацию сначала в семантических и ассоциативных словарях: «Частотный словарь семантических множителей русского языка», «Русский семантический словарь», «Русский ассоциативный словарь» (в соавт. с Ю.А. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой), «Славянский ассоциативный словарь» (в соавт. с Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой), «Ассоциативные нормы испанского и русского языков» (в соавт. с Г.А. Черкасовой и М.С. Пуиг), «Словарь русских политических метафор» (в соавт. с А.Н. Барановым) и др. Несомненный интерес вызывают исследования Ю.Н. Караулова в области когнитивной лингвистики. Научные статьи о концептографии языковой картины мира и единицах знания, когнемах, структурах языкового сознания, а также реализация этих идей в построении лингвокультурного тезауруса явились очередным шагом учёного в изучении этнокультурного аспекта русской языковой личности.

На базе теории языковой личности сформировалась возглавляемая Ю.Н. Карауловым ведущая научная школа «Русская языковая личность», объединившая учёных самых разных направлений. Возникла самостоятельная дисциплина, лингвоперсонология, объектом изучения которой стала языковая личность в различных аспектах её изучения.

Деятельность Ю.Н. Караулова, безусловно, намного шире сказанного выше: создание в 1986 году в Институте русского языка им. В.В. Виноградова «Машинного фонда русского языка» как системы комплексной автоматизации лингвистических исследований, что некоторыми лингвистами, считавшими, что использование в гуманитарных науках электронно-вычислительных машин недопустимо, было воспринято категорически отрицательно, вплоть до написания ими в различные органы протестных писем, а по сути – доносов (сейчас мы, конечно, видим, что лингвистику, другие гуманитарные науки, образование без использования компьютерных технологий невозможно себе представить); исследование детской языковой личности, проблем государственного языка и многое-многое другое. И всё это при том, что научную работу приходилось сочетать с административной и редакционно-издательской деятельностью: с 1982 по 1996 гг. Ю.Н. Караулов – директор Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, с 2001 по 2016 гг. – директор Научного центра русского языка МГЛУ. Кроме того – главный редактор журнала «Русистика сегодня» и энциклопедии «Русский язык», член редколлегий научных журналов «Вопросы когнитивной лингвистики», «Вопросы языкознания», «Русская речь», «Русистика сегодня», «Studia Slavica», «Вопросы психолингвистики».

Если постараться выделить основные постулаты, определяющие научную деятельность Ю.Н. Караулова, то главными из них, на наш взгляд, будут следующие: (1) любая концепция должна найти своё практическое воплощение (если, например, это теория семантического поля, то она подтверждается созданием словаря-тезауруса); (2) развитие современного языкознания возможно только с учётом междисциплинарных исследований, на стыке философии, психологии, социологии и других наук; (3) лингвистика не обязательно должна быть скучной наукой с не допускающей никаких отклонений методологией. Основной исследовательский метод Ю.Н. Караулова мы бы обозначили понятием паратаксиса (от *греч.* Παράταξις – ‘выстраивание рядом’), термином, возник-



шем в лингвистике, где паратаксис – один из способов организации сложносочинённого предложения, и перешедшим в другие области знаний – философию, эстетику, культурологию и т. д., понимаемым в них намного шире – как возможность заметить и соединить вместе то, что, казалось бы, соединить невозможно, включить в одну парадигму разнородные элементы, осуществить их «монтаж». И, конечно, не случайно, что в архивах Ю.Н. Караулова мы находим многочисленные вырезки из журнала «Вопросы философии», выписки из работ, посвящённых созданию искусственного интеллекта, исследований по психологии и др. Отсюда и идеи – об аттракционной функции слова (см. [Караулов 2014(а)]), о лестнице Эшера в построении текстов у Ф.М. Достоевского (см. [Караулов 2014(б)]), о возможных мирах Лейбница в текстовом пространстве Достоевского (см. развитие этой идеи в [Ружицкий 2017(а)]) и многие другие. Отметим, что термин «паратаксис», применительно к описанию сочинительных связей слова, используется и в качестве одного из ключевых параметров Словаря языка Достоевского – последнего масштабного проекта, осуществлённого Ю.Н. Карауловым, которому и посвящена главным образом настоящая статья.

### **Пролегомены к концепции Словаря языка Достоевского**

В рождении Словаря языка Достоевского был момент случайности, ставшей, тем не менее, во многом знаковой. В феврале 1992 года (напомним, что в ноябре 1991 года отмечалось 170-летие со дня рождения Ф.М. Достоевского) в отдел Машинного фонда пришли две почтенные дамы, известные исследователи творчества Достоевского – Евгения Анатольевна Иванчикова, сотрудник Института, монография которой посвящена синтаксису Достоевского, и Лия Михайловна Розенблюм, сотрудник ИМЛИ, текстолог, редактор выпусков серии «Литературное наследство», в частности, тома «Неизданный Достоевский». Наслышанные о Машинном фонде и о новых возможностях работы с текстами с использованием электронно-вычислительных машин, они, привыкшие работать по старинке, с карточками, просто зашли узнать, нельзя ли использовать ЭВМ при создании словаря языка писателя. К разговору привлекли заведующего отделом Машинного фонда Владислав Митрофанович Андрющенко, который абстрактный разговор, разговор о «мечте» сразу же перевёл в практическую плоскость, отметив, что для реализации такой идеи в первую очередь следует создать корпус текстов Достоевского на электронных носителях. Именно так заронили зерно Словаря языка Достоевского, работа над которым продолжается и по сей день. Знаковым же данное событие явилось потому, что в основу зарождения идеи Словаря и её претворения в жизнь с самого начала положено сотрудничество лингвистов и литературоведов, тем самым как бы воплощая идею В.В. Виноградова о возможном синтезе лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста и создании на этой основе самостоятельного раздела филологии – лингвопоэтики.

О разговоре в Машинном фонде рассказали Ю.Н. Караулову, сразу же поддержавшему идею создания Словаря и не только поддержавшему, но и с самого начала активно включившемуся в её практическую реализацию. Первым шагом явилось создание в Институте нового отдела – экспериментальной лексикографии, в котором Словарь должен был стать главной плановой темой. Такой отдел создаётся уже в марте 1992 года, а в сентябре начинается предварительная работа над Словарём – прежде всего формируется рабочая группа под руководством Ю.Н. Караулова, в которую вошли Е.Л. Гинзбург, А.Я. Шайкевич, А.Н. Баранов, А.В. Андреевская, Е.А. Цыб, М.М. Коро-

бова, С.Н. Шепелева. Одновременно в отделе Машинного фонда проводится работа по созданию корпуса текстов Достоевского на электронных носителях. За основу берётся академическое издание Полного собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах, за исключением черновиков, вариантов текстов и записных тетрадей. Включение этих источников создало бы большие текстологические проблемы при обработке материала. То есть относительно текстов художественной прозы и публицистики принимается решение использовать только канонические, опубликованные самим автором тексты. При этом, конечно, мы, ставя перед собой цель лексикографического представления языковой личности Достоевского, всегда понимали важность учёта всех доступных текстов, созданных писателем, что находит отражение, например, в примечаниях словарных статей, где автор-составитель может в определённых пределах расширять установленный формат.

Заседания Группы Словаря языка Достоевского регулярно проводятся с сентября 1992 года, в основном – в директорском кабинете Юрия Николаевича. В первую очередь необходимо было очертить концепцию будущего Словаря, взять что-то за его основу. Предлагались разные варианты: Словарь языка Пушкина, Словарь автобиографической трилогии М. Горького, несостоявшийся Проект Словаря языка В.И. Ленина и др. Все эти варианты, однако, по тем или иным причинам оказались неприемлемыми для лексикографического представления языка Достоевского. Учитывая большой объём корпуса текстов писателя, принимается принципиальное решение отказаться от описания их полного лексического состава. И дело не только в объёме – приоритетным для Ю.Н. Караулова являлась реконструкция языковой личности, исследование авторской речи не в аспекте истории литературного языка, но для выявления собственно идиостилевых особенностей, а для решения такой задачи описывать весь лексический состав текстов, созданных писателем, нет необходимости. Отклоняется также идея построения словарей к отдельным романам Достоевского: так тоже невозможно решить ту же задачу – реконструкции авторской языковой личности.

Вопрос о том, что описывать в Словаре, таким образом, становится основным. В той или иной степени он продолжает решаться и в настоящее время.

Первоначально, как у скульптора, отсекающего от каменной глыбы всё ненужное, исключалось то, что в Словаре не будет являться предметом описания, например, имена собственные и дискурсивные слова, для этих лексических единиц необходимо создавать отдельные словари. Постепенно формируется ядро Словаря – словарь толкового типа. Тем не менее описывать все полнозначные слова в текстах Достоевского тоже весьма трудоёмкая задача, особенно если принять во внимание тот факт, что за все годы работы в Группе Словаря реально было не больше пяти авторов-составителей словарных статей. В результате принимается решение сделать базовым словарь толкового типа с выборочным словником, тем более что в лексикографической практике такой опыт уже имелся (см., например, [Грот 1883]).

С самого начала работы над Словарём проявился тип Юрия Николаевича как демократичного, а не авторитарного руководителя. Он всегда с готовностью выслушивал всех и только потом высказывал своё мнение, давая возможность проявиться научным предпочтениям каждого участника. С первых заседаний Группы Словаря языка Достоевского стали определяться личные интересы: А.Я. Шайкевич – статистика, частотные показатели, А.Н. Баранов – фразеология, Е.Л. Гинзбург – топонимика, М.М. Коробова – афористика и отсылки к прецедентным текстам в произведениях Достоевского,

Е.А. Цыб – глоссарий. Так постепенно возникает идея о необходимости создания серии словарей языка Достоевского, обуславливающаяся следующим: «Словарная серия выявляет и отражает противоречия, с которыми сталкивается любой из составителей словаря языка писателя. К ним относится, например, противоречие целостности, завершенности текста и незавершенности его составляющих любых уровней сложности; противоречие уникальности, неповторимости художественного произведения, с одной стороны, и универсальности, воспроизводимости любой использованной лексической единицы, с другой. Тем самым становится невозможным создать словарь, который описывал бы любую лексическую единицу, использованную писателем, на основе какой бы то ни было единой, непротиворечивой совокупности нетривиальных постулатов и правил и который при этом отражал бы все модусы существования языковой личности писателя, от мастера до вассала слова на разных этапах его творчества» [Караулов, Гинзбург 2001: XXIX]. Такая серия должна 1) отражать языковое богатство всего написанного Ф.М. Достоевским, т. е. все ипостаси его языковой личности; 2) учитывать изменения языковой личности писателя на разных этапах его творчества; 3) показать пользователю, как на выбор лексических единиц и их сочетаемость влияют такие факторы, как жанр текста, в котором они использованы, принадлежность речи автору (рассказчику) или персонажам того или иного произведения писателя; 4) описывать всё разнообразие лексических единиц, встречающихся в оригинальных текстах, принадлежащих писателю и др.

Кроме заседаний Группы Словаря языка Достоевского была также попытка организовать семинар «Язык Достоевского», первый доклад на котором прочитала Е.А. Иванчикова. В декабре 1992 года в работе семинара принял участие Г.М. Фридендер, а в феврале 1993 года с докладом о составлении паралингвистического словаря выступил А.Л. Ренанский.

Расскажем подробнее о первых годах работы над Словарём.

К 1993-му году был уже создан основной корпус текстов Достоевского, проводилась его вычитка. Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург представляют Проспект Словаря, одновременно с этим готовится общий план концептуальной и ставшей в дальнейшем ключевой статьи о новом словаре языка Достоевского (см. предисловие к [СЯД 2001]), составляется план работы над Словарём на ближайшие два года, разрабатывается общая схема словарной статьи, принимаются принципиальные решения о необходимости фиксирования в словарной статье первого употребления описываемого слова, а также об отражении особенностей его использования во всех периодах творчества Достоевского и во всех жанрах – художественной прозе, публицистике, личных и деловых письмах. Решаются и более частные задачи, например, проводятся статистические исследования афоризмов Достоевского, чтобы на материале афористики писателя проанализировать списки слов, необходимых для включения в словник Словаря. Однако главным образом 1993-й год посвящён составлению, обсуждению и отработке Инструкции по составлению словарных статей, а также написанию пробных статей.

Инструкция по составлению словарной статьи в то время включала в себя следующие рекомендации (приводится в сокращении):

- Настоящая инструкция включает следующие разделы: 0 Текстовая база словаря. 1. Композиция словаря. 2. Принципы формирования словника. 3. Структура словарной статьи. 4. Структура описания ЛСВ. 5. Оформление словарной статьи. 6. Приложения:

перечень описываемых произведений Ф.М. Достоевского с указанием на их место в ПСС и условных обозначений; перечень словарей; перечень наиболее частых слов <...> перечень сокращений <...>; указатель (сводный) имён персонажей; указатель (по произведениям) имён персонажей; перечень иноязычных включений, передаваемых средствами латинского алфавита.

0. Текстовая база Словаря. 0.1. Словарь языка Ф.М. Достоевского составляется на основе текстов Достоевского ПСС. 1. Композиция Словаря. 1.1. В Словаре предусматриваются две части: основная и вспомогательная. Основная часть, помимо собственно Словаря, включает предисловие, список текстов, инструкцию для читателя, послесловие (факультативно). Вспомогательная часть включает индексы, например, перечень наиболее часто употребляющихся служебных слов, указания на использование которых в произведениях Ф.М. Достоевского приводятся не полностью. 2. Принципы формирования словника. 2.1. Лексические «границы» Словаря. 2.0.1. В Словаре отражаются все лексические единицы, в том числе служебные слова, варваризмы. 2.0.2. Не описываются: 1) тексты, принадлежащие издателю или редактору рукописи; 2) указания на место и время написания; 3) обращения и подписи; 4) слова в цитатах из произведений самого Ф.М. Достоевского или других авторов; 5) названия книг (и разделов в них), газет, журналов, статей, упомянутых в тексте, вместе с вводящими родовыми терминами <...>; 6) имена собственные вне художественных текстов; 7) имена собственные, прежде всего антропонимы и топонимы <...>; 8) количественные, порядковые и дробные числительные, независимо от того, выражены они цифрами или словами <...>; 9) иноязычные слова, переданные полностью средствами русской графики <...> а также слова, переданные частично средствами русской, частично – средствами латинской графики <...>. 2.1.1. Формы словоизменения, какова бы ни была степень их лексикализации, отдельными единицами словарного описания не признаются. Если какая-либо форма лексикализована, то она описывается в специальной зоне той части словарной статьи, которая посвящена данному лексико-семантическому варианту. <...> 2.2. Что в одной словарной статье, что в разных словарных статьях. 2.2.1. Словообразовательные синонимы типа зачинатель – зачинщик, регулирование – регулировка или блистать – блеснуть считаются самостоятельными словами, описываются как самостоятельные вокабулы. Словарные статьи для этих слов содержат взаимные отсылки. 2.2.2. Лексические, орфографические, произносительные варианты подлежат описанию в качестве самостоятельных вокабул. В полной мере это верно для однокоренных слов, различающихся элементами написания, типа вумный – умный, вчерась – вчера, всерьёз – всерьёз, вариации – варьяции, движение – движенье, счастье – счастье; иноязычных однокоренных слов, различающихся оформлением конца слова, типа инфлюэнция – инфлюэнца. Все они помещаются в словаре по алфавиту. Словарные статьи вариантов содержат взаимные отсылки. 2.2.3. Наречия даются отдельными статьями. 2.2.4. Глаголы сов. и несов. вида даются отдельными словарными статьями. <...>. 2.2.5. Формы словоизменения, как правило, приводятся в одной словарной статье. Те или иные формы словоизменения, приводимые в одной словарной статье, иллюстрируются тогда и только тогда, когда данная форма отличается от соответствующей, стилистически нейтральной формы современного русского языка и по предположению является достоянием либо языка писателя, либо времени. 2.2.5.1. Синтетические формы сравнительной и превосходной степеней прилагательных, равно как и краткие формы прилагательных, не являются самостоятельными словарными статьями. 2.2.5.2. Неличные формы глагола (причастия и деепричастия) описываются в той же словарной статье, что и личные формы

глагола. 2.2.6. Составные наименования типа титулярный советник являются самостоятельными вокабулами. 2.2.8. В трактовке омонимии мы опираемся на существующую лингвистическую традицию, отражённую, напр., в МАС. 3. Структура словарной статьи. 3.0. Структура словарной статьи состоит из следующих разделов: адресная часть, корпус словарной статьи, отсылочная часть. 3.1. Адресная часть. 3.1.0. Адресная часть включает – обязательно – заглавие, слово или словосочетание, и – факультативно – указание на принадлежность данного слова к омонимическому комплексу. 3.1.1. Заглавие словарной статьи. 3.1.1.1. В качестве заглавия словарной статьи приводится та форма слова, которую обычно принято считать основной в словарях <...>. 3.1.1.3. Для местоимений, не употребительных в форме им. п., заголовком служит форма род. п.: нечего, некого. 3.1.1.4. Слова, употребительные только в составе фразеологических единиц и только в одной форме, даются в заголовке статьи в этой форме с неременной отсылкой к той словарной статье, в которой разрабатывается соответствующая является фразеологическая единица. 3.2. Корпус словарной статьи. 3.2.0. Корпус словарной статьи включает составляющие двух сотров: характеристика лексической единицы в целом, безотносительно к делению на значения и толкование отдельных значений описываемой лексической единицы. <...> 3.2.1. Характеристика лексической единицы в целом включает указание на её частоту, указание на грамматические (словоизменяемые и синтаксические) особенности и словоуказатель; факультативно – указание на стилистические особенности, комментарий. 3.2.1.1. Зона грамматической информации заполняется только в том случае, если описываемая единица обладает какими-л. особенностями грамматических форм. Таким образом, «узальная» грамматическая информация (в общем случае) не отражается в словарной статье, и эта зона может отсутствовать. Только в случае описания слов, входящих в омонимический комплекс, сообщение грамматических сведений, необходимых для разграничения омонимов, является обязательным. 3.2.1.2. Словоуказатель содержит все адреса употреблений описываемой единицы в текстах Ф.М. Достоевского, т. е. названия произведений, указания томов и страниц в этих томах, где встречается описываемая единица. Если частота превосходит некий порог частоты, словоуказатель фиксирует превышение этого порога. 3.3. Зона отсылок. Во всех случаях, перечисленных в пунктах 2.1.3., 2.1.5., 2.2.1., 2.2.2., 3.1.1.5 даются отсылки из одной словарной статьи в другую словарную статью. 4. Структура описания значения. 4.0. Описание любого значения слова включает: характеристику тех его грамматических особенностей, которые отличают его от других значений; характеристику контекстных условий использования; «стилистическую разработку» <...>; толкование в виде синонимов и квазисинонимов; иллюстрации. 4.1. Характеристика грамматических особенностей употребления слова в различных значениях. 4.2. Характеристика коммуникативных контекстов использования слова в различных значениях. 4.2.1. К различным коммуникативным контекстам относятся: авторская речь, речь рассказчика, прямая речь, внутренняя речь, несобственно-прямая речь, ремарки, монолог, письмо, обращение к читателю. 4.3. «Стилистическая разработка» слова. 4.3.1. В словаре применяются некоторые пометы, указывающие на принадлежность слова к определённым специфическим слоям лексики по своему происхождению и экспрессивно-стилистическим особенностям. <...> 4.4. Семантическая разработка значения. 4.4.1. Экспликация плана содержания языкового выражения не преследует целей полного его толкования. Требуется лишь разграничить использование слова Ф.М. Достоевским в различных значениях. 4.4.2. В тех случаях, когда имеется только один пример употребления слова, план содержания не эксплицируется вообще. 4.5. Фразеологизмы с данным словом. Фразеоло-

гические единицы разной степени идиоматичности приводятся по алфавиту в отдельной зоне, за ромбом. К каждому фразеологизму даётся краткое указание на его значение в виде нефразеологического синонима или квазисинонима. После описания значения приводятся контексты употребления. 4.6. Контексты употребления. 4.6.0. На каждое значение слова даётся не более десяти примеров. Предпочтительно хронологическое упорядочивание примеров. 4.6.1.1. В качестве контекстов употребления по возможности приводятся: 1) примеры, не отклоняющиеся от современной литературной нормы; 2) примеры с отклонениями от норм современного литературного языка, в том числе с особенностями морфологии, синтаксиса семантики и прагматики. Желательно показать весь спектр отклонений. 4.6.1.2. Характер и размеры примеров определяются условием достаточности приводимого текста для правильного понимания соответствующего слова или выражения. Границы примера не всегда могут совпадать с границами предложения или периода. По возможности примеры не должны содержать анафорических местоимений без антецедентов. 4.6.1.3. Составительские сокращения текста примеров допускаются лишь в тех случаях, если они не мешают правильному пониманию особенностей употребления слова в данном контексте. В примере в этих случаях может быть и несколько сокращений. Все сокращения, как в начале, так и в середине и в конце предложения, отмечаются знаком отточия в угловых скобках <...>. 4.6.1.4. В иллюстративных примерах вводится шрифтовое выделение иллюстрируемого слова. 4.6.1.5. Вслед за примером и (если они имеются) за условными обозначениями, предусмотренными в п. 4.2.1., даются краткие указания на название произведения, том ПСС и страница. В том случае, если пример в тексте переходит с одной страницы на другую, указывается лишь та страница, на которой находится иллюстрируемое слово. 4.6.1.7. Орфография и пунктуация примеров целиком следуют за текстом указанного в п. 0.1.1. издания. Исправляются лишь явные его опечатки. Религиозная лексика, которая в традиции имела написание с прописной буквы, приводится списком в приложении к инструкции. 5. Оформление словарной статьи. 5.1. Заглавное слово даётся с красной строки, занимая отдельную строку. Если слово принадлежит к омонимическому комплексу, то заглавному слову справа, после пробела, приписывается номер римскими цифрами. Далее, в угловых скобках, указывается общая (суммарная) частота данного слова по всем произведениям Ф.М. Достоевского, использованным при составлении словаря. 5.2. После заглавного слова на отдельной строке указывается грамматическая информация о слове. Зона грамматической информации заполняется только в том случае, если слово имеет какие-л. семантически релевантные грамматические формы по сравнению с современным русским языком или какие-л. иные особенности, которые автор статьи считает необходимым охарактеризовать. <...> 5.3. Зона описания значения слова начинается с отдельной строки, в начале которой даётся порядковый номер значения слова (цифра с точкой). После этого описывается модель управления стандартным образом, см. МАС. Если модели управления одинаковы для всех значений, они даются в зоне грамматической информации ко всему слову. Далее следует краткое толкование, выделенное шрифтом, после него – примеры на данное слово в данном значении. После каждого примера указывается его адрес в круглых скобках <...>. 5.4. Если в слове выделяется больше одного значения, то описание каждого из них имеет свой порядковый номер, начинается с красной строки и строится по схеме, указанной в 5.3. и 5.4. 5.7. Словоуказатель содержит в общем случае все адреса употреблений данного слова во всех его формах, а именно сокращённое название произведений в соответствии с приложением и номерами страниц по тексту источника в ПСС. В словоуказателе приводятся все адреса употреблений, в том числе и тех, кото-

рые приведены в иллюстрациях. Адреса употреблений описываемого слова распределены по формам этого слова, приведённым в явном виде. В пределах каждого из указанных делений адреса приводятся в хронологическом порядке последовательности текстов. 5.6. Завершает словарную статью зона комментария. Комментарий может содержать разнообразную лингвистическую информацию, в том числе информацию о всех отклонениях в употреблении слова Ф.М. Достоевским по отношению к современному языку; о случаях нейтрализации контекстов; о языковой игре и др.

Сравнивая эту Инструкцию с теми принципами, которыми мы при составлении словарной статьи руководствуемся в настоящее время (см., например, [Ружицкий 2017(б)]), легко заметить, насколько большие изменения произошли за прошедшие годы работы над Словарём, изменения, касающиеся критериев составления словника, отбора иллюстративного материала, структуры комментария словарной статьи, из факкультативного параметра ставшего обязательным, более того – ключевым и наиболее трудоёмким, и многого другого. Концепция Словаря никогда не являлась какой-то раз и навсегда застывшей схемой, само погружение в слово Достоевского заставляло и продолжает заставлять авторов-составителей менять и некоторые подходы к его лексикографическому описанию.

В 1994-м году Ю.Н. Караулов ставит задачу расширения «внешних связей» и представления Словаря за пределами Института. Так, в мае этого года М.М. Коробова делает сообщение о Словаре в Старой Руссе, в Доме-музее Достоевского, на IX Старорусских чтениях, традиционно литературоведческих, там же читает доклад на тему «Место цитаты в романном тексте» (о проекте словаря цитат, встречающихся в текстах Достоевского). По поручению Юрия Николаевича начинается сотрудничество с Международным обществом Достоевского, и наша Группа вступает в качестве коллективного члена в Московское отделение этого общества. А осенью 1994-го года Юрий Николаевич направляет М.М. Коробову в командировку в Санкт-Петербург для установления связей с исследователями творчества Достоевского. Текущая же работа состояла, кроме подготовки словарных статей, в планомерной вычитке корпуса текстов на электронных носителях, в сборе библиографии лексикографических источников и трудов, связанных с исследованиями творчества и языка Достоевского, необходимых для работы над Словарём, в составлении научной библиотеки отдела. Осваивается программа MS Word... Да, именно так: начало работы над Словарём совпадает с освоением Windows, и Юрий Николаевич вместе с нами учится пользоваться новым редактором на своём первом персональном компьютере Toshiba, при этом параллельно занимаясь крупными проектами – Русским ассоциативным словарём, словарём-справочником «Кто есть кто в современной русистике» и др.; у него возникает интерес к идее «парадоксов смеха» у Достоевского, который частично реализуется в статье «Номо tidens» (см. [Караулов, Гинзбург 1996]) и в дальнейшем получает развитие в работах и докладах М.М. Коробовой и И.В. Ружицкого (см., например, [Коробова, Ружицкий 2017; Ружицкий 2017(а)]).

В 1995-м году продолжается представление Проекта Словаря научной общественности. В январе Юрий Николаевич решает вынести его на широкое обсуждение с достоевистами и лексикографами Санкт-Петербурга, куда и инициирует запомнившуюся всем коллективную поездку в составе Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга, Д.О. Добровольского, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелевой и М.М. Коробовой. Первая часть презентации прошла в Музее Достоевского. Сотрудники Музея, Н.А. Ашимбаева, Б.Н. Тихомиров, Н.В. Чернова, тогда в шутку назвали этот визит «словарным десантом» и были впечат-

лены масштабностью Проекта. Вторая часть презентации состоялась в Словарном секторе Института лингвистических исследований РАН (участвовали Р.П. Рогожникова, Г.Н. Скляревская, Д.В. Дмитриев и другие сотрудники), где был сделан доклад из семи частей о разных словарях задуманной серии. Третья часть презентации проходила в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме) в Группе по изучению творчества Достоевского, в которую входили Н.Ф. Буданова, И.Д. Якубович, А.В. Архипова. В феврале Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург, оказавшись вместе в больнице, в Обнинске («два симулянта», как они себя называли в шутку), не теряя времени, плодотворно занимались Проектом Словаря языка Достоевского. Тогда же возникает теоретическое обоснование понятия «идиоглосса», рождается сам термин, ставший ключевым при составлении Идиоглоссария Достоевского.

В 1996-м году Юрий Николаевич ставит задачу подготовить сборник статей, приуроченный к 175-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского, который отразил бы первые результаты нашей работы по различным аспектам изучения языка Достоевского, в том числе и словарные материалы. И в конце года такой сборник – «Слово Достоевского» – выходит в свет (см. [Слово... 1996]). В этом же году Юрий Николаевич принимает участие в конференции «Авторская лексикография» в Институте русского языка им. В.В. Виноградова, которую открывает своим пленарным докладом. Интерес к названной теме в широком аспекте проявился и в дальнейшем: как известно, Ю.Н. Караулов стал ответственным редактором и одним из составителей антологии «Русская авторская лексикография XIX–XX вв.» (см. [Русская... 2002]). Отметим также, что в 1996-м году выходят программные статьи Ю.Н. Караулова «Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского» в сборнике «Язык как творчество» (обновлённую версию статьи см. в [Караулов 2014(г)]) и «Предикация и неопределённость?» (см. [Караулов 1996]). Однако 1996-й год приносит и серьёзные трудности: Юрий Николаевич перестаёт быть директором Института, так что дальнейшие два года становятся непростыми и для Словаря (в силу экстралингвистических причин), возникает вопрос о дальнейшем продлении научно-исследовательской темы «Словарь языка Достоевского». Юрий Николаевич, однако, смог отстоять тему, и уже в 1998-м году очередной доклад Ю.Н. Караулова на Учёном совете Института русского языка им. В.В. Виноградова о работе над Словарём принимается вполне благожелательно. И мы по-прежнему с увлечением продолжаем работать над словарными статьями, в первую очередь – над выделением идиоглосс, т. е. над формированием словника.

В 1999-м году на IX конгрессе МАПРЯЛ в Братиславе Ю.Н. Караулов делает доклад «Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста», идеи которого в дальнейшем становятся программными для составления зоны текстовых ассоциаций в комментарии словарной статьи Словаря (обновлённую версию доклада см. в [Караулов 2014(в)]). Главный же итог этого года – словарные статьи, подготовленные для так называемого «пилотного» издания «Словаря языка Достоевского. Лексический строй идиолекта» (см. [СЯД 2001]). В сентябре 1999-го года на Учёном совете Института русского языка им. В.В. Виноградова состоялось утверждение к печати первого, экспериментального, выпуска Словаря, прообраза будущего Идиоглоссария. Уже в 2003 году издаются второй и третий выпуски «Лексического строя идиолекта» (см. [СЯД 2003(а, б)]). Так, на заре нового тысячелетия, начался и новый этап работы над Словарём языка Достоевского.



### Заключение

27 июня 2004 года ушёл из жизни Ефим Лейзерович Гинзбург, а 5 мая 2016 года не стало Юрия Николаевича Караулова. К этому времени уже были изданы три тома Идиоглоссария (см. [СЯД 2008, 2010, 2012]), шла напряжённая работа над четвёртым томом. Юрий Николаевич, невзирая на тяжёлую болезнь, продолжал руководить заседаниями Группы. Несмотря на невосполнимую утрату, мы считали своим долгом закончить четвёртый том Идиоглоссария, и этот том, посвящённый памяти Юрия Николаевича Караулова, был издан в 2017 году (см. [СЯД 2017]). В настоящее время готовится к изданию пятый том Идиоглоссария (буквы По–С), который планируется сдать в печать в апреле 2021 года, т. е. в год 200-летнего юбилея Ф.М. Достоевского. Без статей этого тома сложно представить тезаурус писателя, отражающий его взгляд на мир и, что самое главное, – на человека. Такие идиоглоссы, как смех, смешной, смешно, смеяться, страх, страшный, страшно входят в ядро авторского тезауруса, идиоглоссы почва, пошлость, пошлый, пошло, правда, православный, православие, преступление, родина, русский, семья, смирение, совесть, спасти, спасение, стыд и многие другие – в его центральную область, а, например, идиоглоссы почти и слишком функционируют в качестве индикаторов границ пространства возможных миров, столь важных для Достоевского.

После этого останутся шестой том Идиоглоссария (буквы Т–Я) и седьмой, включающий в себя словарные статьи, которые по тем или иным причинам не вошли в предыдущие тома. И остаётся надежда – успеть завершить последний проект Юрия Николаевича Караулова, реализовать столь дорогую для него идею. Ведь концепций много, даже слишком много, не хватает, однако, их практических реализаций. «<...> написать теоретическую работу, выдвинуть новые идеи, даже создать целую новую теорию легче (заметим ещё – престижнее), чем внедрить уже имеющиеся идеи, воплотить готовые теории» [Караулов 1981: 27–28].

### Литература

*Гротъ Я.* Словарь къ стихотвореніямъ Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. IX. СПб., 1883. С. 356–444.

*Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.

*Караулов Ю.Н.* Предикация и неопределённость? // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 387–395.

*Караулов Ю.Н.* Достоевский и Эйзенштейн: монтаж аттракционов // Слово Достоевского–2014: Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014(а). С. 34–50.

*Караулов Ю.Н.* Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Слово Достоевского–2014: Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014(б). С. 107–115.

*Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Слово Достоевского–2014: Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014(в). С. 132–141.

*Караулов Ю.Н.* Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Слово Достоевского–2014: Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014(г). С. 20–34.

*Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 160–186.*

*Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. первый. Предисловие. М.: Азбуковник, 2001. С. IX–LXIV.*

*Ружицкий И.В. Mundos Potentiale esse в творчестве Достоевского // Языковая личность: аспекты изучения: Сб. науч. ст. памяти члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова / под ред. И.В. Ружицкого и Е.В. Потёмкиной. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 239–249.*

*Ружицкий И.В. «Смех» Достоевского глазами лексикографа // STEPHANOS. 2017(6). № 6(26). С. 37–48.*

*Ружицкий И.В. Предисловие // Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По) / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. тома И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017(в). С. X–XX.*

*Ружицкий И.В., Коробова М.М. Семантическое поле СМЕХ в структуре тезауруса Достоевского // Филологический аспект. 2017. № 12(32) [электронный ресурс]. URL: <http://scipress.ru/philology/?p=2771> (дата обращения: 12.08.2020).*

*Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с.*

*Слово Достоевского: Сб. ст. / под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга. М.: ИРЯ РАН, 1996. 304 с.*

*СЯД 2001 – Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. Вып. I. Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. М.: Азбуковник, 2001. 442 с.*

*СЯД 2003(а) – Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. Вып. II. Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. М.: Азбуковник, 2003(а). 510 с.*

*СЯД 2003(б) – Словарь языка Достоевского: лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. Вып. III. Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. М.: Азбуковник, 2003(б). 559 с.*

*СЯД 2008 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.*

*СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.*

*СЯД 2012 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012. 847 с.*

*СЯД 2017 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По). Авт.: Караулов Ю.Н., Коробова М.М., Осокина Е.А., Ружицкий И.В., Цыб Е.А., Шепелева С.Н. / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. тома И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 859 с.*

**THE LAST PROJECT OF YURIY N. KARAULOV  
(IDIOGLOSSARY OF DOSTOEVSKY: HOW IT ALL BEGAN)**

**Marina M. Korobova**

researcher of the Russian Language Institute n.a. V.V. Vinogradov, RAS  
18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019  
*mmkor1955@yandex.ru*

**Igor V. Ruzhitskiy**

Doctor of Philology  
associate professor of Russian as a Foreign Language Department  
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University  
MSU, Faculty of Philology, Russia, 119991, Moscow, GSP-1, 1-51  
Leninskie Gory, 1 Humanities Building  
*konnitie@mail.ru*

**Svetlana N. Shepeleva**

Candidate of Philology  
researcher of Vinogradov Russian Language Institute, RAS  
18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019  
*svetnikmsk@yandex.ru*

The article discusses the initial stages of work on the Dictionary of Dostoevsky's Language. Spanning the years 1992–2003, it was the last major project of the corresponding member of the Russian Academy of Sciences Yuri Nikolayevich Karaulov. The authors and composers of the dictionary share their memories of how the idea of creating the dictionary first arose and developed, of the difficulties which had to be overcome before it could be realised, and of the people who, in one way or another, were involved in its making. The first part of the article is a short conspectus of Yu.N. Karaulov's academic work in which his main hypotheses are laid out, namely: any conception must also have a practical embodiment; the development of modern linguistics is reliant upon consideration of interdisciplinary research; linguistics need not be a boring science which forbids any departures in its methodology. Yu.N. Karaulov's main research method is found to be the concept of parataxis: the ability to observe and unite the seemingly ununitable, to include heterogeneous elements in one paradigm, to bring about their montage. The second part of the article takes the form of a memoir. It offers a year by year account of the key events that are crucial for understanding the conception of the dictionary which is seen as one of the methods for the reconstruction of a linguistic identity, in this case, that of Dostoevsky. The third part of the article briefly discusses the current stage of work on the Ideoglossary of Dostoevsky. The main goal of the article is to show the conception of the Dictionary in motion, as the product of a series of events. This will provide a new perspective on the Dictionary in the form in which it currently exists, and it will allow for a better understanding of its structure and task.

**Keywords:** Yuri N. Karaulov, parataxis, dictionary of the writer's language, linguistic identity, Dostoevsky's language Dictionary, structure of the dictionary article, Idioglossary, idioglossa

### References

*Grot Ja.* Slovar' k stihotvorenijam Derzhavina [Dictionary for Derzhavin's poems] // Sochinenija Derzhavina s ob'jasnitel'nymi primechanijami Ja. Grota [Derzhavin's works with explanatory notes by J. Groth]. T. IX. SPb., 1883. P. 356–444. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Lingvističeskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka [Linguistic construction and literary language thesaurus]. M.: Nauka [Science], 1981. 366 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Predikacija i neopredeljonost' [Predication and uncertainty?] // Slovar'. Grammatika. Tekst: Sb. st. [Dictionary. Grammar. Text: Collected papers] M.: IRJa RAN [RLI RAS], 1996. P. 87–395. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Dostoevskij i Jezenshtejn: montazh atrakcionov [Dostoyevsky and Eisenstein: the montage of attractions] // Slovo Dostoevskogo–2014: Idiostil' i kartina mira / pod obshh. red. E.A. Osokinov [The word of Dostoevsky–2014: Idiostyle and world view / un. ed. of Elena A. Osokina]. M.: LEKSRUS, 2014(a). P. 34–50. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Ob «Idioglossarii Dostoevskogo» [About Dostoevsky's Idioglossary] // Slovo Dostoevskogo–2014: Idiostil' i kartina mira / pod obshh. red. E.A. Osokinov [The word of Dostoevsky–2014: Idiostyle and world view / un. ed. of Elena A. Osokina]. M.: LEKSRUS, 2014(b). P. 107–115. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Associativnyj analiz: novyj podhod k interpretacii hudozhestvennogo teksta [Associative analysis: a new literary text interpretation approach] // Slovo Dostoevskogo–2014: Idiostil' i kartina mira / pod obshh. red. E.A. Osokinov [Idiostyle and world view / un. ed. of Elena A. Osokina]. M.: LEKSRUS, 2014(v). P. 132–141. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Russkaja rech', russkaja ideja i idiostil' Dostoevskogo [The Russian language, the Russian idea and the author's style of Dostoevsky] // Slovo Dostoevskogo–2014: Idiostil' i kartina mira / pod obshh. red. E.A. Osokinov [Idiostyle and world view / un. ed. of Elena A. Osokina]. M.: LEKSRUS, 2014(g). P. 20–34. (In Russian)

*Karaulov Ju.N., Ginzburg E.L.* Nomo Ridens [Homo Ridens] // Slovo Dostoevskogo / pod red. Ju.N. Karaulova, E.L. Ginzburga [Dostoevsky's word / un. ed. of Yuri N. Karaulov, Efim L. Ginzburg]. M.: IRJa RAN, 1996. P. 160–186. (In Russian).

*Karaulov Ju.N., Ginzburg E.L.* Jazyk i mysl' Dostoevskogo v slovarnom otobrazhenii [Language and thought of Dostoevsky in the dictionary representation] // Slovar' jazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroj idiolekta. Vyp. pervyj. Predislovie [Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical structure of the idiolect. Issue one. Preface]. M.: Azbukovnik, 2001. P. IX–LXIV. (In Russian).

*Ruzhickij I.V.* Mundos Potentiale esse v tvorchestve Dostoevskogo [Mundos Potentiale esse in the works of Dostoevsky] // Jazykovaja lichnost': aspekty izuchenija: Sb. nauch. st. pamjati chlena-korrespondenta RAN Ju.N. Karaulova / pod red. I.V. Ruzhickogo i E.V. Potjomkinov [Linguistic identity: aspects of study: Collection of scientific articles in memory of corresponding member of the Russian Academy of Sciences Yuri N. Karaulov / ed. by Igor V. Ruzhitsky and Ekaterina V. Potjomkina]. M.: MAKS Press, 2017. P. 239–249. (In Russian).

*Ruzhickij I.V.* «Cmeh» Dostoevskogo glazami leksikografa [Dostoevsky's «laughter» through the eyes of a lexicographer] // STEPHANOS. 2017(b). Issue 6(26). P. 37–48. (In Russian).

*Ruzhickij I.V.* Predislovie [Preface] // Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (N–Po) / pod red. Ju.N. Karaulova; nauch. red. toma I.V. Ruzhickij [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (H–Po) / un. ed. of Yuri N. Karaulov; scientific ed. by Igor V. Ruzhitsky]. M.: Azbukovnik, 2017(v). P. X–XX. (In Russian).

*Ruzhickij I.V., Korobova M.M.* Semanticheskoe pole SMEH v strukture tezaurusa Dostoevskogo [Semantic field of LAUGHTER in the structure of Dostoevsky's thesaurus] // Filologicheskij aspekt. 2017. № 12(32) [Philological aspect. 2017. No. 12(32)]. URL: <http://scipress.ru/philology/?p=2771> (retrieval date 12.08.2020). (In Russian).

Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov: Antologiya [Russian authors' lexicography of the XIX–XX centuries: Anthology] / otv. red. chl.-korr. RAN Yu.N. Karaulov [ed. By Yuri N. Karaulov]. M.: Azbukovnik, 2003. 512 p.

Slovo Dostoevskogo: Sb. st. [The Word of Dostoevsky: Collection of scientific articles] / pod red. Ju.N. Karaulova, E.L. Ginzburga [un. ed. of Yuri N. Karaulov, Efim L. Ginzburg]. M.: IRJa RAN, 1996. 304 p. (In Russian).

SJaD 2001 – Slovar' jazyka Dostoevskogo: leksicheskij stroj idiolekta [Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical structure of the idiolect. Issue one] / pod red. Ju.N. Karaulova. Vyp. I. Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N., Korobova M.M., Cyb E.A., Shepeleva S.N. [un. ed. of Yuri N. Karaulov; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Tsyb, Svetlana N. Shepeleva] M.: Azbukovnik, 2001. 442 p. (In Russian).

SJaD 2003(a) – Slovar' jazyka Dostoevskogo: leksicheskij stroj idiolekta [Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical structure of the idiolect. Issue two] / pod red. Ju.N. Karaulova. Vyp. II. Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N., Korobova M.M., Ruzhickij I.V., Cyb E.A., Shepeleva S.N. [un. ed. of Yuri N. Karaulov; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Tsyb, Igor V. Ruzhitsky, Svetlana N. Shepeleva] M.: Azbukovnik, 2003(a). 510 p. (In Russian).

SJaD 2003(b) – Slovar' jazyka Dostoevskogo: leksicheskij stroj idiolekta [Dictionary of Dostoevsky's Language. Lexical structure of the idiolect. Issue three] / pod red. Ju.N. Karaulova. Vyp. III. Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N., Korobova M.M., Ruzhickij I.V., Cyb E.A., Shepeleva S.N. [un. ed. of Yuri N. Karaulov; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Tsyb, Igor V. Ruzhitsky, Svetlana N. Shepeleva] M.: Azbukovnik, 2003(b). 559 p. (In Russian).

SJaD 2008 – Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (A–V) [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (A–B)]. Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N., Korobova M.M., Osokina E.A., Ruzhickij I.V., Cyb E.A., Shepeleva S.N. / pod red. Ju.N. Karaulova [un. ed. of Yuri N. Karaulov; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Osokina, Igor V. Ruzhitsky, Elena A. Tsyb, Svetlana N. Shepeleva]. M.: Azbukovnik, 2008. 962 p. (In Russian).

SJaD 2010 – Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (G–Z) [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (Г–З)]. Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N., Korobova M.M., Osokina E.A., Ruzhickij I.V., Cyb E.A., Shepeleva S.N. / pod red. Ju.N. Karaulova [un. ed. of Yuri N. Karaulov; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Osokina, Igor V. Ruzhitsky, Elena A. Tsyb, Svetlana N. Shepeleva]. M.: Azbukovnik, 2010. 1049 p. (In Russian).

SJaD 2012 – Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (I–M) [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (И–М)]. Avt.: Ginzburg E.L., Karaulov Ju.N.,

Korobova M.M., Osokina E.A., Ruzhickij I.V., Cyb E.A., Shepeleva S.N. / pod red. Ju.N. Karaulova [un. ed. of Yuri N. Karaulov; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Osokina, Igor V. Ruzhitsky, Elena A. Tsyb, Svetlana N. Shepeleva]. M.: Azbukovnik, 2012. 847 p. (In Russian).

SJaD 2017 – Slovar' jazyka Dostoevskogo: Idioglossarij (N–Po) [Dictionary of Dostoevsky's Language: Idioglossary (H–Πo)]. Avt.: Karaulov Ju.N., Korobova M.M., Osokina E.A., Ruzhickij I.V., Cyb E.A., Shepeleva S.N. / pod red. Ju.N. Karaulova; nauch. red. toma I.V. Ruzhickij [un. ed. of Yuri N. Karaulov; scientific ed. by Igor V. Ruzhitsky; authors: Efim L. Ginzburg, Yuri N. Karaulov, Marina M. Korobova, Elena A. Osokina, Igor V. Ruzhitsky, Elena A. Tsyb, Svetlana N. Shepeleva]. M.: Azbukovnik, 2017. 859 p. (In Russian).

**АРХАИЧЕСКИЕ СЛОИ СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ  
ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БАЗОВОЙ МЕТАФОРЫ *ЖИДКОСТЬ*)**

**Красных Виктория Владимировна**

доктор филологических наук,  
профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова  
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. факультетов  
*victoryvk@gmail.com*

Данная статья предлагает возможный подход к изучению языкового сознания с точки зрения архаических представлений, актуальных для сегодняшнего носителя языка. В статье показывается значимость трудов Ю.Н. Караулова для исследований архаических слоев современного языкового сознания. Последние включают в себя базовые метафоры, т. е. древнейшие, «изначальные», часто не осознаваемые современным носителем языка «идеи», которые основаны на архетипических представлениях и лежат в основе окультуривания мира человеком. В качестве материала анализа использованы данные этимологических и толковых словарей русского языка и результаты ассоциативных экспериментов, представленные в 5 ассоциативных словарях. В статье обосновывается и наглядно демонстрируется, что архетипические представления существуют в языковом сознании современного человека, фиксируются в ассоциативных экспериментах и подчас не отражаются в толковых словарях, а также высказывается положение, что именно они проявляются в речевых произведениях. Так, анализ показал, что в русском языковом сознании существуют представления о *жидкости*, восходящие к архетипическим и входящие в архаические слои языкового сознания («движущийся, текущий» и «связанный с водой»). Основным воплощением жидкости, по данным и толковых, и ассоциативных словарей, выступает вода. Анализ позволил сделать вывод, что базовая метафора *ЖИДКОСТЬ* оказывается сопряженной с другой базовой метафорой – *ДВИЖЕНИЕ*, не только образно, но и в плане общих глубинных культуроносных смыслов.

**Ключевые слова:** языковое сознание, языковая личность, архетипические представления, метафора, базовая метафора *ЖИДКОСТЬ*

В 1987 году вышла в свет книга Юрия Николаевича Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Думается, эта книга во многом предопределила развитие филологической и – шире – гуманитарной науки на многие годы. Одним из таких векторов стало учение о языковой личности.

Нельзя не отметить, что интерес к человеку как носителю языка, субъекту сознания / мышления, представителю культуры возник еще в конце XVIII в.: в 1770 г. был опубликован «Трактат о происхождении языка» И.Г. Гердера, а в 1784 г. вышла в свет его же книга «Идеи к философии истории человечества», в которых рассматривался широчайший круг вопросов, связанных с взаимовлиянием таких важнейших феноменов, как природа, человек, язык, сознание, культура, религия, общество. Приблизительно в то же время (по историческим меркам, конечно) появляются работы В. фон Гумбольдта, заложившего основы языкознания как науки о языке (напр., «О мышлении и речи»,

1795; «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие», 1821; «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», 1830–1835). В первой половине XX в. многие идеи, высказанные данными классиками, развивались в трудах представителей неогумбольдтианства, как европейского (напр.: Й.Л. Вайсгербер, «Родной язык и формирование духа», 1929), так и американского (напр.: Ф.У. Боас, «Раса, язык и культура», 1940; Э. Сепир, «Язык», 1921). И, конечно, эти идеи не могли не повлиять и на воззрения российских мыслителей (напр.: А.А. Потебня, «Мысль и язык», 1862, «Язык и народность», 1895; работы по языковедению И.А. Бодуэна де Куртенэ).

В 1930 г. выходит в свет книга В.В. Виноградова «О художественной прозе», в которой ученый рассматривает «вопрос о приемах конструирования “художественно-языкового сознания”, “образа” говорящего или пишущего лица» и «художественного “я” автора» [Виноградов 1930: 41 и след.], особо оговаривает связь языка «с особенностями словесного мышления» [Указ. соч.: 62] и, рассуждая о «лингвистике Соссюра», употребляет сочетание «языковая личность»: «социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [Указ. соч.: 63] (разрядка оригинала. – В.К.). Осмелюсь высказать мнение, что здесь данное сочетание употребляется все-таки еще не как собственно термин (поскольку ему не было дано дефиниции), но как достаточно точное «наименование» феномена, о котором идет речь, – в первую очередь это фигура, или «образ», автора художественного произведения.

Определение и научное толкование понятие «языковая личность» получило только спустя полвека – в начале 1980-х годов – в работах Г.И. Богина и Ю.Н. Караулова. Так, Г.И. Богин рассматривал языковую личность «с точки зрения <...> готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1980: 6, 1984: 35], предложил «параметрическую модель» «всех вообще готовностей человека к производству речевых поступков» [Богин 1984: 3] и выделил 5 уровней развития языковой личности высшего порядка [Там же: 14]. При этом «структурная модель языковой личности» выступает и как «одна из возможных систематик текстов» [Там же: 17].

Однако в широкий научный обиход понятие языковой личности вошло благодаря трудам именно Ю.Н. Караулова (напр., [Караулов 1987, 1989, 1995]), который понимал под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989, 1987: 3]. Из приведенной дефиниции видно, что Ю.Н. Караулов также увязывал феномены языковой личности и текста, ибо в данном «определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Там же]. Соответственно, структура языковой личности предстает как трехуровневое образование [Караулов 1987, 1989, 1995]. Изучая когнитивный уровень языковой личности в связи с языком и организацией знаний, Ю.Н. Караулов выдвинул концепцию «фигуры знания», представляющей как структура когнемы – элементарной единицы знания [Караулов 2004, 2006; Караулов, Филиппович 2009].

Заметим, что задачу выявления структуры устройства и организации знаний уже достаточно давно ставят перед собой многие исследователи, работающие в разных областях научного знания: когнитивные психологи, антропологи, лингвисты, психолингвисты и др. (см., напр., работы Дж.А. Фодора, Э. Рош и др., а также: [Чернейко 2010, 2018; Уфимцева 2009, 2011] и мн. др.).



Для нас данная проблема также является весьма актуальной в связи с изучением, в частности, базовых («глубинных») метафор, которые лежат в основе мировидения и миропонимания человека (подробнее см., напр., [Красных 2016, 2017, 2019]). Соответственно, идеи Ю.Н. Караулова, касающиеся языковой личности и – особенно – когнитивного уровня таковой, оказываются для нас крайне значимыми.

В свете предложенной и разрабатываемой нами концепции [Красных 2016] языковая личность рассматривается как та ипостась человека говорящего, которая в первую очередь связана с образом мира, культурой, лингвокультурой. Последняя предстает как третья семиотическая система, формируемая совокупностью подсистем: когнитивной, метафорической, эталонной и символической [Указ. соч.]. В рамках данной статьи мы сфокусируем внимание на метафорической подсистеме, отметив, что именно она во многом предопределяет мировидение современного человека, ибо метафора, как писала В.Н. Телия со ссылкой на В.И. Поставалову, это «призма, через которую совершается мировидение» [Телия 1988б].

Метафора является давним объектом исследований, в истории науки можно обнаружить различные подходы к ее изучению: тропеический (восходящий к Аристотелю), интеракционистский (напр., А. Ричардс, М. Блэк), когнитивный (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Х. Ортега-и-Гассет) – и множество направлений в изучении языковой метафоры (так, еще в конце прошлого века Г.Н. Складаревская даже в кратком обзоре представила 11 направлений [Складаревская 1993: 6–8]). В.Н. Телия рассматривала метафору «как модель» [Телия 1988б] и как «один из наиболее продуктивных способов смыслопроизводства на всех значимых уровнях языковой структуры» [Телия 1988а: 3–4], а метафорический процесс благодаря введению в модель метафоры параметра антропометричности – «как деятельность некоторой “языковой личности”, соизмеряющей себя и мир в диапазоне “личностного тезауруса” (который и есть индивидуальная картина мира)» [Там же: 41].

Представляется, что именно метафорическая подсистема является наиболее древней и носит архаический и архетипический характер, ибо метафоричность, будучи крайне важным «инструментом» осмысления и оязыковления мира, уходит корнями в далекое прошлое, о чем еще в 1905 г. писал А.А. Потебня: «метафоричность есть всегдашнее свойство языка», «единственный первоначальный способ, доступный языку», т. е. единственный способ выражения и передачи мысли, «доступный» для «архаического», мифологического мировосприятия и мышления, а «миф состоит в перенесении индивидуальных черт образа, долженствующего объяснить явление (или ряд явлений), в самое явление» [Потебня 1989: 261, 263]. И хотя, конечно, «архаическая» метафора и современная метафора имеют ряд отличий (о чем еще в 1947 г. писал С.Д. Кацнельсон [Складаревская 1993: 21]), мысль человека как таковая «метафорична <...> и развивается через ассоциативное сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс 1990: 46], и «все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях человеческого опыта» [Телия 1988б: 4]. Соответственно, сопряжение метафоры с ассоциациями совершенно неслучайно.

Отметим в связи с этим, что богатое научное наследие Ю.Н. Караулова, помимо всего прочего, содержит и глубочайшие труды по исследованию ассоциаций, позволившие ему создать «Ассоциативную грамматику русского языка» [Караулов 2010], и интереснейшие работы по изучению метафор [Баранов, Караулов 1991, 1994].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть «глубинные» представления, относящиеся к архаическим слоям языкового сознания современного носителя русского языка и восходящие к базовым метафорам, т. е. «изначальным», «исходным», имеющим архетипическую природу и основанным на архетипических представлениях (архетипических по В.Н. Телия, т. е. древнейших, надличностных, коллективно-родовых, лежащих в основе окультуривания мира человеком) [Красных 2016: 130, 337]). Метафора в данном случае понимается как инструмент для познания и осознания мира, как «призма» (В.И. Постовалова, В.Н. Телия), сквозь которую человек видит и осмысляет мир. В фокусе внимания в данном случае находится базовая метафора ЖИДКОСТЬ как некая древнейшая, часто сегодня не осознаваемая «идея», противопоставленная идее «тверди» и лежащая в основе окультуривания мира человеком.

Конечно, лексема «жидкость» достаточно позднее образование, но изначально слово «жидкий» было общеславянским. Ср. представление лексемы «жидкий» в различных этимологических словарях:

- **Этимологический словарь М. Фасмера:** жидок, жидка́, жидко; сравн. степ. жи́же, блр. жы́дкі ‘тонкий’, цслав. жидькъ ѹдарѡс, сербохорв. жи́дак, словен. židák ‘жидкий, разжиженный, текучий’, чеш. židký, в.-луж. židki, н.-луж. žydkí. Сюда же жидеть ‘тончать, разжижаться’, жижа. [Фасмер [http](#)].

- **Этимологический словарь Н.М. Шанского:** Общеслав. суф. производное от той же основы, что и *жидеть*, *жижа* (ж < dj). [Шанский [http](#)].

- **Этимологический словарь Г.А. Крылова:** Общеславянское слово, восходящее к глаголу *жити* (giti) – ‘бодрствовать, двигаться’. В некоторых диалектах это значение глагола *жить* сохранилось до настоящего времени. [Крылов [http](#)].

- **Этимологический словарь А.В. Семёнова:** Древнерусское – жижа. Этим прилагательным обозначается текучее вещество, в переносном смысле употребляется в значении ‘редкий’ (жидкие волосы). Слово славянского происхождения, является исконным. Производные: жидок, жидкость. [Семенов [http](#)].

Интересно, что в лексеме «жидкий» изначально выделялись семы ‘текучий’, ‘движение’, которые сохранились в русском языке и в более поздний период, включая современный русский язык. При этом в семантизации «появляются» противопоставленность *твердому* и связь с *водой* (полужирный шрифт в семантизации мой. – В.К.):

- **Толковый словарь В.И. Даля:** негустой, некрутой, **нетвердый; текучий, водянистый. Жидкие** тела, **вода** и всякое **текучее**, капельное тело, для **отличия от тел твердых** и воздушных, паровых. <...> [Даль [http](#)].

- **Толковый словарь Д.Н. Ушакова:** 1. **Имеющий свойство течь. Жидкие тела (в отличие от твердых** и газообразных). *Воздух в жидком состоянии*. 2. **Водянистый**, имеющий недостаточную густоту, крепость, слишком разжиженный. *Жидкий суп. Жидкая грязь*. [Ушаков [http](#)].

- **Толковый словарь С.И. Ожегова:** 1. полн. ф. **Имеющий свойство течь. Жидкие тела (в отличие от твердых** и газообразных). 2. С большим количеством **воды, водянистый**; не крепкий, не насыщенный. *Ж. клей. Ж. суп. Ж. чай*. <...> [Ожегов [http](#)].

- **Малый академический словарь:** 1. Обладающий **текучестью**, находящийся в состоянии **жидкости**. *Жидкий кислород. Жидкое топливо*. <...> 2. Имеющий недостаточную густоту или недостаточную крепость; **водянистый. Жидкий суп. Жидкое молоко**. <...> 6. перен. разг. Малосодержательный, необстоятельный. [*Скобелев*] *понимал, что докладец его жидкий, уязвимый со всех сторон. Кочетов, Журбины*. [Малый... [http](#)].

Существительное «*жидкость*», по данным словарей Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, Т.Ф. Ефремовой, также сохраняет как основное свойство именуемого феномена *текучесть* («свойство течь») [Ушаков http, Ожегов http, Ефремова http]. Таким образом, материалы различных словарей наглядно показывают, что основные, если угодно, «изначальные» семы в лексическом значении единиц «*жидкий*» и «*жидкость*» сохраняются в современном русском языке. Вместе с тем – и сегодня это утверждение уже банальность – за языком и языковой картиной мира стоит мировидение и миропонимание, т. е. культура (по В.Н. Телия), которая является важнейшим фактором формирования образа мира (А.Н. Леонтьев и др.). Следовательно, «следы» древнейших представлений не могли не сохраниться и в языковом сознании современного человека.

Анализ показывает, что в словарях, содержащих русский ассоциативный материал (САНРЯ, РАС, ЕвРАС, РСАС – см. в конце перечень словарей), зафиксированы ассоциативные пары, свидетельствующие о том, что в языковом сознании современных носителей русского языка существуют связи, восходящие к архаическим, архетипическим представлениям.

Поскольку в САНРЯ, САС и ЕвРАС стимулы *жидкость*, *жидкий* не представлены, рассмотрим данные РАС, свидетельствующие о том, что в современном русском языковом сознании *жидкость* связывается с *текучестью* и *водой*.

Стимул **ЖИДКОСТЬ** (данные представлены выборочно)

#### **РАС – ПС (прямой словарь)**

Самая частотная реакция – *вода* (12). Среди глагольных и отглагольных реакций 4 связаны с потреблением (*пить* – 3, *выпить* – 1), 2 реакции описывают изменение агрегатного состояния (*замерзла* – 2), остальные связаны со свойством текучести (*текучая* – 2; *льется, переливается, текет, текла, течет* – 1). С этим же свойством, вероятно, связана и реакция *ручей* (1). Отмечена также оппозиция: *жидкость* – *твердость* (1). [РАС – ПС http].

#### **РАС – ОС (обратный словарь)**

Выступает реакцией на глагольные стимулы, описывающие действия (*налить, пить* – 2, *наполнять, перемещать* – 1), а также исчезновение путем изменения агрегатного состояния (*испариться* – 1). Реакция *жидкость* была также вызвана стимулом *капля*, обозначающим минимальный объем (*капля* – 2). Так же как и ПС, ОС фиксирует непосредственную связь *жидкости* с *водой*: *вода* – 11; *водный, водяной* – 1; *море* – 1. При этом данная связь может быть опосредована представлением о феномене (зд.: *болоте*), называемым словом-стимулом, или сугубо языковой ассоциацией (*жижа* – *жидкость*): *болотная* – 2; *трясина* – 1. Такая же опосредованная представлением связь отмечается, думается, и в паре *душ* – *жидкость* (1). И, конечно, *жидкость* ассоциируется с *текучестью*: *течение* – 1. [РАС – ОС http].

Стимул **ЖИДКИЙ** (данные представлены выборочно)

#### **РАС – ПС**

В ПС также отмечена оппозиция *жидкий* – *твердый* (1), а также связь с *водой*: *вода* – 9; *похожий на воду* – 1. [РАС – ПС http].

#### **РАС – ОС**

В ОС интересующих нас ассоциативных пар не зафиксировано.

Итак, *вода* является самой частотной реакцией на стимул *жидкость*, что, вероятно, свидетельствует о том, что овнешнение представлений о *жидкости* связано у носителей русского языка в первую очередь именно с *водой*. Кроме того, *вода* входит в ядро

языкового сознания [Сергиева [http](#); Уфимцева 1996]. В связи со сказанным рассмотрим, как лексема «вода» представлена в различных словарях.

Согласно этимологическим словарям, лексема «вода» является общеславянской единицей индоевропейской природы, известной в русском языке с XI в.

В толковых словарях русского языка (от В.И. Даля до современных) зафиксирована непосредственная связь *воды* с *жидкостью*, как правило, *прозрачной*, с различными природными объектами (*реки, озера, моря*, редко – *болото*) и феноменами (*снег, дождь*). Интересно отметить, что свойство *текучести*, которое характерно для *жидкости*, в рассматриваемых словарных статьях, если и представлено, то только имплицитно – через опосредованную связь с движением (*поток, струя, волна*). Приводимая далее семантизация также дается выборочно: представлено только то, что находит отражение в интересующих нас ассоциациях (см. далее) (в семантизации полужирный шрифт мой. – В.К.).

- Толковый словарь В.И. Даля: **Вода** - стихийная *жидкость*, ниспадающая в виде *дождя* и *снега*, образующая на земле *родники, ручьи, реки* и *озера*, а в смеси с солями, – *моря* [Даль [http](#)].

- Толковый словарь Д.Н. Ушакова: **Вода**: 1. только ед. **Прозрачная**, бесцветная *жидкость*, которая в чистом виде представляет собою химическое соединение кислорода и водорода. *Дождевая вода. Морская вода. Колодезная вода. Жесткая, мягкая вода.* <...> 3. только мн. (водам и т.д.). Пространство, покрытое водой: **реки, озера** и **болота** (книж., геогр.). *Внутренние воды. Леса и воды государственного значения.* 4. только мн. **Струи, волны моря, реки** (поэт.). «*Вы же прочь теките, воды.*» Пушкин. <...> 7. только ед. Многословие при бедности мысли (разг. ирон.). *В докладе его много воды.* <...> [Ушаков [http](#)].

- Толковый словарь С.И. Ожегова: **Вода**: 1. **Прозрачная** бесцветная *жидкость*, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода. *Речная, родниковая в. Водопроводная в. Морская в. Стакан воды.* <...> 4. мн. **Моря, реки, озёра, каналы**, проливы, относящиеся к данному государству, региону, территории. *Внутренние воды (в пределах данного государства). Территориальные воды (участки морского пространства, входящие в состав данного государства). Нейтральные воды.* 5. мн. **Потоки, струи, волны**, водная масса. *Весенние воды. Воды Волги.* 7. перен., ед. О чём-н. бессодержательном и многословном (разг.). *Не доклад, а сплошная в. В сообщении много воды. Воду лить (о пустой болтовне).* <...> [Ожегов [http](#)].

- Толковый словарь С.А. Кузнецова: **Вода**: 1. **Прозрачная**, бесцветная *жидкость*, образующая **ручьи, реки, озёра, моря** и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом. *Речная в. Морская в.* <...> // Пустые, бессодержательные фразы, многословие при бедности содержания. *Доклад – сплошная в. В его статье много воды.* <...> [Кузнецов [http](#)].

- Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой: **Вода**: 1. Бесцветная **прозрачная жидкость**, представляющая собою химическое соединение водорода и кислорода и содержащаяся в атмосфере, почве, живых организмах и т. п. || **Жидкость**, используемая для утоления жажды, приготовления пищи и т. п. || перен. разг. Жидкая, безвкусная пища. 2. Скопление *жидкости*, образующей **ручьи, реки, озёра** и т. п. || Движущаяся масса такой *жидкости*. || разг. Разлив рек во время половодья. <...> 4. перен. разг. Что-либо многословное, но лишённое содержательности или серьёзного значения. <...> [Ефремова [http](#)].

- **Толковый словарь русского арго: Вода** – Пустые слова, ненужные рассуждения. Лить воду – говорить чепуху, пустословить. [Толковый... http].

Как уже отмечалось, лексическое значение, безусловно, не может не быть связанным с языковым сознанием. Интересные параллели можно обнаружить в Психолингвистическом толковом словаре русского языка, авторы которого выделили в психолингвистическом значении *воды* (по данным ЕврАС) 5 основных 'сем': 1. Чистая жидкость, используется для питья. 2. Напиток для утоления жажды. 3. Водное пространство реки, моря. 4. Одна из стихий природы. 5. Отсутствие информации [Психолингвистический... http].

Однако, говоря о глубинных, архаических слоях современного русского языкового сознания, связанных с базовой метафорой ЖИДКОСТЬ, мы фокусируем внимание на несколько других аспектах.

Обратимся к данным ассоциативных словарей.

Стимул **ВОДА** (данные представлены выборочно)

#### **САНРЯ – ПС (прямой словарь)**

Самая частотная реакция – *холодная* (28).

В данном словаре *вода* (*прозрачная* – 20; *чистая* – 19) связывается с жидким состоянием (*жидкость* – 23; *жидкая* – 1) и соотносится с «твердью» (*земля* – 8; *твердость*, *твердь* – 1). Справедливости ради отмечу, что *земля* может, конечно, выступать не только как нечто твердое, противопоставленное жидкому состоянию, но и как одна из первоначальных стихий, наряду с *водой*, огнем и воздухом. Однако и предложенная нами интерпретация также имеет право на существование, и в данном случае, и в дальнейшем в настоящей статье мы будем придерживаться именно ее. **Вода** ассоциируется с жизнью (*жизнь* – 4; *течение жизни* – 1) и, хотя может быть неподвижной (*стоячая* – 2), с движением: через название самого движения (*течет* – 3) или определение его характеристики (*быстрая* – 2) либо через указание на природный объект, для которого характерно движение водных масс (*море* – 8; *в реке*, *река* – 3; *морская*, *речка*, *родниковая* – 2) (конечно, *море* может рассматриваться и как эталон большого объема, в противоположность *капле*; однако предложенная интерпретация также, на наш взгляд, имеет право на существование) [САНРЯ – ПС http].

#### **САНРЯ – ОС (обратный словарь)**

В данном словаре с *водой* связываются чистота (*чистый* – 11) и движение (*течение* – 6), а также соотносится «твердь» (*земля* – 9) [САНРЯ – ОС http].

#### **РАС – ПС**

Самая частотная реакция – *холодная* (48), на второй позиции – *чистая* (42), на пятой – *прозрачная* (15). В целом можно осторожно предположить, что **вода** для носителей русского языка имеет в целом позитивную окраску (напр., *хорошая*, *хорошо* – 1; реакции «плохая» не зафиксировано). **Вода** связана скорее с жизнью (*живая* – 8; *жизнь* – 6), нежели со смертью (*мертвая* – 1) (даже с учетом того, что *живая* / *мертвая вода* – устойчивые сочетания, овнешняющие представления, связанные с фольклором).

**Вода**, конечно, связана с жидким состоянием (*жидкость* – 11; *жидкая* – 1) и соотносится с «твердью» (*земля* – 8; *суша* – 4). Хотя **вода**, как и **жидкость**, может соотноситься с неподвижностью (*болото*, *стоялая*, *стоячая* – 1), но значительно чаще она ассоциируется с движением либо непосредственно (*течет* – 7; *бежит* – 6; *быстрая*, *льется* – 2; *лей*, *лить*, *литься*, *стремление*, *текучая*, *течение*, *течь* – 1), либо опосредованно: путем именованья / упоминания природных объектов, характеризующихся

движением воды (*море* – 18; *родниковая* – 14; *морская* – 3; *речная*, *ручей* – 2; *в ручье*, *речка*, *родник* – 1) [РАС – ПС [http](#)].

#### РАС – ОС

*Вода* – самая частотная реакция на стимул **жажда** (64).

Согласно данным этого словаря, с *водой* связывается жидкая субстанция (**жидкость** – 13; **жидкий** – 9), чистота (**прозрачный** – 4; **чисто**, **чистый** – 2), жизнь (**живой** – 2; **живое** – 1). *Вода* частотно выступает воплощением минимального объема жидкости (**капля** – 39). И, хотя она может быть неподвижной (**болотная** – 6; **болото** – 4; **болота**, **трясина** – 1), в большей степени она связана все-таки с движением: либо непосредственно – через указание на движение (**течение** – 9; **журчать**, **лить** – 8; **течь** – 7), либо опосредованно – через упоминание объектов / феноменов, для которых характерно движение водных масс (**река** – 24; **океан** – 23; **фонтан** – 22; **поток** – 17; **море** – 15; **родник** – 12; **водопад** – 11; **душ**, **источник** – 5; **речка** – 4; **реки**, **ручей** – 3; **волны** – 1). Интересно, что в этом словаре вода ассоциируется с финансами (**деньги** – 8; **бабки** – 1) [РАС – ОС [http](#)].

#### ЕврАС – ПС

Самая частотная реакция – *чистая* (65), на второй позиции – *жизнь* (37), на пятой – *жидкость* (22), на девятой – *прозрачная* (12).

По данным ЕврАС, **вода** также связана с жизнью (*живая* – 4; *жизни* – 2; *жизненно необходимое*, *жизнь*, *источник жизни*, *оживляет* – 1), а вот связь со смертью не зафиксирована в данном словаре ни в одной реакции. Также не представлены в данном словаре и ассоциации со стоячей водой, а вот с движением есть: и непосредственно – через указание на движение (*течет* – 5; *льется* – 3; *быстрая*, *течь* – 2; *журчание*, *журчащая*, *журчит*, *капать*, *лить*, *литься*, *поток*, *струя* – 1), и опосредованно – через указание на объект / явление, связанный / связанное с движением воды (*море* – 16; *река* – 10; *ручей* – 4; *родник* – 3; *речка*, *родниковая* – 2; *морская*, *в реке*, *дождь*, *душ*, *реки* – 1). **Вода** также связана с жидким состоянием (*жидкая*, *жидкий* – 1) и соотносится с «твердью» (*земля* – 3; *суша* – 2). Интересно, что в данном словаре **вода** ассоциируется с минимальным объемом – с *каплей* (ср.: *жидкость* в РАС – ОС), а также вызвала реакции *счастье* – 2; *время*, *свобода* – 1, чего не было в РАС [ЕврАС – ПС [http](#)].

#### ЕврАС – ОС

*Вода* – самая частотная реакция на стимул **жажда** (143).

Данный словарь также связывает с *водой* жизнь (**живой** – 6; **живое** – 4; **жизнь**, **процветание** – 1), чистоту (**чистый** – 19), минимальный объем жидкости (**капля** – 69), время (**время** – 1). *Вода* может быть как стоячей (**болото** – 6), так и проточной, движущейся (**река** – 65; **течение** – 22), и также оказывается соотносенной с «твердью» (*земля* – 6). Несмотря на более позитивное в целом восприятие воды, отраженным в ЕврАС (и в ПС, и в ОС), ОС зафиксировал ассоциативную пару **бедствие** – *вода* (3), чего не было в РАС. [ЕврАС – ОС [http](#)].

#### САС – ПС

Самая частотная реакция – *чистая* (63). **Вода** соотносится с жидким состоянием (*жидкость* – 14; *жидкая* – 2), чистотой (*чистота* – 7, *очищение* – 1), прозрачностью (*прозрачная* – 9; *прозрачность*, *прозрачный* – 1), а также с «твердью» (*земля* – 8; *суша* – 1). Она связывается в языковом сознании с жизнью (*жизнь* – 51; *живая* – 8; *в-во*<sub>1</sub> *дарующее жизнь*, *живая влага*, *чтобы жить* – 1). В данном словаре также зафиксирована связь **воды** с движением: непосредственная – через указание на движение (*течет*

– 12; журчит, течь – 3; течение – 2; бежит, журчание, лить, льется, струя, текла, утечет, струится – 1), и опосредованная – через указание на объект / явление, связанный / связанное с движением воды (река – 22; родник, родниковая – 6; ручей – 3; дождь, речка – 2; в реке, души, ручеек – 1). Помимо этого **вода** связывается с минимальным объемом (капля – 2) и временем (время – 1). Она оказывается ценностью (дороже золота – 1), что не фиксировалось в других словарях, и впервые – по сравнению с другими словарными источниками – получает негативную оценку (плохо – 1). [САС – ПС [http](http://)].

#### САС – ОС

По данным указанного словаря с *водой* также сопоставляется «твердь» (земля – 22), а также ассоциируются природные потоки (река – 75), чистота (чистый – 5), жизнь (жизнь – 2) и время (время – 1). [САС – ОС [http](http://)].

Таким образом, как показывает анализ толковых словарей, в русском языке сохранились рефлексы древнейших представлений о *жидкости* как нетвердой (противопоставленной тверди), обладающей текучестью (как основным свойством), водянистой (связанной с водой) субстанции. Данные ассоциативных словарей, представляющие результаты широких экспериментов, наглядно демонстрируют наличие в психолингвистическом значении *жидкости* ‘сем’, восходящих к архетипическим представлениям и входящих в архаические слои языкового сознания: ‘движущийся, текучий’ и ‘связанный с водой’. Именно *вода* оказывается «лучшим», наиболее «типичным» воплощением данных представлений. По данным толковых словарей, в лексическое значение «*воды*» входят *прозрачность*, различные *природные объекты*, связанные с данной природной стихией (напр., *озера, моря, реки*), и *движение* (напр., *потоки, струи, волны* и те же *реки*). В психолингвистическом значении *воды* также выделяются *прозрачность, чистота* (последнее в толковых словарях присутствует имплицитно), связь с *природными* и – реже – *рукотворными объектами и явлениями* (напр., *море, океан, река, ручей, родник; дождь, снег; канал, души*) и с *движением* (напр., *течет, бежит, льется, быстрая, течение, поток, струя*). Помимо этого, можно выделить и нефиксируемые в толковых словарях ‘семь’: связь с *минимальным объемом* (капля), с *жизнью, временем и деньгами*. Следует отметить, что в языковом сознании основные свойства *воды* связаны с противоположными качествами, что эксплицируется в квази-антонимических ассоциативных парах: «жидкое – твердое» (напр., *вода – земля, суша*), «движение – состояние покоя» (напр., *поток, течение, река – стоячая, болото*).

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод, что базовая метафора ЖИДКОСТЬ (в основе которой лежит «идея» нетвердости, текучести и основным воплощением которой является вода) оказывается сопряженной с другой базовой метафорой – ДВИЖЕНИЕ и обладает теми же глубинными смыслами, что и последняя: так же, как движение – это жизнь, а неподвижность – смерть (яркий пример – *сдвинуть дело с мертвой точки*), проточная, прозрачная, чистая вода связана с жизнью и оценивается положительно, а стоячая, неподвижная символизирует отсутствие движения и, следовательно, жизни (*болото*), что оценивается негативно.

Следует отметить, что именно эти представления, не всегда фиксируемые толковыми словарями и уходящие корнями в архаические слои языкового сознания, находят отражение в порождаемых текстах. Будучи ограничены рамками статьи, мы не можем привести большой иллюстративный материал и лишь укажем некоторые, часто употребляемые слова и сочетания, оязыковляющие представления о том, что *жизнь, чувства, мысли, речь, время, финансы* и под. воспринимаются именно как *жидкость*:

*течение жизни, источник жизни; время течет, течение времени, в текущий период, ни капли времени, даже в течение (предлог); информационные / финансовые потоки; волна кризиса; нахлынули воспоминания; мысли текут, поток мыслей; беседа течет, слова льются, разговор вернулся в прежнее русло, «... Сладку речь-то говорит, / Будто реченька журчит»; деньги капаят; ни капли сожаления, «Но Вы, к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храня...»; имейте хоть каплю терпения; море / океан восточных; болото повседневности и т. д.*

В завершении данной статьи я вернусь к ее началу: труды Юрия Николаевича Караулова имеют непреходящее значение, т.к. они оказали огромное влияние на развитие самых разных направлений филологических исследований конца XX – начала XXI в.в. И, конечно, многие идеи Юрия Николаевича вдохновили меня на те размышления, малая толика которых представлена в настоящей статье.

### Литература

*Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора (материалы к словарию). М.: Ин-т русского языка РАН, 1991. 193 с.

*Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.

*Богин Г.И.* Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.

*Богин Г.И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ленинград, 1984. 86 с.

*Виноградов В.В.* О художественной прозе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 187 с.

*Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1987. 261 с.

*Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 3–8.

*Караулов Ю.Н.* Что же такое «языковая личность»? // Этническое и языковое самосознание: Материалы конф. (Москва, 13–15 дек. 1995 г.) / Редкол.: В.П. Нерознак (отв. ред.) и др. М.: ТОО «ФИАНфонд», 1995. С. 63–65.

*Караулов Ю.Н.* Концептография языковой картины мира. Статья 1. Первый этап «восхождения» к образу мира: от элементарных фигур знания к предметно-референтным областям культуры // *Проблемы прикладной лингвистики*. Выпуск 2. Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Васильева. М.: Азбуковник, 2004. С. 9–20.

*Караулов Ю.Н.* Элементарная единица знания в многомерной структуре языкового сознания // *Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: Сб. научн. тр.* / Науч. ред. Л. Шепелевич. Варшава: Варшавский ун-т, Ин-т русистики, 2006. С. 49–59.

*Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 328 с.

*Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 334 с.

*Красных В.В.* Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

*Красных В.В.* Когнитивный аспект базовых метафор лингвокультуры // *Язык, сознание, коммуникация*. М.: МАКС Пресс, 2017. Вып. 57. С. 142–165.



*Красных В.В.* Всегда ли метафора — это только «сжатый» сюжет? // Критика и семиотика. 2019, № 2. С. 194–205.

*Потебня А.А.* Слово и миф / Сост., подгот. текста и примеч. А.Л. Топоркова; Предисл. А.К. Байбурина. М.: Правда, 1989. 622 с.

*Ричардс А.* Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

*Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. статья А.Е. Кибрика. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с. (Филологи мира).

*Сергиева Н.В.* Ядро языкового сознания: содержание и структура [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-yazykovogo-soznaniya-soderzhanie-i-struktura/viewer> (дата обращения: 09.08.2020).

*Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

*Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988а. С. 26–52.

*Телия В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988б. С. 173–203.

*Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 139–162.

*Уфимцева Н.В.* Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 2 (10). С. 22–29.

*Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.-Калуга: Ин-т языкознания РАН, 2011. 252 с.

*Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 2-е изд., перераб. М.: Книж. дом ЛИБРОКОМ, 2010. 272 с.

*Чернейко Л.О.* Мифологемы сознания: Вербализация и интерпретация // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 135–154.

### Словари

*Даль В.И.* Толковый онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Европейский ассоциативный словарь* (ЕврАС) [Электронный ресурс]. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (дата обращения: 25.08.2020).

*Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Крылов Г.А.* Этимологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/krylov/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Кузнецов С.А.* Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Малый академический словарь* (МАС) [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/krylov/>, URL: <https://gufo.me/dict/mas/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Ожегов С.И.* Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Психолингвистический толковый словарь русского языка.* Выпуск 6/1. Частотная лексика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/>

communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling6-1.pdf (дата обращения: 25.08.2020).

*Русский ассоциативный словарь* (РАС). В 2-х т. Прямой словарь. Обратный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Русский сопоставительный ассоциативный словарь Г.А. Черкасовой* (РСАС) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Семёнов А.В.* Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Славянский ассоциативный словарь* (САС) [Электронный ресурс]. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, URL: [https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS\\_pdf/SAS.pdf](https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf) (дата обращения: 25.08.2020).

*Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева* (САНРЯ) [Электронный ресурс]. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата обращения: 25.08.2020).

*Толковый словарь русского арго* [Электронный ресурс]. URL: [https://gufo.me/dict/russian\\_argot](https://gufo.me/dict/russian_argot) (дата обращения: 25.08.2020).

*Ушаков Д.Н.* Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Фасмер М.* Этимологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/> (дата обращения: 25.08.2020).

*Шанский Н.М.* Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 25.08.2020).

## **ARCHAIC LAYERS OF CONSCIOUSNESS OF A MODERN LINGUISTIC PERSONALITY (A CASE STUDY OF THE BASIC METAPHOR *LIQUID*)**

**Victoria V. Krasnykh**

Doctor of Philology, professor,  
faculty of philology, Lomonosov Moscow State University  
I Humanities, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991  
[victoryvk@gmail.com](mailto:victoryvk@gmail.com)

The article outlines a possible approach to the study of linguistic consciousness from the point of view of archaic representations that are relevant to the native speaker of today. The article shows the significance of the works by Yu.N. Karaulov for the research of archaic layers of modern linguistic consciousness. The latter include basic metaphors, i.e. the most ancient, “primordial” “ideas” that are often not realized by a modern native speaker, are based on archetypal ideas and are the basis for the human original, cultural understanding of the world. The data of etymological and explanatory dictionaries of the Russian language and the results of associative experiments presented in 5 associative dictionaries were used as the material for the analysis. The article substantiates and clearly demonstrates that archetypal representations do exist in the linguistic consciousness of a modern person, they are revealed in associative experiments and sometimes are not reflected in explanatory dictionaries. The

author also expresses the idea that they are manifested in real speech. The analysis showed that in the Russian linguistic consciousness there are representations of *liquid* that go back to the archetypal ones and belong to the archaic layers of linguistic consciousness ('moving, flowing' and 'connected with water'). The main embodiment of LIQUID, according to both explanatory and associative dictionaries, is water. The analysis led to the conclusion that the basic metaphor LIQUID turns out to be conjugated with another basic metaphor – MOTION, not only figuratively, but also in terms of common deep cultural meanings.

**Keywords:** linguistic consciousness, linguistic personality, archetypal representations, metaphor, basic metaphor LIQUID

### References

*Baranov A.N., Karaulov Ju.N.* Russkaja političeskaja metafora (materialy k slovarju) [Russian political metaphor (materials for the dictionary)]. Moscow: Rus. Lang. Ins-t, Rus. Acad. of Science, 1991. 193 p. (In Russian).

*Baranov A.N., Karaulov Ju.N.* Slovar' russkikh političeskikh metafor [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow: Pomovskij i partnery, 1994. 351 p. (In Russian).

*Bogin G.I.* Sovremennaja lingvodidaktika [Modern linguodidactics]. Kalinin: Kalinin. State Univ., 1980. 61 p. (In Russian).

*Bogin G.I.* Model' jazykovej lichnosti v ee otnošenii k raznovidnostjam tekstov: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Leningrad, 1984. 86 p. (In Russian).

*Vinogradov V.V.* O hudozhestvennoj proze [About fiction]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1930. 187 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality] / Otv. red. D.N. Shmelev; AN SSSR, Otd-nie lit. i jaz. Moscow: Nauka, 1987. 261 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ee izučeniija [Russian linguistic personality and the tasks of its study]. Jazyk i lichnost' [Language and personality]. Moscow: Nauka, 1989. P. 3–8. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Chto zhe takoe "jazykovaja lichnost'"? [What is a "linguistic personality"?]. Jetnicheskoe i jazykovoje samosoznanie: Materialy konf. [Ethnic and linguistic identity: Materials of the conf.] (Moskva, 13–15.12.1995) / Redkol.: V.P. Neroznak (otv. red.) i dr. Moscow: FIANfond, 1995. P. 63–65. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Konzeptografija jazykovej kartiny mira. Stat'ja 1. Pervyj jetap "voshozhdenija" k obrazu mira: ot jelementarnyh figur znaniija k predmetno-referentnym oblastjam kul'tury [Concept of the linguistic picture of the world. Article 1. The first stage of "ascent" to the image of the world: from elementary figures of knowledge to the subject-reference areas of culture]. Problemy prikladnoj lingvistiki [Problems of Applied Linguistics]. Vypusk 2. Sb. statej / Otv. red. N.V. Vasil'eva. Moscow: Azbukovnik, 2004. P. 9–20. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Jelementarnaja edinica znaniija v mnogomernoj strukture jazykovogo soznaniija [Elementary unit of knowledge in the multidimensional structure of linguistic consciousness]. Chelovek. Soznanie. Kommunikacija. Internet [Human. Consciousness. Communication. Internet]: Sb. nauchn. tr. / Nauch. red. L. Shepelevich. Warsaw: Warsaw Univ., Ins-t of Russian Studies, 2006. P. 49–59. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Assosiativnaja grammatika russkogo jazyka [Associative grammar of the Russian language]. 2-nd ed. Moscow: LKI, 2010. 328 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N., Filippovich Ju.N.* Lingvokul'turnoe soznanie russkoj jazykovoj lichnosti. Modelirovanie sostojanija i funkcionirovanija [Linguocultural consciousness of the Russian language personality. Modeling state and functioning]. Moscow: Azbukovnik, 2009. 334 p. (In Russian).

*Krasnykh V.V.* Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psiholingvokul'turologii [Vocabulary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycholinguoculturology]. Moscow: Gnozis, 2016. 496 p. (In Russian).

*Krasnykh V.V.* Kognitivnyj aspekt bazovyh metafor lingvokul'tury [The cognitive aspect of basic metaphors of linguoculture]. Jazyk, soznanie, kommunikacija [Language, mind, communication]. Moscow: MAKS Press, 2017. Vyp. 57. P. 142–165. (In Russian).

*Krasnykh V.V.* Vsegda li metafora jeto tol'ko "szhatyj" szuzhet? [Is a metaphor always just a "condensed" plot?]. Kritika i semiotika [Criticism and semiotics], 2019, Issue 2. P. 194–205. (In Russian).

*Potebnja A.A.* Slovo i mif [Word and myth] / Sost., podgot. teksta i primech. A.L. Toporkova; Predisl. A.K. Bajburina. Moscow: Pravda, 1989. 622 p. (In Russian).

*Richards I.* Filosofija ritoriki [The Philosophy of Rhetoric]. Teorija metafory [Metaphor theory]. Moscow: Progress, 1990. P. 44–67. (In Russian).

*Sapir E.* Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii [Selected works on linguistics and cultural studies] / Per.s angl. / Obshh. red. i vstup. stat'ja A.E. Kibrika. Moscow: Progress, "Univers" 1993. 656 p. (Filologij mira). (In Russian).

*Sergieva N.V.* Jadro jazykovogo soznaniya: sodержanie i struktura [The core of linguistic consciousness: content and structure]. <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-yazykovogo-soznaniya-soderzhanie-i-struktura/viewer> (retrieval date: 09.08.2020). (In Russian).

*Skljarevskaja G.N.* Metafora v sisteme jazyka [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Nauka, 1993. 150 p. (In Russian).

*Teliya V.N.* Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee jekspressivno-ocenochnaja funkcija [Metaphor as a model of meaning production and its expressive-evaluative function]. Metafora v jazyke i tekste [Metaphor in language and text] / Otv. red. V.N. Teliya. Moscow: Nauka, 1988a. P. 26–52. (In Russian).

*Teliya V.N.* Metaforizacija i ee rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [The role of the human factor in language: Language and picture of the world] / Otv. red. B.A. Serebrenikov. Moscow: Nauka, 1988b. P. 173–203. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Russkie: opyt eshhe odnogo samopoznaniya [Russians: the experience of yet another self-knowledge]. Jetnokul'turnaja specifika jazykovogo soznaniya [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness]: Sbornik statej / Otv. red. N.V. Ufimtseva. Moscow: Ins-t of Linguistics, Russ. Acad. of Science, 1996. P. 139–162. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Problemy izuchenija jazykovogo soznaniya [Problems of studying linguistic consciousness]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of psycholinguistics], 2009, Issue 2 (10). P. 22–29. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language consciousness: dynamics and variability]. Moscow–Kaluga: Ins-t of Linguistics, Russ. Acad. of Science, 2011. 252 p. (In Russian).

*Chernejko L.O.* Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni [Linguophilosophical analysis of abstract name]. 2-nd ed., pererab. Moscow: LIBROKOM, 2010. 272 p. (In Russian).

*Chernejko L.O.* Mifologemy soznaniya: Verbalizacija i interpretacija [Mythologemes of consciousness: Verbalization and interpretation]. *Chelovek: Obraz i sushhnost'*. Gumanitarnye aspekty [Human: Image and essence. Humanitarian aspects], 2018, Issue 3 (34). P. 135–154. (In Russian).

### Dictionaries

*Dal' V.I.* Tolkovyj onlajn-slovar' russkogo jazyka [V.I. Dahl Explanatory Online Dictionary of the Russian Language]. <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Evropejskij asociativnyj slovar' [European Associative Dictionary]. <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Efremova T.F.* Tolkovyj slovar' [T.F. Efremova Explanatory Dictionary]. <https://gufo.me/dict/efremova/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Krylov G.A.* Jetimologicheskij slovar' [G.A. Krylov Etymological Dictionary]. <https://gufo.me/dict/krylov/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Kuznetsov S.A.* Tolkovyj slovar' [S.A. Kuznetsov Explanatory Dictionary]. <https://gufo.me/dict/kuznetsov/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Malyj akademicheskij slovar' [Small Academic Dictionary]. <https://gufo.me/dict/krylov/>, <https://gufo.me/dict/mas/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Ozhegov S.I.* Tolkovyj slovar' [S.I. Ozhegov Explanatory Dictionary]. <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Psiholingvisticheskij tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Psycholinguistic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Russkij asociativnyj slovar' [Russian Associative Dictionary]. <http://thesaurus.ru/dict/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Russkij sopostavitel'nyj asociativnyj slovar' G.A. Cherkasovoj [G.A. Cherkasova Russian Comparative Associative Dictionary]. <https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Semjonov A.V.* Jetimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka [A.V. Semyonov Etymological Online Dictionary of the Russian Language]. <https://lexicography.online/etymology/semyonov/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Slavjanskij asociativnyj slovar' [Slavic Associative Dictionary]. <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>, [https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS\\_pdf/SAS.pdf](https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf) (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Slovar' asociativnyh norm russkogo jazyka A.A. Leont'eva [A.A. Leontiev Dictionary of Associative Norms of the Russian Language]. <https://www.it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

Tolkovyj slovar' russkogo argo [Explanatory Dictionary of Russian Argo]. [https://gufo.me/dict/russian\\_argot/](https://gufo.me/dict/russian_argot/) (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Ushakov D.N.* Tolkovyj slovar' [D.N. Ushakov Explanatory Dictionary]. <https://gufo.me/dict/ushakov/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Fasmer M.* Jetimologicheskij slovar' [M. Vasmer Etymological Dictionary]. <https://gufo.me/dict/vasmer/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

*Shanskij N.M.* Jetimologicheskij onlajn-slovar' russkogo jazyka [N.M. Shansky Etymological Online Dictionary of the Russian Language]. <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (retrieval date: 25.08.2020). (In Russian).

**ПОНИМАНИЕ СОКРАЩЕННОГО ИЛИ НЕОДНОЗНАЧНОГО  
ВЫСКАЗЫВАНИЯ: СОЧЕТАНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО  
ОПЫТА ЧИТАТЕЛЯ<sup>1</sup>**

**Норман Борис Юстинович**

доктор филологических наук,  
профессор кафедры теоретического и славянского языкознания  
Белорусского государственного университета  
220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4;  
ведущий научный сотрудник  
проблемной лаборатории компьютерной лексикографии  
Уральского федерального университета  
6200083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51  
*boris.norman@gmail.com*

Цель статьи – описать закономерности восприятия и понимания высказываний, которые появились в результате преобразований во внутренней речи говорящего и могут быть истолкованы слушающим (в частном случае читателем) по-разному. Показано взаимодействие в этом процессе лексических и грамматических значений с когнитивным опытом носителя языка. Приводятся примеры из современной художественной литературы на русском языке с комментариями (интерпретацией). С психолингвистических позиций объясняется появление в тексте отклонений в выборе морфологических форм и синтаксических конструкций, а также нарушение правил лексической сочетаемости. Особое внимание уделяется ситуации синтаксической омонимии (когда словоформе в рамках фразы может быть приписана разная синтаксическая зависимость). Установлена связь внутренних структурных преобразований, которые происходят в сознании говорящего и слушающего, с общими тенденциями развития грамматики русского языка на современном этапе. Среди них рассматриваются стремление к ослаблению синтаксических связей, активизация формы именительного падежа, опора на лексико-семантические ассоциации, сжатие синтаксической структуры и т.д. Делается вывод, что сочетание структурного и когнитивного подхода к тексту может быть продуктивно (плодотворно) с позиций прагматики.

**Ключевые слова:** говорящий, слушающий, восприятие, понимание, внутреннее преобразование, лексическое значение, грамматическое значение, синтаксическая структура

**Введение**

В июне 2020 года в России произошел забавный лингвистический казус. На фоне общей наэлектризованной обстановки, обусловленной внесением поправок в Конституцию Российской Федерации, оказалось, что в бюллетенях для голосования была предложена следующая формулировка:

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

«Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?»

Не надо обладать особой филологической квалификацией, чтобы понять, что перед нами – синтаксическая ошибка. Следовало бы сказать или «...изменения, вносимые в Конституцию...», или «...поправки к Конституции...». Понятно, что ошибка эта не меняла суть дела: гражданам России был достаточно ясен смысл вопроса. Но сам по себе данный речевой факт симптоматичен. Он свидетельствует о том, как стихийно формирующиеся нормы разговорной речи влияют на прочие жанрово-стилистические разновидности русского языка, в том числе официальную документацию.

В ежедневной разговорной речи мы то и дело слышим (и сами произносим): *На Пушкина сходите?* (где предлог *на* употребляется вместе с родительным падежом существительного, чего, по правилам, быть не должно) или *Дальше под или по?* (имеется в виду: «под мостом» или «по мосту»). Подобные отклонения от литературной нормы уже давно стали объектом внимания исследователей разговорной речи, ср. диалог:

А. *А рядом стояла ушла?*

Б. *Рядом предупредила*

[Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 208].

Попадают такие факты и в письменные тексты – художественные, публицистические, технические, рекламные. Примерами могут послужить словосочетания вроде *сапоги Италия* ‘сапоги итальянского производства’ или *опель автомат* ‘автомобиль марки «опель» с автоматической коробкой передач’ [Норман 2013]. Приемлемые и даже естественные для разговорной речи, подобные конструкции легализуются и укореняются в сознании обычного человека. Упомянутые «изменения в Конституцию» – это такой же оборот, как *сапоги Италия*.

Оставим эту погрешность на совести авторов официального документа. Но возникает вопрос: как рядовой носитель языка оперирует текстами, возникшими в результате довольно сложных семантико-синтаксических преобразований? Всегда ли он способен правильно понять такой текст? И что ему в этом помогает?

Эти вопросы возникают в рамках, по В.А. Звегинцеву, «объясняющего» (или объяснительного) подхода к речевым фактам. Ученый писал: «Лингвистика до самого последнего времени была наукой о «словесном составе фразы», она строила «грамматику произнесения». И именно на такую лингвистику ориентировалось рассмотрение проблемы взаимоотношения языка и мышления» [Звегинцев 1996: 171]. Но не менее, чем «грамматика произнесения», важна «грамматика умолчания», анализирующая те процессы, которые протекают в голове у носителя языка.

### Анализ фактического материала

Рассмотрим несколько фрагментов художественных произведений.

*Потом был День театра и меня пригласили выступить в «Китайский летчик»* (Л. Петрушевская. От первого лица).

Структура этого предложения напоминает рассмотренную конструкцию *одобрять изменения в Конституцию*, но предыстория ее иная. Имеется в виду, что писательницу и актрису пригласили в известный московский клуб «Китайский летчик» выступить с концертом (авторским вечером). Пригласили в клуб «Китайский летчик», а не «выступить в клуб»! Стремление сократить изложенную информацию привело к обороту, который можно понять как *выступить в* + винительный падеж существи-

тельного (языковым аналогом мог послужить и глагол *вступить*, управляющий аккумулятивом с предлогом *в*). Читатель же (особенно знакомый с московскими реалиями) без труда связывает приглашение с планируемым в клубе концертом. Очевидно, набор лексических значений в данном случае оттесняет на периферию тонкости грамматической организации фразы, но это не отменяет общих принципов взаимодействия единиц разных языковых уровней. Кооперативный и компенсаторный характер этого взаимодействия позволил в свое время В.Г. Адмони ввести понятие «партитурного строения речевой цепи»:

«Предложение как единица речевой цепи с точки зрения выраженного в нем смыслового содержания представляет собой целый ряд параллельно развертывающихся и синтезирующихся линий, образующихся из целого ряда параллельных и налегающих друг на друга лексических и грамматических значений» [Адмони 1961: 5].

К этому стоило бы добавить только факт участия в речедетельностных процессах когнитивного опыта, который не обязательно имеет языковое выражение. Однако соотношение этого «здорового смысла» и языковых знаний составляет предмет отдельной дискуссии. Так, некоторые исследователи считают, что между языковой интерпретацией и когнитивным осмыслением нет прямой связи [Schaner-Wolles, Haider 1987:77]. Рассмотрим этот тезис применительно к следующим примерам.

*Вот и закинул профессору насчет работы. В журнале у Марицы как раз убили фотолаборанта. То есть убили, конечно, не в журнале, а в метро, здесь важен лишь факт* (А. Боссарт. Повести Зайцева).

Писательница, очевидно, понимает, что выражение *в журнале убили фотолаборанта* может быть понято неправильно, и вынуждена остановиться и пояснить: *убили, конечно, не в журнале...* и т.д. Что же предшествовало в сознании человека этой неудачной, неоднозначной фразе? По-видимому, исходная мысль в полном своем составе была примерно такой: 'в редакции журнала, с которым связана уже известная читателю Марица, работал фотолаборант. И вот его в городе, в метро, убили'. В ходе обработки этого исходного смысла сочетание *редакция журнала* легко превращается в *журнал* (это стандартный случай метонимического переноса). То, что Марица имеет к журналу прямое отношение, выражается очень кратко: *журнал у Марицы*. Вместе с тем, ясно, что Марица – не хозяйка (владельница) журнала, иначе было бы сказано: *в журнале Марицы*. Синтаксические детали участвуют в формировании смысла, исследователи подтверждают это на материале самых разных языков, ср.: [Tallerman 1998: 202–203; Dietrich 2007: 42–46 и др.].

А раз *журнал* в упомянутой цитате – это не печатное издание, а предприятие или учреждение, то общепонятно, что в нем работают, и это смысловое звено тоже можно опустить. В результате две или даже три пропозиции (смысловые структуры) объединяются на выходе в одно высказывание. А разобраться в этих метаморфозах читателю помогает, с одной стороны, жизненный опыт (он знает, что для издания журналов нужны редакции; в них работают люди; одной из таких должностей является фотолаборант и т.п.), а, с другой стороны, типовые значения падежных форм (*журнал у Марицы*) и стандартные механизмы речевых переносов (*журнал 'редакция журнала'*).

*Утром следующего дня они предупредили дома, что вовремя из школы не придут по причине пионерского мероприятия* (Л. Улицкая. Дар нерукотворный).

Вряд ли взгляд читателя задержится на этом предложении. А, между тем, для лингвиста оно примечательно. Слово *дома* здесь выполняет нетипичную для наре-



чия функцию. Фактически это – не «где», а «кого», т.е. ‘предупредили домашних’ (членов семьи, родителей). Можно было бы построить и более развернутый вариант исходной пропозиции: ‘дети предупредили тех, кто оставался дома’ и т.п. Но вряд ли это необходимо. В сознании носителя языка есть устойчивое представление о том, что семья держится на определенных людях (родителях), и именно с ними, ответственными, связывается понятие «дом».

Вместе с тем, вступают в действие языковые знания. Глагол *предупреждать* в русском языке имеет три обязательные «валентности»: кто предупреждает, кого предупреждает и о чем предупреждает. «Кто» предупреждает и «о чем» предупреждает – здесь сказано. А «кого» предупреждает? Ответ один – *дома*. Так наречие окказионально принимает на себя роль дополнения в структуре фразы!

В следующей цитате употреблено неожиданное словосочетание *столовая впроголодь*:

*А напротив, на набережной, – Нахимовское училище. И пацаны туда идут. Там кормят, одевают и делают мужчин – суровая романтика воинов моря. Шейки тоненькие, **столовая впроголодь**, в классах холодно* (М. Веллер. Имени Нахимова).

Понятно, что перед нами – нарушение норм комбинаторики русского языка: *впроголодь* обычно сочетается с глаголами *жить* или *питаться*. С точки зрения готового текста, *впроголодь* здесь – несогласованное определение к *столовая*. Но, чтобы понять, как эта связь возникла, надо реконструировать исходную, более полную семантическую структуру: ‘столовая, в которой нахимовцев кормят, но все равно живут они, можно сказать, впроголодь’. Эллипсис одних членов предложения сопровождается перестройкой значительной части всей структуры. Но носитель языка получает нужный смысл, опираясь на комбинацию лексических значений слов *столовая* и *впроголодь*: его жизненный опыт позволяет вывести из их сочетания некую результирующую.

Синтаксис же здесь, можно сказать, оказывается излишним или, во всяком случае, случайным. Подобные примеры нередки (и списывать их за счет речевой небрежности автора нельзя); фактически это те же *сапоги Италия* и т.п. Заметим, что внутренние преобразования и сокращения структуры фразы часто приводят к функциональному перерождению наречных или предложно-падежных форм: из глагольной зависимости они переходят в подчинение к существительному и становятся несогласованными определениями.

*Сергей полез на черемуху, сказал, тут еще дикая малина; я лежу на земле, недалеко за кустами пьяный лежал и женщина проходила, спрашивала, не наши ли друг. **Раз я в траве, то и он наш знакомый*** (Е. Харитонов. Духовка).

Последняя фраза по форме – типичное сложноподчиненное предложение. Об этом сигнализируют союз *раз* и соотносительное слово *то*. Основой для противопоставления служит 1-е лицо (*я*) в придаточной части и 3-е лицо (*он*) – в главной. Однако причинно-следственная связь тут не улавливается, и фраза выглядит абсурдной. Для ее понимания необходимо не только знание предшествующего контекста, но и реконструкция полного смысла. Он выглядит примерно так: ‘раз я лежу в траве, то, возможно (по мысли женщины), и лежащий неподалеку пьяный – из нашей компании’. Грамматическая структура высказывания «оплодотворяется» содержанием всей ситуации.

*И добавила, что срок жизни любого сорта яблок – лет сорок, после чего им снова нужно заниматься: се-лек-ци-они-ро-вать. А зачем, думал Илюша: сорок лет – это ж какая даль незаглядная! Это ж коммунизм давно будет, не то что – яблоки (Д. Рубина. Желтухин).*

В этой цитате обращает на себя внимание несочетаемость наречия времени *давно* со сказуемым *будет*. Но соотношение сроков жизни яблони («40 лет») с декларированным в 1960-е годы развитием общей ситуации в Советском Союзе («через некоторое время наступит коммунизм») позволяет образовать такое своеобразное время «будущее в прошедшем». Смысл: 'к тому времени, когда у яблони окончится свой срок, уже давно будет существовать коммунизм'. Учет знаний о мире делает возможной не вполне правильную, с точки зрения языка, конструкцию.

*Опять года на три в дубль посадят! Я и так, может быть, свой расцвет в запасе провел. Нет уж, спасибо за доверие (Д. Иванов, В. Трифонов. Пенальти).*

*Дубль* здесь значит 'дублирующий состав', а *свой расцвет в запасе провел* – 'расцвет своей футбольной карьеры провел, находясь на скамейке запасных'. Развитие вторичных значений у слов *дубль* и *запас* вполне соответствует правилам метонимического переноса. А в остальном понимание данного фрагмента зависит от компетенции читателя – от его представления о структуре спортивного клуба, правилах игры и психологии спортсмена. Точнее сказать, адекватность понимания зависит от того, насколько совпадают «ментальные миры» говорящего и слушающего: «Результат общения активно конструируется ментальной грамматикой слушающего» [Jackendoff 1994: 163].

Рассмотренные примеры можно считать характерными для современной русской художественной литературы. Г.Н. Акимова назвала данный тип прозы, формирующийся с середины XIX века, актуализирующим [Акимова 1990: 10–13]. Ему присущи признаки синтаксической расчлененности, или «рассыпчатости»: ослабление связей между словами, сжатие и упрощение конструкций, сокращение словоизменительной парадигмы и т.п. Все эти явления лежат в русле давно отмечающейся тенденции к аналитизму грамматического строя русского языка.

### **Двоякая синтаксическая связь**

Особо нужно сказать о случаях, когда высказывание допускает различную (двоякую или даже тройную) расстановку связей между словами. В зависимости от той или иной обнаруженной связи меняется и общий смысл высказывания. Иногда он меняется существенно, иногда – незначительно, но в любом случае адресат должен сделать свой выбор. Покажем это тоже на нескольких примерах.

*Но ни разу, как я ни тарашил глаза, мне не удавалось победить приступ глубокого детского сна без сновидений (В. Катаев. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона).*

Предложно-падежная форма *без сновидений* может быть отнесена либо к глаголу (*победить без сновидений* – слабое управление), либо к существительному (*сон без сновидений* – несогласованное определение). Какой вариант выберет читатель? Речь в цитате идет о мальчике, который обычно спит глубоким сном. Но он пытается насильно («тараща глаза») перебороть себя, не дать себе заснуть. Представляют ли собой сновидения некую альтернативу сну? Нет, это нелогично, непонятно. Остается принять атрибутивную трактовку выражения *без сновидений: глубокий детский сон*

– это сон без сновидений! Срабатывает принцип здравого смысла – приоритета, который один смысловой вариант получает в глазах носителя языка над другим. Добавим к этому, что если бы писатель хотел выразить иную мысль, он мог бы предпочесть иной порядок слов, например: *мне не удавалось без сновидений победить приступ глубокого детского сна*.

– *Тише, тише! А то соседи снизу сейчас прибегут интересоваться, что это за стадо слонов у нас по квартире скачет... – минуту спустя раздался в коридоре приятный женский голос* (Л. Есина. ДюймВовочка).

Наречие *снизу* можно соотнести либо с предыдущим существительным *соседи* (*соседи снизу* – это ‘жильцы нижней квартиры’), либо с глаголом *прибежать* (*соседи прибегут* откуда? – *снизу*). Понятно, что разница между этими смысловыми вариантами невелика, но первый из них кажется естественнее: шум мешает людям, живущим внизу. А откуда эти потревоженные соседи прибегут, в общем-то, и неважно. С языковой же точки зрения, данная ситуация связана с внутренней трансформацией синтаксической структуры: словоформа, изначально относившаяся к глаголу, переходит в подчинение к существительному и становится несогласованным определением.

Проблема двоякой синтаксической связи имеет в русистике обширную предысторию [Гвоздев 1965; Валгина 1972; Норман 1980; Ицкович 1982: 168–183; Лаптева 2009: 242–249 и др.]. Но в данном примере перед нами только один из случаев, когда понимание высказывания базируется на взаимодействии реального и вербального опыта.

Литературовед Т. Катаева, относясь вообще чрезвычайно пристрастно к поэтическому творчеству Анны Ахматовой, приводит в качестве примера одно ее двустишие (речь в нем идет о родной земле):

*В заветных ладанках не носим на груди,  
О ней стихи навзрыд не сочиняем.*

И комментирует: «Стихи навзрыд или сочиняем навзрыд? По-русски она что хотела сказать?» (Т. Катаева. Анти-Ахматова).

Наречие *навзрыд* в русском языке обычно сочетается с глаголами плача (*плакать, рыдать, реветь, всхлипывать* и т.п.). В данном случае можно предположить наличие метонимического переноса: *сочинять навзрыд* – это ‘сочинять, плача громко (навзрыд)’. Но, судя по замечанию Т. Катаевой, возможно допустить в этом высказывании и наличие связи *стихи навзрыд* (с предшествующим синтаксическим стяжением, примерно как: ‘*стихи* [которые пишутся одновременно с плачем] *навзрыд*’ или ‘*стихи* [которые настолько эмоциональны, что их можно сравнить с плачем] *навзрыд*’). По-видимому, пределы, которые ставит сам язык применительно к варьированию синтаксической структуры высказывания, очень широки и размыты.

*Неосознанная и страшноватая ученическая боязнь и суета возникли в нем и одновременно особая отличниковская старательность* (А. Битов. Сад).

Однородные существительные *боязнь* и *суета*, составляющие в предложении группу подлежащих, имеют при себе несколько определений. Однако относятся ли эти определения только к первому из существительных *боязнь* или же к обоим – *боязнь* и *суета*, – неясно. Правила русской грамматики допускают и ту, и другую трактовку (эта проблема в русистике тоже обсуждалась уже давно, см.: [Гвоздев 1965: 388–389] и др.). Однако в дело могут вмешаться устои ментального мира собеседников. А. Мустайоки приводит в этой связи следующие примеры:

*Нина изучает китайский язык и литературу.*

*Нина изучает китайский язык и биологию.*

*Нина изучает китайский язык и философию* [Мустайоки 2015: 545–546].

В зависимости от внутренней связи объединяемых сочинительной связью понятий (*язык и литература, язык и биология* и т.п.), носитель языка склонен трактовать их порознь или же совместно, как группу. Варианты толкования, резюмирует ученый, создают «риск для успешного общения» и служат основой коммуникативных неудач. Но здравый смысл не оставляет реципиента наедине с этими проблемами.

В нашем же случае читателю, по-видимому, проще распространить характеристики *неосознанная, страшноватая, ученическая* на всю группу подлежащего, поскольку значения слов *боязнь* и *суета* содержат в себе общие семы: это ‘отрицательная эмоция’, ‘тревога’, ‘неуверенность’ и т.п. Таким образом сведения о мире восполняют и корректируют языковые знания.

Естественно, ситуация семантико-синтаксической омонимии в изобилии представлена и в публицистических текстах. Приведем только один пример.

*Во времена, когда в стране «рулило» политбюро, люди в костюмах считали: они лучше знают, что нужно народу. Теперь народу предлагают все подряд...* (Аргументы и Факты. 2019. № 1).

Словоформа *в костюмах* в принципе может быть истолкована двояко: возможна как связь *люди в костюмах*, так и *считали в костюмах*. В первом случае словоформа принимает на себя роль несогласованного определения, во втором – обстоятельства образа действия. Но если *люди в костюмах* – совершенно естественное для читателя сочетание, за которым встает определенный образ (чиновника, функционера), то *считать в костюмах* – ситуация искусственная и странная, и в коммуникативной практике читателя она вряд ли встречалась. Поэтому он безоговорочно отдает приоритет первому прочтению. Получается, что «знания о мире» направляют и корректируют тот семантический поиск, который реципиент может себе позволить на основании языковых данных.

Эта взаимообусловленность и взаимодействие двух видов информации (вербальной и реальной) в сознании носителя языка по-своему свидетельствуют о том, что структурный и когнитивный подход к средству общения не исключают друг друга, а в чем-то пересекаются и даже нуждаются друг в друге. Речь идет, в частности, о сфере прагматики.

### **Грамматика и прагматика?**

Приведенные факты говорят о прагматической «подоплеке» грамматики. Выбор и освоение того или иного грамматического значения обусловлены системой ценностей говорящего и слушающего, их «здоровым смыслом» и стремлением к коммуникативному взаимодействию. Именно к такому выводу приходил известный американский лингвист Дж. Филлмор, анализируя конкретные факты английского и японского языков. Он показывал, что выбор прагматической конвенции предшествует в сознании говорящего выбору грамматического варианта [Fillmore 1996: 54]. Речевая интенция говорящего подчинена планируемому иллокутивному эффекту и учитывает особенности коммуникативной ситуации, в том числе и личность слушающего. В нашем же случае мы хотим только подчеркнуть взаимодействие элементов реального и вербального опыта в ходе восприятия и семантизации фразы.

Для того, чтобы понять адресованный ему текст, слушающий (в частном случае – читатель) должен осуществить его синтаксический анализ [Хоккетт 1965: 141]. Но опорой и руководством к этому служит соотнесение формирующегося смысла конкретной фразы с когнитивным универсумом, уже заложенным в голове человека. В российском языкознании этот подход получил наименование Принципа приоритета. «Какой смысловой вариант важнее (выгоднее, перспективнее)?» – вот вопрос, неосознанно присутствующий в сознании реципиента. Прочитируем статью, специально посвященную данному вопросу: «Большинство синтаксических процессов, связанных как с выделением тех или иных составляющих (выдвижение в престижную синтаксическую позицию, трансформация подъема, расщепление валентности), так и с их частичной или полной редукцией (всевозможные понижения, опущения, совмещения), есть не просто формальная игра в синтаксическую синонимию, а механизм, специально предназначенный для приоритетного выражения прагматической значимости тех или иных элементов сообщения» [Бергельсон, Кибрик, 1987: 61]. Как мы могли наблюдать, трактовка не только синтаксических конструкций, но и морфологических форм находится в зависимости от того фрейма, который говорящий и слушающий, в соответствии со своими прагматическими приоритетами, выстраивают в своем сознании.

### Заключение

Таким образом, если высказывание своей структурой ставит адресата в тупик или дает основания для различной расстановки синтаксических связей и, соответственно, двоякого толкования, то слушающий (в частном случае читатель) выбирает из них тот вариант, который согласуется с его языковой и реальной картиной мира – по крайней мере до тех пор, пока следующее высказывание не заставит его изменить семантическую гипотезу. При этом соотношение разных видов информации в данном процессе, в том числе «доля» лексических и синтаксических значений, может быть различной – в соответствии с многоканальной природой коммуникации.

### Литература

- Адмони В.Г.* Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // *Филологические науки*. 1961. № 3. С. 3–15.
- Акимова Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 168 с.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах* / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М.: Наука, 1987. С. 52–63.
- Валгина Н.С.* О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // *Русский язык в школе*. 1972. № 5. С. 99–104.
- Гвоздев А.Н.* Об одной проблеме стилистики. В кн.: Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1965. С. 380–395.
- Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 336 с.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.
- Ицкович В.А.* Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982. 199 с.

*Лантева О. А.* Речевые возможности текстовой омонимии. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2009. 413 с.

*Мустайоки А.* Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Ред.: А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 543–559.

*Норман Б.Ю.* К вопросу о двусторонней синтаксической связи // *Русский язык в школе*. 1980. № 4. С. 84–87.

*Норман Б.* Сапоги Италия, ванна Новокузнецк, крыша черепица... О дискурсивной обусловленности грамматики // *Slavica Nitriensia*. 2013. № 1. С. 5–17.

*Хоккетт Ч.* Грамматика для слушающего. В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. IV. М.: Прогресс, 1965. С. 139–166.

*Dietrich R.* Psycholinguistik. 2. Auflage. Weimar: Metzler, 2007. 264 p.

*Fillmore Ch. J.* The pragmatics of constructions. In: *Social Interaction, Social Context, and Language. Essays in Honor of Susan Ervin-Tripp* / Ed. by D.I. Slobin et al. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1996. P. 53–69.

*Jackendoff R.* Patterns in the mind. Language and human nature. BasicBooks, 1994. 246 p.

*Schaner-Wolles Ch., Haider H.* Spracherwerb und Kognition – Eine Studie über interpretative Relationen. In: Bayer J. (Hrsg.). *Grammatik und Kognition. Psycholinguistische Untersuchungen*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. P. 41–80.

*Tallerman M.* Understanding Syntax (Understanding Language Series). London et al.: Arnold, 1998. 226 p.

#### **UNDERSTANDING COMPRESSED OR AMBIGUOUS PHRASE: COMBINATION OF VERBAL AND REAL READER'S EXPERIENCE**

**Boris Yu. Norman**

Doctor of Philology, Professor  
department of Slavonic and Theoretical Linguistics  
Belarussian State University  
4 Nezavisimosti ave., Minsk, Republic of Belarus, 220030;  
leading Researcher of Special Laboratory of Computer Lexicography  
Ural Federal University  
51 Lenin ave., Ekaterinburg, Russian Federation, 620083  
*boris.norman@gmail.com*

The aim of the article is to describe the patterns of perception and understanding of utterances that appeared as a result of transformations in the speaker's internal speech and can be interpreted differently by the listener (in a particular case by the reader). The interaction in this process of lexical and grammatical meanings with the cognitive experience of a native speaker is shown. Examples from modern fiction in Russian with comments (interpretation) are given. Using the psycholinguistic approach, the appearance in the text of deviations in the choice of morphological forms and syntactic constructions, as well as violation of the rules of lexical compatibility are explained. A particular attention is paid to the situation of syntactic homonymy (when a different syntactic dependence

can be attributed to a word form within a phrase). A connection has been established between the internal structural transformations that occur in the consciousness of the speaker and the listener with the general trends in the development of the modern Russian language grammar. Among them, tendency to weaken syntactic relations, activation of the nominative case form, reliance on lexical-semantic associations, compression of the syntactic structure, and some others are considered. It is concluded that the combination of a structural and cognitive approaches to the text can be productive (fruitful) in terms of pragmatics.

**Keywords:** speaker, listener, perception, understanding, internal transformation, lexical meaning, grammatical meaning, syntactic structure, priority principle

### References

*Admoni V.G.* Partiturnoe stroenie rechevoj cepi i sistema grammaticheskikh znachenij v predlozhenii [The musical structure of the speech chain and the system of grammatical meanings in the sentence]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 1961, Issue 3. P. 3–15. (In Russian).

*Akimova G.N.* Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka [New in the syntax of modern Russian language]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1990. 168 p. (In Russian).

*Bergel'son M.B., Kibrik A.E.* Pragmaticheskij princip prioriteta i ego otrazhenie v grammatike jazyka [The pragmatic principle of priority and its reflection in the grammar of the language]. *Modelirovanie jazykovoj dejatel'nosti v intellektual'nyh sistemah* [Modeling linguistic activity in intelligent systems] / Eds.: A.E. Kibrik & A.S. Narin'jani. Moscow: Nauka, 1987. P. 52–63. (In Russian).

*Valgina N.S.* O dvustoronnej sintaksicheskoj svjazi v sovremennom russskom jazyke [About bilateral syntactic communication in modern Russian language]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1972, Issue 5. P. 99–104. (In Russian).

*Gvozdev A.N.* Ob odnoj probleme stilistiki [About one problem of stylistics]. In: *Gvozdev A.N. Oчерki po stilistike russkogo jazyka* [Essays on the style of the Russian language]. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow: Prosveshhenie, 1965. P. 380–395. (In Russian).

*Zvegincev V.A.* Mysli o lingvistike [Thoughts on Linguistics]. Moscow: Moscow University Publ., 1996. 336 p. (In Russian).

*Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Shirjaev E.N.* Russkaja razgovornaja rech': Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis [Russian Conversation: General Issues. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (In Russian).

*Ickovich V.A.* Oчерki sintaksicheskoj normy [Essays on the syntactic norm]. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russian).

*Lapteva O.A.* Rechevye vozmozhnosti tekstovoj omonimii [The speech features of text homonymy]. 3<sup>rd</sup> ed. Moscow: URSS Publ, 2009. 413 p. (In Russian).

*Mustajoki A.* Kommunikativnye neudachi skvoz' prizmu potrebnostej govornjashhego [Communicative failures through the prism of the speaker's needs]. *Jazyk i mysl': sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and Thought: Modern Cognitive Linguistics]. Eds.: A.A. Kibrik & A.D. Koshelev. Moscow: JSK Publ. 2015. P. 543–559. (In Russian).

*Norman B.Ju.* K voprosu o dvustoronnej sintaksicheskoj svjazi [To the question of two-way syntactic connection]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. 1980, no. 4. S. 84–87. (In Russian).

*Norman B.* Sapogi Italija, vanna Novokuzneck, krysha cherepica... O diskursivnoj obuslovlennosti grammatiki [Sapogi Italija, vanna Novokuzneck, krysha cherepica... On discursive conditioning of grammar]. *Slavica Nitriensia*. 2013, Issue 1. P. 5–17. (In Russian).

*Hokkett Ch.* Grammatika dlja slushajushhego [Grammar for the Hearer]. In: *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. IV. Moscow: Progress Publ., 1965. P. 139–166. (In Russian).

*Dietrich, R.* (2007). *Psycholinguistik*. 2. Auflage. Weimar: Metzler.

*Fillmore, Ch. J.* (1996). The pragmatics of constructions. In: *Social Interaction, Social Context, and Language. Essays in Honor of Susan Ervin-Tripp* / Ed. by D.I. Slobin et al. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 53–69.

*Jackendoff, R.* (1994). *Patterns in the mind. Language and human nature*. BasicBooks.

*Schaner-Wolles, Ch., Haider, H.* (1987). Spracherwerb und Kognition – Eine Studie über interpretative Relationen. In: Bayer J. (Hrsg.). *Grammatik und Kognition. Psycholinguistische Untersuchungen*. Opladen: Westdeutscher Verlag. P. 41–80.

*Tallerman, M.* (1998). *Understanding Syntax* (Understanding Language Series). London et al.: Arnold.



**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ  
ДОСТОЕВСКОГО, ПЛАТОНОВА, ПЕЛЕВИНА:  
СТЕПЕНЬ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРИ ОПИСАНИИ И ТОЛКОВАНИИ ТЕКСТА<sup>1</sup>**

**Елена Анатольевна Осокина**

кандидат филологических наук, научный сотрудник  
Институт русского языка им. В.В. Виноградова  
РАН (ИРЯ РАН, Москва)  
119019 Москва, ул. Волхонка 18/2  
*lenazar@yandex.ru*

Статья посвящена осмыслению авторского стиля в синхронии и диахронии и сопоставлению трех явлений и их наименований – прецедентный текст, классика и постмодернизм в русском языке и литературе. Феномен Достоевского, Платонова и Пелевина позволяет решать вопрос о стилях эпохи, маркированных «-измами», и их соотношении не так схематично, как он представлен в литературном процессе. Стили не следуют друг за другом в строго ограниченном хронотопе, а всегда существуют *здесь и сейчас* и проявляются в культуре благодаря феномену гениальности<sup>2</sup>. В эстетике постмодернизма именно авторский гений расширяет границы привычного, и, отвергая настоящее, создает новый *образец* стиля, который неизбежно встраивается в традицию и получает ярлык: классицизм, романтизм, реализм, экзистенциализм, модернизм, формализм, структурализм, постмодернизм и так далее. Создается иллюзия чередования и развития стилей эпохи, подчиненная позитивной целесообразности, с характерными смысловыми и выразительными особенностями. Отрицательная целесообразность нежизнеспособна – она разрушает всё вокруг и саму себя. Автор сам выбирает ту или иную целесообразность. Корпусная сравнительная лексикография делает возможным не только выявление особенностей стиля одного и более авторов, но и формирование восприятия текста разных авторов. Это выражается в демонстрации уникальных особенностей стиля и языка, которые могут остаться незамеченными, а при выявлении формируют объективное представление о стиле автора. Индивидуальное читательское восприятие не разрушает представления о неповторимом стиле автора, но при тенденциозном подборе иллюстраций может предуготовить и сформировать неоднозначное представление об авторской «картине мира».

**Ключевые слова:** идиостиль, Достоевский, Платонов, Пелевин, прецедентный текст, картина мира, идиоглоссарий, постмодернизм и классика

**Введение**

Обращаясь к научному наследию ушедшего от нас Юрия Николаевича Караулова, всё больше понимаешь его незаменимость и постоянно расширяющееся пространство освоения авторского слова. То, что Юрий Николаевич сделал для авторской лексико-

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста».

<sup>2</sup> Гениальность, гений – термины постмодернистской эстетической системы. О феномене гениальности в эпоху постмодернизма см. [Фукалов 2017].

графии и проникновения в творческую лабораторию «языковой личности» [Караулов 2004], бесценно и весьма перспективно в обозримом времени. В авторской лексикографии разработан и создан «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий», который не имеет аналогов, и это не позволяет сравнивать творческую мастерскую и «картину мира» разных писателей. Сложная структура словарной статьи Идиоглоссария состоит из основной части: описание контекстных значений слова, полный словоуказатель, фразеологизмы, пословицы и поговорки, – и комментария: рассматриваются афоризмы, автономное словоупотребление, лексическая и семантическая комбинаторность, ассоциативное поле слова, подчинительная и сочинительная сочетаемость слова, фигуры речи, нестандартное употребление слова, морфологические варианты, иронический контекст, тропическое (метафорическое и метонимическое) словоупотребление, фиксирование «чужой речи» (библейские и другие цитаты, прецедентные тексты) и словообразовательное разнообразие [СЯД; Караулов, Гинзбург 2008: 870–909]. Эта модель описания языковой личности и «картины мира» писателя является универсальной и подходит для любого автора [Осокина 2018: [http](#)].

Для данного исследования и сопоставления идиостиля трех авторов, воплотивших в своем творчестве разные эпохи, наиболее значим прецедентный текст, обладающий пространственным расширением и позволяющий сравнивать самых разных и неповторимых по оригинальности писателей.

Параметры, описывающие российский постмодернизм в литературе: «*интертекстуальность, метатекст и осознанная цитатность; 'авторская маска', 'смерть автора'; пародирование и самопародирование; ирония; многоуровневая организация текста; прием игры, принцип читательского сотворчества; фрагментарность и принцип монтажа; жанровый и стилевой синкретизм; театральность, работа на публику*» [Журавлев [http](#); Осокина 2016: [http](#)], – эклектичны, спорны ('цитатность' и 'смерть автора' [Ален Роб-Грийе и новый роман [http](#)]), собраны поверхностно как стилевые характеристики текстов разных авторов и не могут быть определены как жанр, так как всё это может относиться к характерологии произведений и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского, и Толстого, и Чехова, и других значимых писателей, а *постмодернизм «забирает» дефиниции прецедентного классического текста*, просто подменяя собой становящееся культурное явление. Как у всякого означаемого явления, у него должны быть и свои теоретики, и практики, то есть творцы-художники, воспроизводящие свою действительность. Электронное освоение и описание авторского текста расширяет возможности исследователя и пространство самого текста. Технологизация процесса признается и принимается и самим ныне живущим автором, о чем он говорит в своих произведениях [Пелевин 2017: [http](#)].

В. Пелевин занимает здесь особое место: его произведения в будущем могут претендовать на классические, более того – он становится классиком уже в настоящем, наследуя и воплощая литературные традиции и Ф.М. Достоевского, и Андрея Платонова. Значимость его роли определяется как количеством произведений и разнообразной тематикой, так и виртуозностью языка.

О языке произведений Ф.М. Достоевского можно узнать в [Караулов, Гинзбург 2008: 870–909; СЯД]. Некоторые характеристики языка Пелевина будут приведены ниже.

Для начала необходимо отметить несколько сходных факторов в биографической канве трех писателей, определяющих особенности идиостиля каждого. Ф.М. Достоевский и Виктор Пелевин родились в Москве и получили здесь же среднее образование.

Оба получили высшее инженерно-техническое образование, обоих отличает знание иностранных языков и энциклопедический ум, оба пережили эпоху перемен. Биография А. Платонова укладывается в трагическую часть XX века. Он родился в Воронеже, жил и умер в Москве. Три страшные войны, смерть сына, лишения... Три жизни не пересекались между собой, каждый представляет свою эпоху, свой идиостиль, свой идиолект, но всех объединяет феномен гениальности и эпохальная значимость.

### 1. Об идиостиле Пелевина

Язык произведений Пелевина является авангардным в нашу эпоху перемен, так же в своё время выделялся язык произведений Платонова, таким же необычным был и художественный язык Достоевского для своего времени. Вещающая в себя всю парадигму разных регистров, язык их художественных произведений виртуозно и максимально точно отражал и отражает стиль эпохи.

Некоторые характерные лексико-риторические особенности языка Пелевина будут формулироваться с отсылкой к особенностям языка Достоевского.

1) Язык идейной прозы, совмещающий содержание и форму, смысл и способ воплощения (что есть *идея* – *Е.О.*).

2) Инфописьмо как жанр; смешение всего: физики, математики, хронологии (*свободное перемещение по шкале времени от миллиарда лет до точки настоящего – круг, переходящий в точку; нарушил уже тысячу раз данную себе клятву в 999-й раз...*), лингвистики, улицы, конторы, танцплощадки, космоса...

3) Эклектичность языка и стиля: смешение разных регистров языка и использование множества стилей.

4) Логика как морфо-нарративный принцип (*«ночной мотылек, сделанный из света, знает, что его нет»; «ты – это только то, что отразится»; «сделан из на редкость некачественной кожи»; закрыл глаза, чтобы туда не попала пыль, поднимавшаяся с пола; ...напрашивалось множество далеко идущих выводов. Предоставив этим выводам идти туда в одиночестве, Андрей почистил зубы... и пошел к себе*).

5) Прецедентность языка (множественные отсылки к предшествующим текстам: *черный клубук, отлучение графа Т, Белый замок на горе, пахарь и конь-битюк, отец Паусий...*).

6) Провокативность и номинативность, в том числе использование редких терминов и окказионализмов-неологизмов в качестве ярлыков и бирок (*шерри-бренды; шмельцин; электро-оральная* (вместо *электоральная* – *Е.О.*); *среди этих хрюсел; Железная Борода сказал НЕЗНАС – «непротивление злу насилием»; свет горизонта; скарабей дают имена: зеркало – это ярлык с надписью «зеркало»; зеркало – это тоже ярлык, который нельзя ни на что повесить; анекдот «тумбочка Рабиновича»; шкаф, из которого планировали на пол какие-то бумаги*).

7) Языковая технологизация, игра, доходящая до эквилибристики, шарады: *мотыльки Дима и Митя* (две части одного имени «ДиМитрий» от греческого имени «Деметра» – «Земля-мать», богиня плодородия и земледелия – *Е.О.*); *«понятно, что это непонятно»; «из ниоткуда в никуда»; каббалист из Витебска; всё отражение, что отражается; они сняты друг другу; позволил далекоидущим выводам идти туда в одиночестве...; свинство... со свистом... винстон; – Почки у меня... | – У меня тоже не листья...; здесь и так воздух спёртый – у нас и воздух спёрли...*

8) Парадоксальность формы: разрушение формы, ведущее к разрушению «Я», ирония и самоирония; насмешка, «тоска» по пересмешнику и исповедь и покаяние; отвержение действительности и создание её (новые формы – Е.О.), разложение фразы с повторами – полиморфный параллелизм (*Как оно называется? – Оно не называется никак. | Ты так ничего и не понял. – Чего я не понял? | Никакого «самого дела» на самом деле нет.*).

9) Метонимичность и метафоричность языка: *распечатал папиросы, задул три косяка, ГОЭРЛО на прошлой неделе курили, размятая «пегасина»; высокая ассирийская дверь Госплана, «портвейн кончается» – тревожно зашептал народ; премия маем гаркнет; Митя лежал, поглаживая «Марка Аврелия», сплющенного в параллелепипед, листать который было уже темно (+ зевгма – Е.О.); слушаю то Осьмакова, то большую черную муху; щит, где были нарисованы несбывшееся советское будущее и его прекрасные обитатели...*

10) Афористичность и идиоматичность языка: *ум скарабея – это могила бога; ты – это только то, что отразится; всегда ошибаешься в людях, думая о них слишком хорошо; вся жизнь ночного мотылка есть та секунда, которую он тратит, чтобы попрощаться с темнотой; мир вокруг – это только ярлыки; насекомое человечества; шляпа Мёбиуса.*

11) Развертывание и реализация идиом: *нарушил уже тысячу раз данную себе клятву в 999-й раз; магрибский молитвенный коврик, при упоминании о котором все умирали; закрыл глаза, чтобы туда не попала пыль, поднявшаяся с пола; пахло так, как в комнате, где держат несколько кошек и хранят подшивку газет.*

12) Мельчайшая детализация: *комната походила на кабину автобуса, с любовью украшенную водителем.*

13) Афористичность мышления, характеризующая лаконичностью и цельностью высказывания, замыкающегося смыслом в исходной точке, как показатель абсурда – скрытой системы смыслов одного в другом.

В качестве иллюстрации и информации к размышлению интересно посмотреть произвольно подобранные цитаты, относящиеся к афористическим высказываниям В. Пелевина и Ф.М. Достоевского.

Воспользуюсь уже опубликованными высказываниями В. Пелевина [Цитаты... <http://осокина2016>]:

*«Человеческий ум — это или микроскоп, в который человек рассматривает пол своей камеры, или телескоп, в который он смотрит на звездное небо за окном. Но самого себя в правильной перспективе он не видит».*

*«Цивилизация людей — не что иное, как большое производство денег, а человеческие города являются фабриками по их созданию».*

*«Если человека долго кормить экспертизой, рекламой и событиями дня, у него возникнет потребность самому стать экспертом или новостью. Для этого и предназначены блоги, ставшие отхожими местами души».*

*«Наш мир так устроен, что решать все вопросы приходится уже в горящем доме».*

*«Если вокруг вас непроглядная ночь, это означает, что ваше внутреннее пространство темным-темно».*

*«Любовь – это когда ты стремишься спасти того, кого любишь. Особенно, когда это практически невозможно сделать. И чем тяжелее эта задача, тем сильнее любовь...»*

*«Всю жизнь человек бежит по узкой полоске между огнем страдания и призраком кайфа, и это полоса лишь в его голове».*

*«Режим – и есть те люди, которые прекрасно живут при этом режиме».*

Ожидаемого негативного ощущения от неправильного содержания афоризмов и квазиафоризмов В. Пелевина не возникает, и уничижительного противопоставления двух текстов в пользу Достоевского не происходит. По содержанию они актуальны и насущны, остроумны и привлекательны своей законченной формой, а по лексике и синтаксису более соответствуют современности. Афористическое мышление свойственно обоим авторам, а в лаконизме и идиоматичности речи В. Пелевин, особенно в ранней малой прозе (90-е и нулевые годы), не уступает Ф.М. Достоевскому. Афоризмы со словом «народ» по текстам Достоевского [Осокина 2019: 127–128]:

*«Немногому могут научить **народ** мудрецы наши». («Записки из Мертвого дома»)*

*«**Народ** везде народ <...>». («Зимние заметки о летних впечатлениях»)*

*«**Народ** – это тело божие. <...> Чем сильнее **народ**, тем особливее его Бог. <...> У всякого **народа** свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. <...> Когда начинают у многих **народов** становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают **народы**, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать. <...> Всякий **народ** до тех только пор и **народ**, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения <...>. Если великий **народ** не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своею истиной, то он тотчас же перестает быть великим **народом** и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий **народ**». («Бесы»)*

*«**Народ божий** любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше». «Гибель **народу** без слова божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия». «От **народа** спасение Руси». «**Народ** верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален». («Братья Карамазовы»)*

*«По-нашему, цел и здоров тот **народ**, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живет, и он умеет понять его». «<...> в **народ**дах родник непосредственной жизни» (Публицистика) [Достоевский (ПСС)].*

Для сопоставления цитируемых писателей необходима более детальная проработка текстов Пелевина, и одним из важнейших независимых показателей авторской ментальности будет словарный состав произведений. Полной лексикографии пока не существует, но в данной статье частично будет представлена выбранная по большей частотности лексика трех одновременных по созданию произведений: «Кормление крокодила ХуФу» (2008), «Зал поющих кариатид» (2008), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) – небольшой словник идиоглосс. Статистическая картина позволяет выявить произвольные – подсознательные или маркированные в тексте – предпочтения автора, выявляющие базовую ментальность творца в его «картине мира».

Таблица 1.

Словник идиоглосс В. Пелевина

Автор	Верх, вершина	Дурак, дурацкий	Мочь, могучий
Адрес	Весёлый, -ить	Дурь, дурёха	Молодой, -ость
Алкоголь	Вечер	Душа	Мужик, мужской
Америка	Вечный, -ость	Дух, духовный	Назвать, -ание, -ывать
Американский	Взрыв, -ать, -тель	Духоподъёмный	Народ
Английский	Взять, -л, взявший	Дыхание, дышать	Нарратив
Ампула	Вид, -еть, -евший	Желтый	Научить, наука
Арена	Внутренний	Жена, женат	Начало, -ать(ся), -инать
Асфальт	Возвращение	Женщина, женский	Нейролингвистический
Бабы	Возникать	Живой, живопись	Низкий, нижний
Бабки	Возможный	Жить, живот, -ное	Новый, -ость
Бегать	Военный	Жизнь, жизнелюбие	Нужный
Бедный, -ота, -жка	Война	Журнал	Обет, обещать
Безобразие	Воительница	Жуткий	Образ, -ование
Белый	Войска	Забыть, -ся	Огонь
Бельё	Волнение	Закрывать, -ый, -ться	Один, одно-...
Беседовать	Волшебный	Заметить, замечать,	Описать
Бесконечность	Волна, -оваться	замечательно	Определять, -енный
Бизнес	Волновой	Заполнить	Особый, -енный
Благовоние	Вопрос	Запрет, запретить	Основа, -ной
Благодетели	Вор, воровать	Защитить	Ощутить, ощущение
Благодарный	Воспитать	Звезда, -ный	Перевод, переводить
Благополучный	Воспринимать	Земля, земной	Писать, письмо
Благоприятный	Вспоинать, -нить	Злой	Победа
Благородный	Восставать	Знать, знаменитый	Поднимать, поднять
Благословенный	Воспроизводит	Золото, золотой	Подписать
Бильярд	Врач, -евать	Зрение, зритель	Показать, -ывать
Бледный	Врачи-убийцы	Зуб, зубо-врачебный	Полный, полнолуние...
Блеск, блестять	Время, времена	Игра, играть	Помнить
Бляшки	Временно	Идея, идеолог	Помогать, помощь...
Бог, Бог-Отец	Встреча, -ться	Известный	Понимать, понять
Богомол	Встретиться	Издваться	Последний
Богатый, богач	Вход, входить	Изменить, -чивость	Право, -ый, -ить
Божественный, -ство	Выбрать, выбор	Изображать, -ение	Представить, -вление
Богатый, -ство	Вызов	Индия, индус	Приближаться, -зиться
Боевой, боеготов	Выразить, -жать	Интерес, -ный, -овать	Проблема
Близкий, -жайший	Высокий, высота	Истина	Продать, продавать
Боль, -утоляющий	Высокоинициативный	Исчезнуть	Простой
болезнь, -енный	Выход, выходить	Картина	Психология, -ический
Болезнь	Выяснить, -лось	Класс, -ический	Пустой, пустота, -ырь
Большой	Германия	Книга	Раб, -ота, -очий, -тать
Борьба	Главный, -ейший	Конец, кончат	Разный, разно...
Борода	Глубина, -глубокий	Космос, -мический	Рассказ, -ывать
Бояться	Глядеть, глянуть	Короткий	Реальный, -о
Будда, буддийский	Глаза	Красивый, -ота	Решать, -ить, -имость
Буддист, буддолог	Глазунья	Красный	Рука, ручка
Буду, будущее	Глупый, глупо	Крутой	Русский
Блаженный, -нство	Глупейший	Культура, -ка, -ный	Самый, само...
Бумага, -ажный	Голос	Лежать, лечь	Светлый, -ить, свеча
Бутылка	Голубой	Лист, листья	Святой, священный
Буфет	Говорить, -ящий	Лицо, личный	Секс, сексуальный
Быстрый, -о	Говоривший	Любить, любовь	Сказать
Бытие	Готов, -иться	Любопытный	Сложный, сложно
Быть, бытовой	Готовый	Медитация, -ровать	Сон
Важный, -ен	Грех	Мир, -ы, мировой	Создать

Вата, ватный, -ник  
Вернуться  
Вера, верить

Гриб  
Грубо, грубый  
Думать, -ющий

Специальный  
Старый, -инный, -ик  
Сущий, -ство, -вать

Даже предварительно сформированный словник характерологических для творческого сознания В. Пелевина слов, созданный по принципу большей частотности и на базе всего трех рассказов, дает представление о творческой личности, особенно при неторопливом чтении, с использованием своего, читательского, знания контекста, на фоне своего знания прецедентного текста<sup>3</sup>. В результате получается та скрытая основа сознания художника, которая не проявляется столь явно в поверхностном нарративе.

## 2. О языке Андрея Платонова

А. Платонов в письме к Сталину 8 июня 1931 года по поводу повести «Впрок» сам пояснил некоторые свои художественные принципы, которые перекликаются с постмодернистскими: «...*Перечитав свою повесть, я многое передумал; я заметил в ней то, что было в период работы незаметно для меня самого и явно для всякого пролетарского человека – дух иронии, двусмысленности, ложной стилистики и т. д... Зная, что вы стоите во главе этой политики, что в ней, в политике партии, заключена забота о миллионах, я оставляю в стороне всякую заботу о своей личности и стараюсь найти способ, каким можно уменьшить вред от опубликования повести „Впрок“*» [Платонов... [http](#)].

Об особом языке А. Платонова существует немало исследований [Платонов... [http](#); Особенности... [http](#); Платоновский... [http](#), Как читать... [http](#)]. Учитывая уже используемую терминологию для описания художественного языка Платоновских произведений и применяя также свою систему терминов, попробую охарактеризовать наиболее значимые в данном контексте цитаты, выбранные самостоятельно по тексту произведений «Котлован» и «Чевенгур».

1) «Странноязычие» Платонова – нарушение нормы сочетаемости из-за семантико-синтаксической несочетаемости, так называемая «поэтика грамматического сдвига», «неуравновешенный» синтаксис, «произвол» в сочетании слов: *жить в эту даль, питаться для труда, думать в голову, в испуге будущего наказания, обратил к испуганной в душе Соне, боялся продолжения моей жизни, проглотил воду и перестал жаждавать, опечалиться глазами, всякую дрянь грабить, нога не слушалась поворотов, вождь от внимательного удивления поднялся на седле, голос запел впереди конного отряда, размышляющий человек беседует...*

2) Семантический сдвиг – зевгма: *все будут без власти, а они с винтовками; попал в Кондаева нечаянно и метко...*

3) Избыточность смысла, предельное уточнение в словосочетании и предложении – семантико-синтаксический плеоназм: *думать в голову, поглядеть в тьму комнаты, сварить кипятку, стала жить в школе учительницей, требовать душевного утешения, любил... следить за прохожими мимо, по стеклу поползла жидкость слез, свалился вниз* и т.д.

4) Речевая актуализация и активизация канцеляризмов и штампов: *арестовал за сопротивление народу при уничтожении объявленного имущества, отряд покрыл*

<sup>3</sup> О «прецедентности» см. [Караулов 2004: 216].

*припевом конец куплета, конфисковать ласки, сесть на полу в пробуждении, слабым голосом сомнения дала знать о своей службе пригородная собака ...*

5) Содержательный космизм – безмерное расширение пространства и времени – с формальными грамматическими искажениями: *жить в эту даль, не буди населения, район природы, дерево росло среди погоды, выждав время всеобщего сна, всё недвижимое имущество на земле; он придумал растянуть мир, когда все дороги до тупика дойдут...*

6) Конкретизация абстрактного в рамках одного словосочетания: *свет тишины, запах сна, свет и запах стояли нетронутыми в воздухе...*

7) Изменение лексического значения в прецедентном контексте словосочетания, предложения и всего произведения.

8) Принцип абсурда в языке и смысле – несоответствие ожидаемому; большое в малом, а малое в большом; стяженность высказывания, образующая новые смыслы; переименование; взаимосвязанность и взаимообусловленность: *пахло мертвой травой, жалобная девочка Настя; Дванов им дал целую душевную мечту; для сна нужен был покой ума, доверчивость его к жизни, прощение прожитого горя, а Воцев лежал в сухом напряжении сознательности и не знал – полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется...*

9) Языковая игра, возникающая при использовании лексической омонимии и создающая эквилибристический эффект: *Хромого звали Федором Достоевским: так он сам себя перерегистрировал в специальном протоколе; Утром Дванов ел в сельсовете пшеничную кашу и снова видел Бога. Бог отказался от каши: что мне делать с нею, сказал он, если съем, то навсегда всё равно не наемся.* – «Бог» – это местный старик, так его звали.

10) Переадресация связей в сочетании – замена обстоятельства определением, предикативного словосочетания – атрибутивным: *постучать негромкой рукой, дать немедленный свисток, ударить молчаливой головой.*

11) Афористичность языка: *козел есть рычаг капитализма, если... ты в авангарде лежишь, то привстань на локоть; лишь слова обращают текущее чувство в мысль; беседовать самому с собой – это искусство, беседовать с другими людьми – забава; социализм похож на солнце и восходит летом; мелочи своих размышлений...*

12) Образность языка, в свете жизненного идеологизирования и разрушения устоев и традиций, делает метонимику и метафорику своеобразными: *«Вопрос встал принципиально, и надо его класть обратно по всей теории чувств и массового психоза»; «Ты что, Козлов, курс на интеллигенцию взял? Вон она сама спускается в нашу массу»; «природа всё-таки деловое событие»; «перечень ликвидированного насмерть кулака как класса, пролетариатом, согласно имущественно-вымороченного остатка»; «костер классовой борьбы; в этом затухающем, наклонившемся мире»; «великорусское скромное небо светило над советской землей»...*

13) Реализация метафоры и идиомы: *«Мы уже не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где же тогда греться активному персоналу»; «не хлестай кипяток»...*

Текст и литературный язык Платонова становится самоценным, сам по себе, с иллюзией независимости от автора-творца. Нарушения норм языка создают комический эффект, но это ирония и сарказм, которые как прием являются в тексте формальным



показателем разрушения и катастрофы в действительности. Вся эта эквилибристика языка и смысла расширяет пространство текста и его восприятия до бесконечности.

### 3. Платонов и Пелевин

Сопоставление даже краткого описания языка трех писателей с небольшим количеством иллюстративного материала показывает глубокую связь и преемственность традиции. По тексту рассказа В. Пелевина «День бульдозериста» можно проследить усвоение Платоновской традиции, вплоть до прямой аллюзии к повести «Джан». Это фраза: *«Психический мир коммуниста резко делится на царство света и царство тьмы – лагеря Ормузда и Аримана. Это в общем манихейский дуализм»* [Пелевин 1991: http].

Следующие лексические иллюстрации, с поправками на новые реалии нового времени, по выразительности напоминают синтаксис у Андрея Платонова, который, в свою очередь, как и у Достоевского, имеет источником библейский синтаксис, а именно – синтаксис Псалтири<sup>4</sup> [Библия http], которая полностью входит в богослужебный круг: *«бетон подоконника, пахло мазутом и щами, герой трудового подвига, воспоминания не были по-настоящему живые, мышцы собственной гортани, зеленого стекла бутылки, борт песочницы, лужи рвоты, бутылочные старушки; зеленели бутылки и краснели помидоры, на душе было беспричинно грустно, посинел от удовольствия будем в народные соловьи выдвигать, нить жизни ищем, человек самых острых умственных способностей, безошибочное поведение линии партии, ввалилась толпа пионеров, поднялась и опала волна ностальгии, кислая вонь комнаты, неопределенно-духовая музыка, певца скрыл новый угол, с застиранным воротником плаща, красно-коричневая зубчатая шестерня, рукопожатие прошло как-то незаметно, новая пачка ракет, огромное и ржавомасляное»*... [Пелевин 1991: http].

### 4. Пелевин и Достоевский

Более полно представить картину прецедентного текста произведений В. Пелевина, в отличие от прецедентных текстов у Ф.М. Достоевского [СЯД], оказывается весьма трудным, так как пока нет изданий с комментариями, а то что прочитывается в самих текстах, зачастую является комбинированными аллюзиями. Но их так много, что текст предстает бездонным, если читатель видит все многочисленные отсылки к другим текстам и словесно-смысловую игру. При таком прочтении прецедентность текста раздвигает его пространство вглубь и вширь, то есть диахронически и синхронически, до бесконечности. Так происходит в рассказе «Свет горизонта» из книги «Жизнь насекомых», где главные действующие лица Дима и Митя – два ночных мотылька, продвигающиеся через освещенную комнату к открытой во тьму форточке, рассуждают о пространстве и времени, о конечности и бесконечности, о сущности и наименовании... [Пелевин 2008].

Что отличает тексты Пелевина от текстов Достоевского? Во-первых, то, что это продолжающееся творчество, а не завершённое собрание произведений. Во-вторых, творческий эклектизм художественных произведений, особенно романов, вынужденно собирающих в себе разные жанры, в том числе публицистику и насущные политические аллюзии, тогда как у Достоевского были журналы и Дневник писателя. В-третьих, у Пелевина при всеохватной информированности отсутствует живое общение с читате-

---

<sup>4</sup> Например: *Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего.* (Пс 6, 9)

лями – он закрыт, тогда как Достоевский был открыт обществу. В-четвертых, в силу вышеперечисленных обстоятельств, отмечается некоторая натужность в индивидуальной поэтике произведений и предуготовления их восприятия из-за впечатления, что отсутствует «источник воды живой» в душе автора, отсутствие положительной целиности и целеустремленности и желания избавиться от первородной поврежденности.

Что объединяет творчество таких разных на первый взгляд авторов? Это – любовь к слову. Если можно будет написать оба слова с заглавной буквы, то это будет главным в жизни и творчестве Виктора Пелевина.

### **Резюме**

Сейчас еще рано делать выводы, так как истина проявляется за пределами собственной судьбы, и нет пророка в отечестве своем. В настоящее время в виртуозных по строю и языку произведениях Пелевина нет той единой, всё созидающей цементирующей основы, как у Ф.М. Достоевского, – «почвы», русского православия и Христа, – а без этого нет русского писателя-классика, нет вообще русского. Но остается вера и надежда. Всё остальное – только подмена и очередной «-изм».

Постмодернистский принцип уничтожения в своем творении автора есть лишь формальный прием, но не самоуничтожение, не богоборчество. Прием не есть самоуничтожение, которое ведёт к суженности сознания и гибели творчества, литературы, культуры путем воспроизведения их обратных и заместительных форм. Напротив, неприятие идеи антилитературы и антиявления или их идентификация позволяет отказаться от избыточно-ненужных «-измов» и обратить внимание на более точный и подходящий термин – *прецедентный текст*, уводящий в традицию, которая только и может быть мерой в понимании и оценке авторского текста. Его роль велика в сохранении, восстановлении и возрождении традиции. Соотнесение и сопоставление двух полярных, взаимоисключающих друг друга явлений возможно еще и потому, что высокая классическая литература в России опережает культурно-философское ее осознание и осмысление на несколько десятков лет. Именно поэтому возникает такая ситуация: осмысление предшествующего текста в широком смысле слова порождает иллюзию самостоятельного явления. Если *модерн* как раз осмысляет классику, то *постмодерн*, своими формами иронии и насмешки уничтожающий всё прежде созданное, показывает завершение этого этапа осмысления и наступление нового этапа создания нового будущего классического произведения при обращении к традиции, то есть возврата к хорошо забытому старому в создании нового.

Степень объективности и истинности восприятия и оценки художественного текста и авторского стиля возрастает: 1) при увеличении объема текстов, по которым создается тематически и статистически упорядоченная лексикография, описывается синтаксис и риторика, а также необходима возможность сопоставлять аналогичные параметры и фигуры речи по текстам разных авторов; 2) при осознании авторского приема вынесения своего личного присутствия за скобки фабулы и сюжета с помощью множества самых разнообразных лексических, синтаксических, структурных средств, количества персонажей и их линий развития; 3) при видении и узнавании всего разнообразия прецедентных текстов.

### Литература

*Ален Роб-Грийе и новый роман* [лекция А.А. Аствацатурова]. 14.04.2017 // Youtube – канал Александринского театра. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PHSPENm8zCc> (дата обращения: 30.04.2019).

Библия в синодальном, современном и других переводах [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/syn/19/6/> (дата обращения: 30.08.2020).

*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах (ПСС). Л.: «Наука», 1972–1992.

*Журавлев С.* Постмодернизм в литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2010/07/05/891> (дата обращения: 30.04.2015).

Идиостиль // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (дата обращения: 21.09.2020).

Как читать «Котлован» [лекция В.П. Гольшвева]. 29.10.2013 // Colta specials. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/959-kak-chitat-kotlovan> (дата обращения: 22.10.2020).

*Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2004. 264 с.

*Караулов Ю.Н., Гинзбург Б.Н.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова; гл. редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: АЗБУКОВНИК, 2008. С. 870–909.

*Костомаров В. Г.* Прецедентный текст как редуцированный дискурс // В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвилова. Язык как творчество. М., 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127651> (дата обращения: 30.04.2015).

Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 312 с.

Особенности художественного языка А. Платонова [Электронный ресурс]. URL: [https://studopedia.su/5\\_37202\\_a-platonova.html](https://studopedia.su/5_37202_a-platonova.html) (дата обращения: 21.09.2020).

*Осокина Е.А.* Прецедентность и беспрецедентность у Достоевского и вообще // Культура и текст. 2016. №3 (26). С. 7–18 [Электронный ресурс]. URL: [https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/11/osokina-3\\_2016.pdf](https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/11/osokina-3_2016.pdf) (дата обращения: 09.09.2020).

*Осокина Е.А.* Сравнительная авторская лексикография: постановка проблемы. Возможности и перспективы // Вестник РУДН. Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА. 2018. Vol. 9. N2. 416–438 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/18753/15881> (дата обращения: 09.09.2020)

*Осокина Е.А.* Что стало с «народом» у Достоевского // V Летние чтения в Даровом («Достоевский и народ»). 26–28 августа 2016 г. Зарайск–Даровое–Коломна: ИД «Лига», 2019. С. 110–146.

*Пелевин В.О.* День бульдозериста. 1991 // Мир книг. [Электронный ресурс]. URL: [https://mir-knig.com/read\\_336880-1](https://mir-knig.com/read_336880-1) (дата обращения: 22.09.2020).

*Пелевин В.О.* Фокус-группа. М.: ЭКСМО, 2008. 320 с.

*Пелевин В.О.* iPhuck 10. Оформление. ООО «Издательство «Е», 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=591774&p=1> (дата обращения: 09.09.2020).

Платонов Андрей Платонович // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2\\_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9\\_%D0%9F%](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_%D0%9F%)

D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87  
(дата обращения: 29.12.2019).

Платоновский язык // Русская литература в школе. [Электронный ресурс]. URL: <http://litrusia.ru/11471-platonovskiy-yazyk.html> (дата обращения: 27.11.2019).

Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Коллективная монография / Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; под общей редакцией Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014. 528 с.

СЯД – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова; гл. редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. М.: АЗБУКОВНИК, 2008. 964 с.; Г–З. М.: АЗБУКОВНИК, 2010. 1067 с.; И–М. М.: АЗБУКОВНИК, 2012. 848 с.

Фатеева Н. ИДИОСТИЛЬ (Индивидуальный стиль) // Энциклопедия кругосвет [Электронный ресурс]. URL: [https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/IDIOSTIL\\_INDIVIDUALNI\\_STIL.html](https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html) (дата обращения: 21.09.2020).

Фукалов А.В. Феномен гениальности и постмодернизм // Вестник Вятского государственного университета. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-genialnosti-i-postmodernizm> (дата обращения: 22.09.2020).

Цитаты русских писателей: Виктор Пелевин // Citata.in. [Электронный ресурс]. URL: <http://citata.in/citaty-russkikh-pisatelej/viktor-pelevin.html> (дата обращения: 10.06.2015).

**SOME FEATURES OF THE IDIOSTYLE  
OF DOSTOEVSKY, PLATONOV, PELEVIN:  
DEGREE OF OBJECTIVITY  
WHEN DESCRIBING AND INTERPRETING THE TEXT**

**Elena A. Osokina**

Candidate of Philology, Research Fellow  
of V.V. Vinogradov Institute of Russian Language  
of the Russian Academy of Sciences  
18/2, Volkhonka str., Moscow, 119019  
*lenazar@yandex.ru*

The article is devoted to understanding the author's style in synchrony and diachrony and comparing the following three phenomena and their names: the precedent text, classics and postmodernism in the Russian language and literature. The phenomenon of Dostoevsky, Platonov and Pelevin allows us to solve the question of the styles of the epoch marked with '-isms' and their relationship not as schematic as it is presented in the literary process. Styles do not follow each other in a strictly limited chronotope, but always exist here and now and are manifested in culture through the phenomenon of genius. In the aesthetics of postmodernism, it is the author's genius that expands the boundaries of the familiar, and, rejecting the present, creates a new sample of style that is inevitably embedded in the tradition and gets a label: classicism, romanticism, realism, existentialism, modernism, formalism, structuralism, postmodernism, and so on. The illusion of alternation and development of styles of the epoch is created, subordinated to positive expediency, with characteristic semantic and expressive features. Negative expediency is not viable – it

destroys everything around it and itself. The author chooses one or another expediency. Corpus comparative lexicography makes it possible not only to identify the features of the style of one or more authors, but also to form the perception of the text of different authors. This is expressed in the demonstration of unique features of style and language that may go unnoticed, but when identified, these features form an objective idea of the author's style. Individual reader's perception does not destroy the idea of the author's unique style, but with a tendentious selection of illustrations, it can anticipate and form an ambiguous idea of the author's 'picture of the world'.

**Keywords:** the author's style, Dostoevsky, Platonov, Pelevin, precedent text, 'picture of the world', idiom glossarium, postmodernism and classics

### References

Alen Rob-Griie i novyi roman [lektsiia A.A. Astvatsurova]. [Alain Rob-Grillet and the new novel [lecture by A. A. Astvatsurov]] 14.04.2017 // Youtube – kanal Aleksandrinskogo teatra. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PHSPENm8zCc> (retrieval date: 30.04.2019). (In Russian).

Bibliya v sinodal'nom, sovremennom i drugih perevodakh [The Bible in Synodal, modern, and other translations]. URL: <https://bible.by/syn/19/6/> (retrieval date: 30.08.2020). (In Russian).

*Dostoevskiy F.M.* Polnoe sobranie sochineniy v tridsati tomakh [Complete works in thirty volumes] (PSS). L.: «Nauka», 1972–1992. (In Russian).

*Zhuravlev S.* Postmodernizm v literature [Postmodernism in literature]. URL: <http://www.proza.ru/2010/07/05/891> (data obrashcheniya: 30.04.2015). (In Russian).

Idiostil' [Idiostyle] // Vikipediia [Wikipedia]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C> (retrieval date: 21.09.2020). (In Russian).

*Karaulov Yu.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. M., 2004. 264 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N., Ginzburg B.N.* Jazyk i mysl' Dostoevskogo v slovarnom otobrazhenii [Language and thought of Dostoevsky in the dictionary display] // Slovar' jazyka Dostoevskogo. Idioglossarij. A–V [Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary. A–B] / Rossijskaja akademija nauk Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova; gl. redaktor chl.-korr. RAN Ju.N. Karaulov [Russian Academy of Sciences V. V. Vinogradov Institute of Russian language; chief editor, corresponding member. RAS Yu. N. Karaulov]. M.: AZBUKOVNIK, 2008. P. 70–909. (In Russian).

*Kostomarov V. G.* Precedentnyy tekst kak reduktirovannyi diskurs [Precedent text as a reduced discourse] // V.G. Kostomarov, N.D. Burvikova Yazyk kak tvorchestvo [Language as creativity]. M., 1996. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127651> (retrieval date: 30.04.2015). (In Russian).

Kak chitat' «Kotlovan» [lektsiia V.P. Golysheva] [How to read 'Pit' [lecture by V. Golyshev]] 29.10.2013 // Colta specials. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/959-kak-chitat-kotlovan> (retrieval date: 22.10.2020) (In Russian).

Osnovy frazeologii (kratkiy kurs): ucheb. posobie [Basics of phraseology (short course): textbook] / A.N. Baranov, D.O. Dobrovol'skiy. M.: FLINTA: Nauka, 2013. 312 s. (In Russian).

Osobnosti khudozhestvennogo iazyka A. Platonova [Features of the artistic language of A. Platonov]. URL: [https://studopedia.su/5\\_37202\\_a-platonova.html](https://studopedia.su/5_37202_a-platonova.html) (data obrashcheniya: 21.09.2020). (In Russian).

*Osokina E.A.* Pretsedentnost' i bespretsedentnost' u Dostoevskogo i voobshche [Precedent and unprecedented in Dostoevsky and in General] // Kul'tura i tekst 2016. №3 (26). P. 7–18. URL: [https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/11/osokina-3\\_2016.pdf](https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2016/11/osokina-3_2016.pdf). (In Russian).

*Osokina E.A.* Sravnitel'naya avtorskaya leksikografiya: postanovka problemy. Vozmozhnosti i perspektivy [Comparative author's lexicography: problem statement. Opportunities and prospects] // Vestnik RUDN. Seriya: TEORIYA YaZYKA. SEMIOTIKA. SEMANTIKA. 2018. Vol. 9. N2. 416–438. URL: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/18753/15881>. (In Russian).

*Osokina E.A.* Chto stalo s «narodom» u Dostoevskogo [What became of Dostoevsky's 'people'] // V Letnie chteniya v Darovom («Dostoevskii i narod»). 26–28 avgusta 2016 g. Zaraisk–Darovoe–Kolomna: ID «Liga», 2019. 264 p. P. 110–146. (In Russian).

*Pelevin V.O.* Den' bul'dozerista [Bulldozer day]. 1991 // Mir knig [World of books]. URL: [https://mir-knig.com/read\\_336880-1](https://mir-knig.com/read_336880-1) (retrieval date: 22.09.2020). (In Russian).

*Pelevin V.O.* Fokus-gruppa [Focus group]. M., EKSMO, 2008. 320 p. (In Russian).

*Pelevin V.O.* iPhuck 10. Ofornlenie. OOO «Izdatel'stvo 'Je'», 2017 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=591774&p=1> (retrieval date: 09.09.2020). (In Russian).

Platonov Andrei Platonovich [Platonov, Andrei Platonovich] // Vikipediia [Wikipedia]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2\\_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9\\_%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B9_%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87) (retrieval date: 29.12.2019). (In Russian).

Platonovskii iazyk [Platonov's language] // Russkaia literatura v shkole [Russian literature at school]. URL: <http://litrusia.ru/11471-platonovskiy-yazyk.html> (retrieval date: 27.11.2019). (In Russian).

«Slovo Dostoevskogo 2014. Idiostil' i kartina mira». Kollektivnaya monografiya [The Word of Dostoevsky 2014. The author's style and world view. Collective monograph] / Rossiyskaya akademiya nauk. In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova; pod obshechey redaktsiey E.A. Osokinoy. M.: LEKSUS, 2014. 528 p. (In Russian).

SJaD – Slovar' jazyka Dostoevskogo. Idioglossarij [Dictionary of the language of Dostoevsky. Idioglossary]. A–V / Rossijskaja akademija nauk Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova; gl. redaktor chl.-korr. RAN Ju.N. Karaulov. M.: AZBUKOVNIK, 2008. 964 s.; G–Z. M.: AZBUKOVNIK, 2010. 1067 s.; I–M. M.: AZBUKOVNIK, 2012. 848 s. (In Russian).

*Fateeva N.* IDIOSTIL' (Individual'nyi stil') [IDIOSTYLE (Individual style)] // Entsiklopediia krugosvet. URL: [https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye\\_nauki/lingvistika/IDIOSTIL\\_INDIVIDUALNI\\_STIL.html](https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html) (retrieval date: 21.09.2020). (In Russian).

*Fukalov A.V.* Fenomen genial'nosti i postmodernism [The phenomenon of genius and postmodernism] // Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University]. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-genialnosti-i-postmodernizm> (retrieval date: 22.09.2020). (In Russian).

Tsitaty russkikh pisatelei: Viktor Pelevin [Quotes from Russian writers: Viktor Pelevin] // Citata.in. URL: <http://citata.in/citaty-russkikh-pisatelej/viktor-pelevin.html> (retrieval date: 10.06.2015). (In Russian).

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ  
АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ<sup>1</sup>**

**Стернин Иосиф Абрамович**

доктор филологических наук,  
директор Центра коммуникативных исследований  
Воронежского государственного университета  
394018, Воронеж, пл. Ленина, 10  
*sterninia@mail.ru*

*Светлой памяти*

*Юрия Николаевича Караулова*

В статье рассматриваются возможные виды интерпретации результатов ассоциативных экспериментов, а также само понятие интерпретации и два ее основных вида – когнитивная и системно-языковая.

*Когнитивная интерпретация* позволяет сделать предположительные выводы об особенностях мышления народа или определенной группы людей, описать ментальные процессы в сознании носителей языка, проявляющиеся и отражающиеся в ассоциативных экспериментах. *Системно-языковая интерпретация* представляет собой выводы об организации системы языка, о принципах устройства и функционирования языковой системы, включая ее семантическую составляющую – описание значений слов по результатам ассоциативных экспериментов с ними, а также механизмов понимания и порождения речи.

Приводятся примеры различных видов интерпретации.

**Ключевые слова:** ассоциативный эксперимент, интерпретация, когнитивная интерпретация, системно-языковая интерпретация

**Введение**

Ставшие хрестоматийными работы Ю.Н. Караулова (ассоциативные словари под его редакцией, «Ассоциативная грамматика русского языка», «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть» и др.) явились важнейшим этапом и заметным стимулом развития отечественной психолингвистики. Особенно важны эти работы для развития ассоциативной психолингвистики, то есть психолингвистики, опирающейся на проведение и обработку результатов ассоциативных экспериментов с языковыми единицами.

Результаты ассоциативных экспериментов могут быть использованы для различных целей, в интересах широкого круга наук. Актуальной проблемой является интерпретация результатов экспериментов, от которой зависит адекватное использование экспериментальных данных в теориях, моделях и описаниях языка и мышления, а также в ряде других научных направлений.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013 «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации».

Необходимо подчеркнуть, что интерпретация – понятие всегда субъективное, это всегда субъективный взгляд на то или иное наблюдаемое явление, факт, обусловленный личным опытом интерпретатора, его когнитивной базой, владением методиками интерпретации, опытом интерпретации, определяемым его возрастом, профессией, образованием и многими другими факторами, число которых с трудом поддается учету.

Возможны различные виды интерпретации результатов ассоциативных экспериментов. Основных видов интерпретации два: *когнитивная* и *системно-языковая*. *Когнитивная интерпретация* позволяет сделать предположительные выводы об особенностях мышления народа или определенной группы людей, описать ментальные процессы в сознании носителей языка, проявляющиеся и отражающиеся в ассоциативных экспериментах.

*Системно-языковая интерпретация* представляет собой выводы об организации системы языка, о принципах устройства и функционирования языковой системы, включая ее семантическую составляющую – описание значений слов по результатам ассоциативных экспериментов с ними, а также о механизмах понимания и порождения речи.

Возможны и другие виды интерпретации – культурологическая, социологическая, психологическая, политологическая, дидактическая, нейролингвистическая и др. Как отмечал Ю.Н. Караулов, «ассоциативно-вербальная сеть квалифицирует составляющие ее единицы по трем уровням: семантическому (вербально-грамматическому), когнитивному (знаний о мире) и прагматическому, отражающему позицию человека в мире и его взаимоотношения с миром» [Караулов 1999: 146]. В статье будет уделено основное внимание первым двум видам интерпретации – системно-языковой и когнитивной – как наиболее важным для науки о языке.

### **Системно-языковая интерпретация результатов ассоциативных экспериментов**

Системно-языковая интерпретация данных ассоциативных экспериментов – это выводы об устройстве и функционировании языковой системы языка в языковом сознании его носителей. Это некоторая модель описания языковой системы, которая строится на материале ассоциативных полей, ассоциативных словарей. Это, к примеру, описание организации структуры лексикона (см. работы Ю.Н. Караулова и его школы, многочисленные работы А.А. Залевской и ее школы и др., работы Н.В. Уфимцевой и ее школы).

Системно-языковая интерпретация возможна, поскольку языковые средства выступают средством материализации *языкового сознания*, которое в рамках Московской психолингвистической школы рассматривается как сознание, овнешняемое языковыми средствами [Тарасов 2003: 3]. Системно-языковая интерпретация позволяет сделать выводы об организации системы языка и моделировать функционирование системы языка в сознании народа.

В описании системы языка большую роль играет ассоциативный эксперимент, который дает возможность описать языковое сознание именно в его системном аспекте. Как подчеркивает Н.В. Уфимцева, «ассоциативный тезаурус есть не что иное, как модель языковой знаковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов – образы, достаточные для взаимопонимания» [Уфимцева 2011: 235]. См. также многочисленные направления изучения языковой системы психолингвистическими методами в обобщающей работе: [Залевская 2005: 31–265].



Описание языкового сознания путем интерпретации результатов ассоциативных экспериментов позволяет моделировать, в частности, ядро и периферию системы языка, структурную организацию лексикона, смысловые группы и их системную организацию, выявить парадигматические и синтагматические связи слов, синонимию, антонимию, симилиативные и оппозитивные отношения, полисемию и омонимию, гипонимические отношения в языковой системе, моделировать падежную систему языка, типовую сочетаемость слов, выявить прецедентные тексты, зафиксированные в системе языка и под. Сюда же входит описание актуальной семантики лексических единиц как элементов системы языка – актуальные для языкового сознания на данном этапе значения, новые значения, значения, вышедшие из употребления, оценочность семантики, характеристика процессов обновления и устаревания словаря и др., осуществляемое по результатам ассоциативных экспериментов, а также выводы о наблюдающихся на современном этапе развития языкового сознания тенденциях развития языковой системы. В традиционной ассоциативной психолингвистике все эти проблемы не раз исследовались, были получены многие интересные и надежные результаты.

Отдельно отметим возможность описания актуальной семантики языковых единиц в языковом сознании методом *семантической интерпретации* результатов ассоциативных экспериментов, который заключается в интерпретации ассоциативных реакций как актуализации в эксперименте отдельных компонентов семантики слова, из которых можно реконструировать значения слова в актуальном языковом сознании носителей языка [Попова, Стернин 2007: 168]. Итогом семантической интерпретации результатов ассоциативного эксперимента является описание психолингвистического значения слова. *Психолингвистическое значение слова* – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка [Стернин, Рудакова 2011: 97]. А.А. Леонтьев употреблял термин «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев 1969; Леонтьев 1976: 156–169]. А.А. Залевская использует термин «живое слово» – «в отличие от слова, описываемого в словарях с позиций лексико-семантической системы языка как самодостаточной сущности» [Залевская 2014: 14], «органическое взаимодействие языковых и энциклопедических знаний индивида» (там же); см. также: [Залевская 2011].

Термин *психолингвистическое значение* представляется в нашем случае наиболее удобным, так как указывает источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент, а также локализацию значения – психику человека. Данный термин был предложен нами в свое время для отграничения психолингвистического описания значений от лексикографических значений – представленных в словарях и являющихся конструктами лексикографов.

Описание психолингвистического значения характеризуется двумя количественными параметрами: индекс яркости семантического компонента (ИЯ) определяется как доля испытуемых, актуализировавших данный компонент в эксперименте, от общего числа испытуемых; совокупный индекс яркости значения (СИЯ) – это сумма ИЯ всех семантических компонентов, образующих семную структуру того или иного психолингвистического значения. Описания психолингвистических значений представлены в «Психолингвистическом толковом словаре русского языка», публикуемом Центром коммуникативных исследований Воронежского ГУ с 2018 г. (словарь собственных имен, частотной лексики, наименований автомобилей, синонимов, гендерных и воз-

растных значений). Все вышедшие на данный момент 9 выпусков словаря представлены на сайте Центра коммуникативных исследований ВГУ (<http://www.vsu.ru/university/structure/communicate/digest.html>).

Практика показывает, что психолингвистическое значение позволяет, кроме установления актуальных на данный момент значений слов, выявить целый ряд особенностей лексико-семантической системы в русском языковом сознании.

Выявляется, к примеру, динамика семантического развития слов в языковой системе. Выявляются лексемы, в которых происходит активное устаревание многих значений. Таковы, например, слова *жизнь, молодой, общий, последний, работа, хороший, человек, экономический* – в них обнаруживается много неактуальных значений, которые явно устаревают или вообще уже вышли из употребления, но до сих пор фиксируются в лексикографических источниках. Выявляются многочисленные значения, не фиксируемые имеющимися словарями.

Выявляются полевые изменения в смысловой структуре слова: изменяется иерархия значений в смысловой структуре слова (семантеме). Например, статус основного (главного) значения, представленного в толковых словарях как главное, экспериментом часто не подтверждается – главным, наиболее ярким и употребительным становится другое значение.

Выявляются действующие «точки развития» лексико-семантической системы. Выявляются, например, слова, все значения которых становятся в современном языке более яркими, употребительными. Например, таковыми являются лексемы СИСТЕМА, СОВРЕМЕННЫЙ – фиксируется высокая яркость всех значений данных слов, причем все значения относятся к ядру и ближней периферии семантики слова, и высокая яркость этих значений характерна как для молодежи, так и для старшего поколения, как для женщин, так и для мужчин.

### **Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов**

В общем смысле когнитивная интерпретация – это переход от языкового сознания, отраженного в ассоциациях, к когнитивному (общему), т.е. выход за пределы языкового сознания в общенациональную ментальную сферу, национальный образ мира, национальный менталитет и культуру, особенности национального мышления.

Ассоциативные тезаурусы позволяют выявить ядро языкового сознания, образуемое самыми частотными ассоциациями [Залевская 1981: 28–44, Уфимцева 1988: 135–170, Уфимцева 1996: 144–162, Уфимцева 2011: 235], а анализ ядра позволяет сделать выводы об особенностях мышления народа, его «образе мира».

В качестве примера Н.В. Уфимцева приводит вывод о том, что «в ядре русского языкового сознания русских представлены только ценности, которые по классификации социологов, ориентированы на обеспечение индивидуальной жизни»: у социологов – семья-дом, любовь, труд, достаток, мир; в РАС – дом, жизнь, деньги, любовь, работа-дело, мир» (там же).

Анализ ассоциативных реакций позволяет также сделать вывод о заметной тенденции русского сознания к снижению стереотипности реакций (за 20 лет на 11%) и о том, что «сознание русских из «монологического» стало «полилогом», в нем обнаруживается множество подходов, позиций, оценок, что создает основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М. Бахтину, возможности развития, создания нового содержания» [Уфимцева 2011: 233].

Н.В. Уфимцевой предложен метод анализа национальной идентичности по результатам ассоциативных реакций на стимулы ядра национального языкового сознания [Уфимцева 2011: 223–224].

Другой вариант когнитивной интерпретации – использование результатов ассоциативных экспериментов для описания содержания и связей конкретных концептов в концептосфере народа. В результате исследователь получает выводы о содержании и связях концептов, номинируемых единицами номинативного поля в ассоциативных экспериментах. Конечной целью когнитивной интерпретации является реконструкция (моделирование) концептов как мыслительных единиц по данным языка, то есть реконструкция когнитивного сознания по языковому сознанию. Ассоциативные реакции обобщаются и интерпретируются как вербализация, овнешнение когнитивных признаков соответствующих концептов. Когнитивной интерпретации подвергаются ассоциативные поля всех языковых единиц, образующих номинативное поле (совокупность языковых номинаций) соответствующего концепта. В результате моделируется конкретный концепт как совокупность ядерных и периферийных когнитивных признаков, устанавливаются отношения между концептами. Примеры когнитивной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента можно найти в [Попова, Стернин: 140–153].

#### **Когнитивный комментарий психолингвистических значений**

Формулирование психолингвистических значений как явления системы языка позволяет делать и определенные когнитивные выводы о процессах и содержании национального мышления или группового мышления. Это вариант когнитивной интерпретации, но уже не прямая интерпретация ассоциативных реакций, а обобщающая интерпретация содержания значений, сформулированных на основе ассоциаций. Это своего рода интерпретация «второго уровня». Когнитивные выводы, которые могут быть сделаны по результатам формулирования психолингвистических значений слов, описываются в виде *когнитивного комментария*, предлагающего когнитивную интерпретацию психолингвистических значений и их семантических компонентов.

Подчеркнем, что когнитивный комментарий показывает лишь некоторые тенденции когнитивного осмысления предметов или явлений сознанием, но не предполагает категоричного утверждения того или иного когнитивного факта, поскольку выявленная тенденция может проявляться только в данной группе информантов, только в определенное время и может зависеть от многих других экспериментальных параметров. В описании она основана на имеющемся экспериментальном материале.

Приведем примеры возможных когнитивных комментариев к психолингвистическим значениям из вып. 6 [Психолингвистический... <http>].

В слове ДЕНЬГИ наиболее ярким оказывается значение *Большое богатство, которое обеспечивает возможности, но является злом и не является главным в жизни*, оно более чем в два раза ярче в сознании людей, чем значение *Денежные единицы*. Остальные значения по яркости исчезающе малы.

*Когнитивный комментарий:* концепт ДЕНЬГИ в сознании современного русского человека в значительной степени остается неодобрительно-оценочным, несмотря на общее изменение отношения к деньгам в современном обществе.

Психолингвистическое значение слова РАБОТА наиболее ярко представлено семейной *Трудное занятие, которое приносит деньги* (индекс яркости – 0,65, то есть 65% носителей языка выделяют данное значение как основное). Значение *Трудное любимое*

*занятие* занимает второе место по яркости с ИЯ 0,41. Остальные значения по яркости исчезающе малы. Таким образом, в языковом сознании носителей языка основным, наиболее ярким семантическим компонентом слова РАБОТА является *приносит деньги* (ИЯ 0,15) и *трудная* (ИЯ 0,07), выявляется много неодобренных компонентов – (*занятие*) *однообразное, сложное, от него устают, им не хотят заниматься, его много, требует сил, надоедает, является необходимостью, приносит мучения, делает человека рабом*. В значении *Трудное любимое занятие*, ИЯ которого 0,41, наиболее ярким остается компонент *трудная* 0,07, а яркость положительно-оценочных компонентов не превышает 0,03.

*Когнитивный комментарий:* положительно-оценочное отношение к работе в современном сознании русского человека представлено слабо, работа воспринимается как тяжелое, трудное, вынужденное занятие по зарабатыванию денег.

Психолингвистическое значение слова РАЗГОВОР позволяет сделать следующие выводы. Абсолютно преобладает в смысловой структуре слова значение *Откровенный, долгий и бессодержательный диалог между друзьями* (СИЯ 0,78). Доминируют смысловые компоненты *долгий, с другом или подругой, бессодержательный, доверительный, долгий, откровенный*.

*Когнитивный комментарий:* подтверждается сохранность такой черты русского национального менталитета как важность долгих дружеских разговоров для поддержания социальных отношений. Этот механизм, как и отношение к нему современного сознания, остается сохранным, как и в предыдущие периоды общественного развития. Основные формы такого разговора – диалог или, реже, общение трех людей. Особо ценится при этом откровенность в общении и т.д.

Осуществляемая в настоящее время подготовка *Возрастного психолингвистического толкового словаря* позволяет сформулировать некоторые когнитивные особенности возрастного сознания носителей русского языка в виде возрастного когнитивного комментария значений. Приведем некоторые примеры выявляемых когнитивных тенденций в возрастном сознании русского человека. Например, сопоставление «молодежного» (18–30 лет) и «взрослого» (старше 31 года) психолингвистических значений показывает следующее.

#### ВОЙНА

В молодежном языковом сознании выявляются значения *Неприятные отношения* и *Борьба за достижение* своих целей, в сознании взрослых эти значения не представлены.

*Когнитивный комментарий:* сознание взрослых не концептуализирует явления, не связанные непосредственно с боевыми действиями, как *войну*.

#### ДРУГ

В молодежном сознании в значении слова ДРУГ выявляется яркий семантический компонент *с детства*, который отсутствует у взрослых.

Взрослое языковое сознание включает значение *любимый предмет (игрушка)*, у молодежи это значение не выделяется.

*Когнитивный комментарий:* концепт ДРУГ в сознании взрослых шире по объему, чем в молодежном сознании; при этом для молодежи дружба концептуализируется как возникающая преимущественно в детстве, в то время как для взрослых это не существенно.

### МЫСЛИТЬ

В молодежном сознании выявляется яркий семантический компонент (*мыслить*) *быстро*, у взрослых данного семантического компонента не выявляется.

*Когнитивный комментарий:* Для молодежного сознания скорость – важнейший признак мышления, для взрослых этот когнитивный признак нерелевантен.

### ЖИЗНЬ

В молодежном языковом сознании выявляются яркие семантические компоненты – *долгая, счастливая*, во взрослом значении – компоненты *короткая, быстрая*, компонент *счастливая* представлен единичной реакцией. Кроме того, во взрослом языковом сознании представлено значение *быт*, а в молодежном сознании оно отсутствует.

*Когнитивный комментарий:* концепт хорошо освоен обеими возрастными группами, но имеет яркую содержательную дифференциацию: в сознании взрослых он отождествляется с повседневным бытом, а в молодежном концепте признак *быт* отсутствует; в молодежном концепте наиболее яркие признаки связаны со счастьем и длительностью жизни, а взрослый концепт более пессимистичный, акцентирует быстрый проходящий характер жизни.

### ПОМНИТЬ

Выявляются два чисто взрослых значения, не актуализируемые молодежным языковым сознанием: *Не прощать* (например, помнить обиду, (быть) злопамятным, *противоположно*: простить – *Я помню, как ты со мной поступил!*; *Осознавать, находиться в сознании* (*осознавать*) себя, себя не помнить, *противоположно*: беспамятство) .

*Когнитивный комментарий:* взрослый концепт шире молодежного по объему, поскольку дополнительно отражает больший негативный жизненный опыт взрослых.

### ЛЮБИТЬ

У взрослых больше синонимов, значительно ярче представлены оппозиции – *ненавидеть, не любить, разлюбить*, заметно ярче значение *Восхищаться, наслаждаться*, например, *жизнью*.

*Когнитивный комментарий:* у взрослых концепт имеет сильные оппозитивные связи в сознании, в молодежном концепте эти связи значительно слабее выражены; взрослое сознание больше осознает важность наслаждения жизнью, чем молодежь.

### МАЛЕНЬКИЙ

У взрослых значительно ярче значение *Незначительный по величине* (дом, стул, город), у взрослых ярче значения *Малолетний* (ребенок, мальчик, щенок) и *Занимающий невысокое общественное положение* (человек, чиновник).

*Когнитивный комментарий:* молодежный концепт конкретнее по содержанию, молодежь наиболее ярко осмысливает физический размер предмета, результат эмпирического восприятия действительности, взрослые – возраст и социальное положение лица, что отражает в большей степени присущее им социальное восприятие действительности.

### МОЛОДОЙ

Значение *Недавно начавший расти* (молодые побеги, картофель) существенно ярче у взрослых, но у в молодежном языковом сознании есть значение *Недавно образовавшийся* (город, вуз, мир), которого в языковом сознании взрослых не усматривается.

*Когнитивный комментарий:* молодежь активнее и внимательнее в осмыслении новых явлений, взрослые – в осмыслении прагматически релевантных явлений.

### НАСТОЯЩИЙ

У молодежи есть достаточно яркое значение *Подлинный* (блондин, алмаз, шоколад, *противоположно*: фальшивый, силикон), у взрослых этого значения не зафиксировано. При этом у взрослых актуально значение *Правильный* (поступок, ответ, правдивый, истинный), которое не отмечено в языковом сознании молодежи.

*Когнитивный комментарий*: концепт НАСТОЯЩИЙ заметно дифференцируется в сознании молодежи и взрослых. Сознание молодежи более внимательно и более ярко отражает оценку подлинности вещей и явлений, чем взрослые; взрослые более внимательны к оценке поступков и действий как соответствующих правилам, нормам, чем молодые.

### ОБЩИЙ

У молодежи выявляется значение *Не ограниченный какой-л. специализацией* (курс 0,03, предмет 0,01); у взрослых – *Определяющий, основной* (отдел 0,02, главный 0,02).

*Когнитивный комментарий*: концепт в сознании молодежи отражает их возрастной опыт – особенности их учебной деятельности, взрослый концепт данный опыт уже не фиксирует; однако взрослое сознание отражает социальный опыт старшего поколения, опыт взаимодействия с различными социальными институтами, учреждениями.

### ПОЛИТИЧЕСКИЙ

У взрослых выявляется очень яркое значение *Освещающий сферу политики* (обозреватель, специалист, обзор 0,11), у молодежи это значение имеет индекс яркости всего 0,01.

*Когнитивный комментарий*: взрослые большее внимание уделяют политике и политическим передачам СМИ, нежели молодые.

### ПОЛУЧИТЬ

Основное значение *Взять предназначенное* у взрослых в два раза ярче, чем у молодежи. При этом значение *Заслужить* (получить приз, зачет, медаль, выговор и др.) у молодежи в два раза ярче, чем у взрослых.

*Когнитивный комментарий*: молодежное сознание более внимательно к получению поощрений и порицаний, чем взрослые; для взрослого сознания первоначально получить необходимое, предназначенное.

### ПОМНИТЬ

Значение *Иметь в виду* (главное, о том, что говорим, о деле) выявлено только в языковом сознании молодежи, у взрослых его нет.

*Когнитивный комментарий*: молодежное сознание ярко отражает «инструктивную» информацию о необходимом поведении, которую получает от старшего поколения, из социума.

### ПРАВО

Значение *Учебный предмет* зафиксировано только у молодежи, значение *Совокупность юридических норм общества* – только у взрослых.

*Когнитивный комментарий*: концепт в языковом сознании молодежи отражает их возрастной учебный опыт, взрослый концепт данный опыт уже не фиксирует; при этом взрослое сознание отражает общественно-политическое понимание явления, неактуальное для сознания современной молодежи.

### РЕБЕНОК

В молодежном значении актуализируются яркие семы *плачет, создает проблемы, шумит, это счастье и кошмар*. Выявляется отдельное значение – *Детеныш животного* (дятла, совы), которого нет у взрослых.

У взрослых *плачет, непослушный, милый, чудо, счастье*. Много ласкательных синонимов, но есть единичная сема *сволочь*. Яркие семы – *продолжатель рода, взрослый*.

*Когнитивный комментарий:* у молодежи ребенок концептуализируется в основном по физическим признакам и проявлениям, причем, в основном ребенок в молодежном языковом сознании – это младенец. У взрослых ребенок концептуализируется и как маленький, и как взрослый; в большей степени проявляются эмоционально-оценочные когнитивные признаки, преимущественно положительные, ярко оценивается общественная роль ребенка (продолжатель рода).

#### РУССКИЙ

В значении *Принадлежащий России* в молодежном языковом сознании выявляются достаточно яркие семантические компоненты – *воин, богатырь, патриот, менталитет, характер, нрав, гордость*; аналогичные компоненты во взрослом значении отсутствуют, есть компоненты *народ, национальность, сильный, дурак*.

*Когнитивный комментарий:* молодежное сознание более патриотично и воинственно настроено, взрослое – более не оценочно и скептически.

#### СИЛА

В значении *Большие физические возможности* у молодежи выявляется семантический компонент *формируется занятиями спортом*, у взрослых – *зависит от мышц*. Во взрослом языковом сознании выявляется значение *Степень влияния (ума, слова, денег, знания, правды, стихии и др., то же что – мощь, могущество)*, совокупный индекс яркости которого очень высок – 0,27 (у молодых всего 0,04).

*Когнитивный комментарий:* молодежное сознание концептуализирует силу преимущественно в физическом смысле, взрослое сознание расширяет объем концепта за счет когнитивной метафоры.

#### СИЛЬНЫЙ

В языковом сознании взрослых выделяется значение *Влиятельный (мира сего, властный, богатый)*, которое отсутствует в молодежном языковом сознании.

*Когнитивный комментарий:* концепт во взрослом сознании имеет больший объем и носит более абстрактный характер, чем в молодежном.

#### СОВРЕМЕННЫЙ

Значение *Отвечающий требованиям времени* в языковом сознании молодежи существенно ярче, чем у взрослых (0,43 против 0,33), а вот значение *Новый* у взрослых более чем в два раза ярче, чем у молодежи (0,29 против 0,12).

*Когнитивный комментарий:* концептуализация явления ‘современный’ молодежью основана на восприятии современности как того, что отвечает требованиям нынешнего времени, для взрослых это не актуально. Для взрослых современность – это прежде всего нечто новое, то, чего раньше не было, в то время как для молодежи современное концептуализируется в значительной степени как уже имеющееся.

#### ХОТЕТЬ

В значении *Стремиться* наиболее яркие молодежные семы – (стремиться) *жить (хорошо), есть, спать, домой, мороженое*, а у взрослых – *есть, уметь, пить, спать*. В значении *Желать получить для себя* у молодежи яркие семы – *машину, деньги*, у взрослых – только *деньги*. В значении *Мечтать, стремиться* яркость значения у взрослых 0,17, а у молодежи – 0,06, и разнообразие признаков мечты у молодежи несравненно меньше (о *лучшем, о лете*) – нет мечты о *счастье, мире, любви, тепле, путешествиях*, которые представлены во взрослом значении.

*Когнитивный комментарий:* в концептуализации желаний у молодежи прослеживается тенденция к гедонизму – хорошо жить, есть, спать, иметь машину и деньги. Взрослые концептуализируют желания, включая достаточно яркий когнитивный признак – *приобретение знаний, навыков* (уметь), что совсем не представлено в молодежном сознании. Взрослые гораздо «скромнее» в составе желаний, но гораздо более разнообразно концептуализирует мечты, придавая им общегуманитарную направленность. Молодежь практически не мечтает, она *хочет* конкретное и реальное.

#### ЧЕЛОВЕК

В значении *Лицо как носитель внутренних характеристик* у молодежи самые яркие семантические компоненты – *хороший, добрый*, у взрослых – *друг, умный*. Значение *Живое мыслящее существо* у взрослых имеет большую яркость 0,45, а у молодежи почти в три раза меньше – 0,17.

*Когнитивный комментарий:* концептуализация человека молодежным сознанием прагматична – он должен быть добрым, хорошим, умным; молодежь демонстрирует мало знаний о происхождении человека и его биологических признаках. Взрослые же обладают несравненно большими знаниями в данной области, выделяют больше разнообразных когнитивных признаков, характеризующих человека как живое существо.

#### ЭКОНОМИЧЕСКИЙ

В значении *Занимающийся обучением экономике* у молодежи представлены многочисленные неодобительно-оценочные семантические компоненты – *скудно, отвратительно, трудно, ужас*, не представленные во взрослом значении.

*Когнитивный комментарий:* молодежное сознание концептуализирует экономику как учебный предмет, исходя из своего субъективного негативного учебного опыта. Старшее поколение осмысляет экономику более нейтрально, как науку.

В целом, как показывает наблюдение, взрослые концепты обычно шире и объемней молодежных, при этом содержат больше абстрактных когнитивных признаков, поскольку отражают значительный жизненный опыт старшего поколения. Старшее поколение более склонно к отражению действительности в форме когнитивных метафор.

Когнитивный комментарий психолингвистических значений может осуществляться также по некоторым обобщенно сформулированным когнитивным аспектам (параметрам), что позволяет достаточно наглядно осуществить сравнение концептов в сознании различных групп носителей языка. Например, в работах [Стернин 2019: 117–137, Стернин 2020: 11–21] используется параметрический когнитивный комментарий результатов сопоставительного описания значений слова ИНТЕЛЛИГЕНТ в языковом сознании носителей языка Центрального и Сибирского регионов; в работе Е.А. Дьяконовой [Дьяконова 2019] представлен параметрический когнитивный комментарий сопоставительного психолингвистического описания наименований РОССИЯ, РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, РУСЬ, РАСЕЯ, РАША.

#### **О субъективности процедуры интерпретации**

любая интерпретация, в том числе интерпретация результатов психолингвистических экспериментов, по определению, всегда имеет субъективный характер и может различаться, демонстрируя несовпадающие результаты в разных научных направлениях, у разных исследователей, рассматривающих один и тот же материал, и даже у одного и того же исследователя в разные периоды осмысления им полученных результатов.



Более 20 лет назад в исследованиях А.А. Залевской и впоследствии в работах ее учеников был сформулирован принцип «для меня – здесь – сейчас», который, по мнению ученых, действует во время участия испытуемого в эксперименте, при понимании реципиентом текста. Ученые отмечают, что в другой ситуации, в другое время, в другом эмоциональном состоянии другой (а также тот же самый) реципиент (читатель, слушающий) может уже по-иному выполнить задание эксперимента, дать другую ассоциацию, по-другому понять тот же самый текст [Залевская 2001; Залевская 2013, Голубева 2016]. Представляется, что сформулированный тверскими учеными принцип «для меня – здесь – сейчас» может быть распространен и на исследователя, осуществляющего любую, в том числе особенно семантическую интерпретацию результатов ассоциативных экспериментов. На интерпретатора, как и на любого реципиента, влияет совокупность факторов, которые можно назвать *актуальной личностной ситуацией*. Эта конкретная ситуация, в которой находится интерпретатор в момент интерпретации, уровень его лингвистических знаний, текущее эмоциональное состояние исследователя, предшествующий интерпретации опыт, уровень общих знаний и многие другие факторы, которые не поддаются исчерпывающему перечислению и учету.

За период работы над проектом Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ «Значение как феномен языкового сознания» (с 2002 г.) мы обратили внимание на то, что семантическая интерпретация одних и тех же результатов ассоциативных экспериментов может не совпадать не только у разных интерпретаторов, но и со временем у одного и того же исследователя – появляется желание скорректировать уже сделанную интерпретацию даже через сравнительно небольшое время, например, через месяц после ранее сделанного описания. Это следствие действия фактора актуальной личностной ситуации при интерпретации.

Однако это обстоятельство не ставит под сомнение возможность формирования достаточно согласованного понимания того или иного явления языка. Полная объективность интерпретации недостижима, но согласованность понимания результатов интерпретации – вполне реальное явление. В пользу возможности согласованной интерпретации говорят следующие факты:

- у носителей языка и интерпретаторов сходная национальная когнитивная база, национальный менталитет;
- испытуемые в условиях эксперимента находятся в условиях экстралингвистической действительности, которая известна интерпретаторам;
- выявляются ядерные ассоциации, совпадающие обычно у большинства испытуемых;
- интерпретаторы имеют опыт интерпретации сходных ассоциаций и эффективно усматривают их смысл применительно к слову-стимулу.

При этом отметим, что интерпретация другим исследователем никогда не бывает принципиально отличной от интерпретации первого, она касается, как правило, отдельных ассоциаций и отдельных формулировок семантических компонентов, что естественно при описании любого значения (ср. принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц, который наблюдается и во всех толковых словарях, основан на принципиальной неоднозначности вербального обозначения результатов познания одного и того же объекта разными людьми в разных ситуациях [Стернин 2011: 34-37] и является отражением невербальности мышления (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов).

Отметим, что доля спорных ассоциатов, то есть ассоциатов, семантическая интерпретация которых вызывает трудности (или ассоциация вообще не поддается интерпретации, и такие ассоциаты помещаются при описании психолингвистического значения в рубрику «не интерпретируемые», либо осуществленная интерпретация переосмысливается через некоторое время самим исследователем) обычно невелика – в среднем не более 10% от количества ассоциатов на стимул, а обычно существенно меньше.

Для снижения субъективности (и тем самым повышения объективности) семантической интерпретации психолингвистических данных используются следующие приемы:

- перепроверка выполненного методом семантической интерпретации описания психолингвистического значения разными исследователями, имеющими опыт интерпретации (первичная интерпретация одним исследователем, и минимум две контрольных интерпретации двумя другими разными исследователями);

- перепроверка результатов интерпретации одним и тем же исследователем в другое время (минимум две перепроверки каждым исследователем с промежутком минимум один месяц);

- проверка не интерпретируемых ассоциаций по Национальному корпусу русского языка – они могут быть возрастными, профессиональными, и поэтому неизвестными исследователю;

- верификация спорной интерпретации – опрос небольшой контрольной фокус-группы испытуемых, сходной по составу с контингентом основного эксперимента – с вопросом о том, как они понимают, что имелось в виду, когда на слово X была дана реакция Y;

- приближением времени интерпретации к времени проведения эксперимента: замечено, что если интерпретация и описание психолингвистического значения было осуществлено исследователем в ситуации, максимально близкой к ситуации эксперимента по времени и месту, это делает интерпретацию более надежной.

Таким образом, интерпретация результатов ассоциативных экспериментов – необходимая процедура, позволяющая вписать результаты эксперимента в общую картину исследования и описания языка и сознания человека.

### Литература

*Вахтель Н.М., Фридман Ж.И.* Морально-нравственная лексика в русском языковом сознании // Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2002. С. 38–45.

*Виноградова О.Е., Стернин И.А.* Психолингвистические методы в описании семантики слова. Воронеж: «Истоки», 2016. 157 с.

*Голубева О.В.* Теория эвиденциальности выводного знания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2016. 47 с.

*Дьяконова Е.А.* Россия, Российская Федерация, Русь, Расея, Раша: когнитивная интерпретация результатов сопоставительного психолингвистического исследования // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Вып. 7. / Науч. ред. А.В. Рудакова. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2020. 160 с.

*Залевская А.А.* Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.-Берлин. Директ-Медиа, 2014. 328 с.

*Залевская А.А.* Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» // Вопросы психолингвистики. 2013. №1(17). С. 8–19.

- Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. Тверь: ТверГУ, 2011. 240 с.
- Залевская А.А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин. 1981. С. 28–44.
- Залевская А.А.* Слово в лексиконе индивида // А.А. Залевская. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 31–265.
- Залевская А.А.* Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
- Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. Наука, 1993. 336 с.
- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. Наука 2014. 356 с.
- Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Русский ассоциативный словарь в 2 т. Т. 1 От стимула к реакции. Ок. 7000 стимулов. М. АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. 2 От реакции к стимулу. 1969. 296 с.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука. 1976. С. 156–169.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, 2007. 240 с.
- Психолингвистический толковый словарь русского языка. Выпуск 6/1. Частотная лексика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/pdf/dict/psy-ling/psy-ling6-1.pdf> (дата обращения: 25.08.2020).
- Рудакова А.В.* Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии. Воронеж: Истоки, 2014. 183 с.
- Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков. М.-Мадрид, 2001.
- Стернин И.А.* Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7. Воронеж: Истоки, 2005. С. 4–10.
- Стернин И.А.* К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. (2)12. 2010. С. 57– 63.
- Стернин И.А.* Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж: Истоки. 2011. 64 с.
- Стернин И.А.* Динамика развития и групповые различия психолингвистического значения слова интеллигент в русском языковом сознании // Психолингвистика и лексикография. Вып. 6. Воронеж: «РИТМ», 2019. С. 117–137.
- Стернин И.А.* Когнитивная интерпретация результатов сопоставительных исследований // Сопоставительные исследования. 2020. Вып. 17. / Под ред М.А.Стерниной. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. С. 11–21.
- Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 с.
- Стернин И.А., Рудакова А.В.* Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: Истоки, 2017. 34 с.
- Тарасов Е.Ф.* Сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003. С. 3–10.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 144–162.
- Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание, формирование и функционирование. М., 1988. С. 135–170.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.–Калуга, ИЯ РАН, 2011. 252 с.

## INTERPRETATION PROBLEMS OF ASSOCIATIVE EXPERIMENTS

**Joseph A. Sternin**

Doctor of Philology

Director of the Center for Communication Research

Voronezh State University

10 pl. Lenina, Voronezh, Russia, 394006

*sterninia@mail.ru*

The article discusses possible types of interpretation of the results of associative experiments. The concept of interpretation and two main types of interpretation – cognitive and language system – are considered.

Cognitive interpretation makes it possible to draw conclusions about the peculiarities of the thinking of people or a certain group of people, to describe mental processes in the minds of native speakers manifested and reflected in associative experiments. Language system interpretation draws conclusions about the organization of the language system, the principles of the structure and functioning of the language system, including its semantic component – a description of the meanings of words based on the results of associative experiments with them, as well as the mechanisms of speech understanding and generation.

Examples of different types of interpretation are given.

**Keywords:** associative experiment, interpretation, cognitive interpretation, language system interpretation

### References

*Vakhtel' N.M., Fridman Z.H.I.* Moral'no-nravstvennaya leksika v russkom yazykovom soznanii [Moral vocabulary in Russian linguistic consciousness] // *Yazyk i natsional'noye soznanie* [Language and national consciousness]. Vyp.3. Voronezh: Istoki, 2002. P. 38–45. (In Russian).

*Vinogradova O.Ye., Sternin I.A.* Psikholingvisticheskiye metody v opisaniy semantiki slova. [Psycholinguistic methods in the description of the semantics of the word.]. Voronezh: Istoki, 2016. 157 p. (In Russian).

*Golubeva O.V.* Teoriya evidentsial'nosti vyvodnogo znaniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. [The theory of evidentiality of inferential knowledge]. Tver', 2016. 47 p. (In Russian).

*D'yakonova Ye.A.* Rossiya, Rossiyskaya Federatsiya, Rus', Raseya, Rasha: kognitivnaya interpretatsiya rezul'tatov sopostavitel'nogo psikholingvisticheskogo issledovaniya [Russia, Russian Federation, Rus, Raseya, Rasha: cognitive interpretation of the results of a comparative psycholinguistic research] // *Psikholingvistika i leksikografiya: sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 7. / Nauch. red. A.V. Rudakova. Voronezh: OOO «Izdatel'stvo RITM», 2020. 160 p. (In Russian).

*Zalevskaya A.A.* Chto tam – za slovom? Voprosy interfeysnoy teorii znacheniya slova [What is there behind the word? Basics of the interface theory of the meaning of the word]. M.-Berlin: Direkt-Media, 2014. 328 p. (In Russian).

*Zalevskaya A.A.* Znachenie slova i «zhivoy polikodovyy gipertekst» [The meaning of the word and “living polycode hypertext”] // *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2013. Issue #1(17). P. 8–19.

*Zalevskaya A.A.* Znachenije slova cherez prizmu eksperimeta. [The meaning of the word through the prism of experiment]. Tver': TverGU, 2011. 240 p. (In Russian).

*Zalevskaya A.A.* O kompleksnom podkhode k issledovaniyu zakonmernostey funkcionirovaniya yazykovogo mekhanizma cheloveka [On an integrated approach to the study of the regularities of the functioning of the human language mechanism] // Psikholingvisticheskiye issledovaniya v oblasti leksiki i fonetiki. [Psycholinguistic research in the sphere of lexis and phonetics]. Kalinin. 1981. P. 28–44. (In Russian).

*Zalevskaya A.A.* Slovo v leksikone individa. [The word in the lexicon of the individual] // A.Zalevskaya. Slovo. Tekst. Izbrannyye trudy. M.: Gnozis, 2005. P.31-265. (In Russian).

*Zalevskaya A.A.* Tekst i yego ponimaniye. [The text and its understanding]. Tver': Tver. gos. un-t, 2001. 177 p. (In Russian).

*Karaulov YU.N.* Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka. [Associative grammar of the Russian language]. Nauka, 1993. 336 p. (In Russian).

*Karaulov YU.N.* Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'. [Active grammar and associative-verbal network]. M.: IRYA RAN, 1999. 180 p. (In Russian).

*Karaulov YU. N.* Obshchaya i russkaya ideografiya [Associative grammar of the Russian language]. M.: Nauka, 2014. 356 p. (In Russian).

*Karaulov YU.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin YU.A., Tarasov Ye.F.* Russkiy assotsiativnyy slovar' v 2 t., ot stimula k reaktsii. [Russian associative dictionary in 2 volumes]. T.1 ot stimula k reaktsii. Ok. 7000 stimulov. M.: AST-Astrel', 2002, 784 p. T. 2 Ot reaktsii k stimulu. B. 100000 reaktsiy. M. AST-Astrel', 20902. 992 p. (In Russian).

*Leont'yev A.A.* Psikholingvisticheskiye yedinitsey i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya [Psycholinguistic units and the generation of speech utterance]. M.: Nauka, 1969. 296 p.

*Leont'yev A.A.* Psikholingvisticheskiy aspekt yazykovogo znacheniya. // Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. [Psycholinguistic aspect of linguistic meaning]. M.: Nauka, 1976. P. 156–169. (In Russian).

*Popova Z.D., Sternin I.A.* Kognitivnaya lingvistika. [Cognitive linguistics]. M.: AST, 2007. 240 p. (In Russian).

Psikholingvisticheskiy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. [Psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language]. Volumes 1-10. <http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html> (In Russian).

*Rudakova A.V.* Teoreticheskiye i prikladnyye problemy psikholingvisticheskoy leksikografii. [Theoretical and applied problems of psycholinguistic lexicography]. Voronezh: Istoki, 2014. 183 p. (In Russian).

*Sanches Puig M., Karaulov YU.N., Cherkasova G.A.* Assotsiativnyye normy ispanskogo i russkogo yazykov. [Associative norms of Spanish and Russian languages]. M.-Madrid, 2001. (In Russian).

*Sternin I.A.* Kontsept i znacheniye: kakomu vidu soznaniya oni prinadlezhat? [Concept and meaning: what kind of consciousness do they belong to? ]// YAzyk i natsional'noye soznaniye. Vyp. 7. Voronezh: «Istoki», 2005. P. 4–10. (In Russian).

*Sternin I.A.* K razrabotke psikholingvisticheskogo tolkovogo slovarya [Towards the development of a psycholinguistic explanatory dictionary] // Voprosy psikholingvistiki [Journal of psycholinguistics]. (2)12. 2010. P. 57–63. (In Russian).

*Sternin I.A.* Analiz skrytykh smyslov v tekste. [Analysis of hidden meanings in the text] / Voronezh: «Istoki». 2011, 64. P. 34–37. (In Russian).

*Sternin I.A.* Dinamika razvitiya i grupovyye razlichiya psikholingvisticheskogo znacheniya slova INTELLIGENT v russkom yazykovom soznanii [Dynamics of development and group differences in the psycholinguistic meaning of the word INTELLIGENT in Russian linguistic consciousness] // *Psikholingvistika i leksikografiya*. Vyp. 6. Voronezh: «RITM», 2019. P. 117–137 (In Russian).

*Sternin I.A.* Kognitivnaya interpretatsiya rezul'tatov sopostavitel'nykh issledovaniy [Cognitive interpretation of comparative research results] // *Sopostavitel'nyye issledovaniya* 2020. Issue 17. / Pod red M.A. Sterninoy. Voronezh: OOO, «RITM», 2020. P. 11–21. (In Russian).

*Sternin I.A., Rudakova A.V.* Psikholingvisticheskoye znacheniye slova i yego opisaniye. Teoreticheskiye problemy. [Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems.] LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. 192 p.

*Sternin I.A., Rudakova A.V.* Slovarnyye definitsii i semanticheskiy analiz. [Dictionary definitions and semantic analysis]. Voronezh: Istoki, 2017. 34 p. (In Russian).

*Tarasov Ye.F.* Soznaniye: sodержaniye i funktsionirovaniye. [Consciousness: content and functioning]. XIII Mezhdunarodnyy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. [13<sup>th</sup> International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]. M., 2003. P. 3–10. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Russkiye: opyt yeshche odnogo samopoznaniya [Russians: the experience of another self-knowledge] // *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya*. M., 1996. P. 144–162. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Etnicheskiy kharakter, obraz sebya i yazykovoye soznaniye russkikh [Ethnic character, self-image and linguistic consciousness of Russians] // *Yazykovoye soznaniye, formirovaniye i funktsionirovaniye*. [Linguistic consciousness: formation and functioning]. M. 1988. P. 135–170. (In Russian).

*Ufimtseva N.V.* Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. M.–Kaluga, IYA RAN, 2011. 252 p. (In Russian).

## К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА

**Тарасов Евгений Федорович**  
доктор филологических наук,  
профессор, заведующий отделом психолингвистики  
Института языкознания РАН  
125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1  
*eft35@mail.ru*

Статья посвящена метатеоретическому анализу проблемы функционирования языка, которая в современной лингвистике оказалась неотрефлексированной вследствие редуccionистского подхода к объекту лингвистики, обусловленному сложностью феномена речевого общения.

Функционирование языка имеет внешние и внутренние звенья, для изучения последних лингвистика не обладает познавательными средствами и вынуждена сотрудничать с психологией. Коммуниканты для речевого общения должны иметь сознание, сформированное при присвоении идентичной культуры, функционирующую языковую способность, навыки осуществления совместной деятельности и речевого общения по правилам своей этнической культуры. Нередуccionированный объект лингвистики кроме процесса производства и восприятия устной речи должен включить в себя сотрудничающих и общающихся личностей как носителей общих для них этнической культуры и этнического языка.

Необходимо исходить из представления, что речевое воздействие осуществляется конструированием в сознании реципиента идеальной реальности (потребного будущего) в процессе смыслового восприятия речевых сообщений, произведенных говорящим.

Объектом лингвистики целесообразно полагать процесс речевого воздействия, в котором коммуниканты регулируют поведение друг друга, конструируя в сознании партнера мысли, предъявляя ему для восприятия речевое сообщение, понимание которого реципиентом приводит к формированию образов сознания (мыслей), необходимых субъекту воздействия.

**Ключевые слова:** объект лингвистики, редуccionизм, сотрудничающие и общающиеся личности, этническая культура, общность сознания, производство и восприятие речи

### **Введение**

Через несколько лет случится двухсотлетний юбилей основания В. Гумбольдтом научной лингвистики и философии языка, а проблема функционирования языка все еще ждет своего решения.

Как это ни удивительно, но уже у В. Гумбольдта была мысль, что для решения проблем языка наибольшими познавательными возможностями обладает антропологический подход к языку, предполагающий использование результатов исследования сознания, культуры и духовной жизни [Рамишвили 1990: 123; 2000; Постовалова 1982].

Таким образом, В. Гумбольдт настаивает, что язык может рассматриваться как атрибут человека, живущего в конкретном этносе, присвоившего культуру этого этноса и

тем самым сформировавшего свое сознание. При этом очевидно, что владение этническим языком обладает статусом обязательного качества человека, живущего в неприменном вынужденном сотрудничестве с другими членами различных социальных групп, потому что он не сможет выжить самостоятельно в той экономической нише, которую он занимает и, следовательно, обречен на сотрудничество с другими членами своего этноса.

В лингвистике объектом стал не человек, наделенный языком, а редукционистский, но удобный для анализа объект в форме наблюдаемых речевых продуктов, изъятых из неречевого, а часто и речевого контекста, и отделенный от производства речи и ее реципиента и от их совместной деятельности (СД), ради организации которой и развергивается речевая активность людей.

По мнению одного из самых активных критиков познавательных установок современных лингвистов А.В. Кравченко, распространение графической репрезентации естественных языков привело к «великой подмене научного объекта» лингвистики, когда эти репрезентации стали отождествляться с самим языком [Кравченко 2013: 27].

Говоря языком современной эпистемологии, произошла онтологизация исследовательских процедур современной лингвистики: процедуре лингвистического анализа, лабораторной по своей сути, придали статус реального явления. Конструирование искусственного объекта в научном исследовании, например, при модельном изучении реального объекта – это одинарная познавательная процедура, если аналитик не отождествляет модель и сам объект. История научной лингвистики дает нам ряд искусственно сконструированных объектов исследования, подменяющих единственный объект научной лингвистики – процесс производства и восприятия речи.

Усложнение хозяйственной жизни сформировало необходимость фиксировать устную речь в пространстве и времени и ввело в объектную область анализа речи ее знаковые фиксации. Появление печатного станка создало предпосылки для превращения письменных текстов в мощное средство развития науки, технологий и всего общества и для трансформирования современного общества в культуру текстов, что естественным образом ввело письменные тексты в новую конструкцию объектной области лингвистики. Возникновение современных государств в Европе, связанное с необходимостью управления территориями, население которых использовало для общения разные территориальные диалекты одного языка, имело следствием появление наддиалектного литературного нормированного языка как средства регламентации общегосударственного общения, противостоящего разным типам разговорной речи и просторечию. Художественная литература превратила свой язык в привлекательный объект исследования на долгие годы XX столетия.

Все эти примеры конструирования искусственных объектов исследования лингвистов привели к тому, что естественный объект лингвистики – процесс производства и восприятия устной речи – находился на периферии объектной области лингвистики, что закономерно привело к ситуации, возникшей на Международном конгрессе лингвистов в Берлине в 1987 году, свидетелем которой был автор этих строк.

На заседании секции «Изучение диалогической речи» докладчик рассказывал, что он со своими сотрудниками в лабораторных условиях многократно прослушивают одну и ту же запись диалогической речи, каждый раз открывая что-то новое в содержании речевых действий диалогистов. После окончания доклада одна ученая дама заявила с возмущением, что многократное восприятие ничего не дает, т.к. прослушивается не-



изменный однажды зафиксированный диалог. Еще всего три десятилетия тому назад на Мировом конгрессе лингвистов (!) находились ученые, для которых была чужда мысль, что содержание воспринимаемого речевого сообщения *конструируется* реципиентом и только им и каждый раз заново.

Отвлечемся от этого курьезного, хотя и показательного случая и обратимся к усиленным выдающимся лингвистов сформировать объект исследования лингвистики.

### **Анализ проблемы**

Мысль о языке как средстве общения путем обмена языковыми знаками хотя и была распространена в лингвистике, но можно полагать, что в научной практике она была утверждена в первую очередь трудами И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Е. Есперсена, которые считаются предшественниками функциональной лингвистики [Бодуэн де Куртенэ 1963; Соссюр 2019; Есперсен 1985].

Значительную роль в понимании языка как совокупности средств с функцией воздействия сыграли работы Р.О. Якобсона, членов Пражского лингвистического кружка и труды психолога К. Бюлера [Якобсон 1985; Пражский лингвистический кружок 1967; Бюлер 1934]. Наиболее адекватное представление о влиянии на производство и восприятие речи невербальных факторов коммуникативного акта было сформулировано в функциональной стилистике русского языка [Кожина 1974; Кожина и др. 2011<sup>1</sup>].

Но даже наиболее развитая функциональная лингвистика «в лице» функциональной стилистики русского языка не смогла сформировать адекватное представление об объекте исследования лингвистической науки. Это происходит по причине игнорирования того факта, что несмотря на чрезвычайно развитую феноменологию и онтологию форм существования общенациональных языков (особенно в европейском культурном регионе) в основе любых форм функционирования языка лежит акт взаимодействия членов социума, обладающих общностью сознаний и регулирующих внутреннее и внешнее поведение друг друга при помощи производства и восприятия устных речевых сообщений для организации СД с целью собственного выживания. Можно считать, что все наблюдаемые знаковые взаимодействия членов социума – это только превращенные формы существования устного коммуникативного акта.

Трудно избавиться от вывода, что объект лингвистики носит неоправданно редуционистский характер, если учесть, что исследователь решает задачу объяснить процессы производства и восприятия речевых сообщений, только наблюдая внешние звенья речевого поведения коммуникантов. Объект лингвистики носит сложный системный характер, в котором речевые действия детерминированы в первую очередь целями организации речевого общения и СД.

В качестве основы для дальнейшего изложения проблем объекта исследования в лингвистике сформулируем тезис, который мы попытаемся доказать позже.

Человек, существуя в обществе, не может не общаться с другими людьми в ходе сотрудничества с ними, и это есть его *modus vivendi*. Но для такого общения и сотрудничества требуются предпосылки в виде качеств, которыми должны обладать члены социума.

---

<sup>1</sup> См. также список литературы по функциональной стилистике русского языка, приложенный к этому пособию.

М. Томаселло – специалист по человеческому общению – в разделе с примечательным названием «Язык как совместная интенциональность» пишет: «Языковые акты – это социальные акты, которые один человек интенционально адресует другому (и подчеркивают это) с целью управления определенным образом его вниманием и воображением, чтобы этот делал, знал и чувствовал то, что хочет собеседник. Они «работают» только если оба участника коммуникации обладают необходимой психологической базовой структурой навыков к разделению наблюдений и мотиваций к нему, сформировавшимся для обеспечения взаимодействия с другими людьми в процессе совместной деятельности» [Томаселло 2011: 279].

С М. Томаселло можно согласиться, если под «необходимой психологически базовой структурой навыков к разделению намерений и мотиваций к нему» понимать не только сформированную языковую способность, но и сформированные навыки речевого общения (РО), предполагающие навыки речевой организации не только собственно РО, но и речевой организации СД на всех ее этапах. Такие навыки организации РО и СД могут быть сформированы только как часть процесса деятельностного присвоения своей этнической культуры, который по своим результатам равнозначен формированию сознания.

Обратимся к концепции А.Н. Леонтьева, который при помощи категории предметной деятельности объясняет порождение, функционирование и строение психического отражения реальности языком.

Деятельность, по А.Н. Леонтьеву – «это единица жизни, опосредованная психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире» [Леонтьев А.Н. 2012: 62].

Конституирующая характеристика деятельности, по А.Н. Леонтьеву – это ее предметность. Деятельность – это активность человека, в структуре которой ему предстоит реальный мир в виде природного материала, превращаемого деятелем в продукт (культурный предмет), удовлетворяющий его потребности.

Деятельность реализуется в двух процессах: во-первых, когда предмет разворачивается в деятельность, подобную той, в которой он был изготовлен, во-вторых, когда деятельность по изготовлению предмета застывает в его форме, переходя в его «покоящееся свойство» [Леонтьев А.Н. 2012: 65]. Эти два процесса рассматриваются как два полюса деятельности, известные как распредмечивание и опредмечивание.

Представление о двух модусах протекания деятельности – об опредмечивании и распредмечивании – объясняет механизм трансляции родовых качеств человека от одного поколения к другому: способность пользоваться, например, конкретным орудием труда как культурным предметом формируется в процессе распредмечивания этого орудия, т.е. в процессе использования этого орудия способами, которые позволяет форма этого орудия. Многократное распредмечивание орудия – это процесс перехода орудия в способность тела человека пользоваться этим орудием.

Воздействие человека как субъекта деятельности на предмет ведет к познанию его в процессе приспособления этого воздействия к свойствам предмета, т.е. к формированию образа этого предмета, к формированию собственно сознания деятеля. А.Н. Леонтьев пишет по этому поводу: «Деятельность необходимо вступает в практические контакты с сопротивляющимися человеку предметами, которые отклоняют, изменяют и обогащают ее. Иными словами, именно во внешней деятельности происходит замыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному

предметному миру, властно врывающемуся в этот круг» [Леонтьев А.Н. 2012: 69]. Иначе говоря, предмет, ставший объектом деятельностного воздействия, переводит свою предметность в форму субъективности деятеля, отображаясь в его сознании.

Но это сознание отдельного человека, а для знакового общения, как мы покажем ниже, необходима общность сознаний коммуникантов, создание которой А.Н. Леонтьев показывает следующим образом.

Деятельностное воздействие человека на объект опосредуется *орудием*, которое вводит человека-деятеля в мир других людей, изготовивших это орудие и опредметивших тем самым операцию (способ действия с этим орудием), которую они теперь передают в опредмеченном виде, в форме предмета-орудия его пользователю, приобщая его к своему миру.

Отгалкиваясь от орудийной опосредованности деятельности, А.Н. Леонтьев вслед за Л.С. Выготским, показывает, что «психические процессы человека (его «высшие психологические функции») приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними» [Леонтьев А.Н. 2012: 73].

Отсюда А.Н. Леонтьев делает важный вывод о том, что индивидуальное сознание конкретного члена общества может существовать только при наличии общественного сознания или, добавим от себя, только как часть (или индивидуальная форма) общественного сознания.

Забегая вперед, можно сделать вывод, что СД людей есть необходимое условие формирования общности сознаний (как мы уже упоминали выше, человек не может выжить в одиночку), которая, в свою очередь, есть предпосылка любого знакового общения.

После того как мы показали, как образуется в СД общность сознаний членов социума, можно попытаться объяснить, как происходит управление поведением коммуникантов при помощи речевых (знаковых) сообщений.

Речевое сообщение в устной форме производится говорящим в виде цепочки звуков конкретного естественного языка, которые суть культурные предметы, изготовленные из природного материала (воздуха) говорящим при помощи артикуляторных органов в соответствии с артикуляционной программой, формируемой говорящим для конкретного высказывания, звуки в речевой цепочке образуются артикуляторными органами говорящего и предъявляются им реципиенту для восприятия.

Звуки речи, воспринимаемые перцептивными органами, идентифицируются слушателем при помощи перцептивных эталонов, хранящихся в его сознании в виде образов звуков, в своей субстанции звуки не содержат никаких признаков (кроме звуко-символических слов), указывающих на *образы* предметов (действий, явлений), которые (образы) ассоциированы в сознании коммуникантов с воспринятыми звуками.

При восприятии звучащего слова реципиент идентифицирует его при помощи перцептивного эталона, если он знает воспринятое слово или не идентифицирует его, если он не знает этого слова.

После опознания звучащего слова реципиент извлекает из своей памяти *образ* предмета (действия, явления) если он там хранится или не извлекает, если у реципиента отсутствует такой *образ*, т.е. он не знает значения воспринятого слова. Образ предмета, ассоциированного со звуковой формой слова, существует в ассоциации с другими

образами и поэтому для его однозначного понимания требуется вербальный и невербальный контекст, т.е. необходим образы сознания, ассоциированные с другими звучащими словами или предметами (действиями, явлениями). Сама субстанция звуков, кроме акустических и перцептивных свойств (качеств), необходимых для опознания, никаких других релевантных для интеллектуального управления поведением коммуникантов не имеет: ассоциированные с субстанцией звуков знания, ради манифестации которых и продуцируется речевая цепочка звуков, уже заранее (до начала производства и восприятия речевых сообщений) хранятся в сознании коммуникантов, при этом коммуниканты рассчитывают на то, что эти знания обладают общностью для них.

Необходимо учитывать, что положение говорящего и слушающего асимметрично: говорящий, сформировав цель (интенцию) своего речепроизводства (в общем виде – это организация СД с реципиентом), формирует в своем сознании мысль, вербальная демонстрация которой для реципиента должна побудить его к необходимым для говорящего действиям, а затем «одевает мысль в слово», т.е. вербализует ее, ориентируясь на содержание своей мысли, на грамматические показатели, на познавательные возможности реципиента и на этические ограничения, практикуемые в конкретной ситуации РО. Следует обратить внимание на амбивалентное существование *мысли* в сознании говорящего и слушающего. В упрощенном виде, когда говорящий полагает, что формирование в сознании слушающего мысли, аналогичной мысли говорящего, отвечает его цели, он формирует свою мысль в образах своего сознания, а затем вербализует их, опираясь на *общие для коммуникантов*, но существующие в индивидуальных сознаниях, *знания*, ассоциированные с языковыми единицами, а также отображенные в вербальных текстах.

Слушающий, воспринимая устное речевое сообщение, определяет этнический язык сообщения, звуковой и фонемный состав, опознает лексические языковые единицы и их грамматическое оформление и *конструирует* содержание воспринятого сообщения, естественно, опираясь только на свои (других у него нет) языковые и неязыковые знания, при этом содержание сообщения у реципиента может быть больше или меньше, чем у говорящего. Если реципиент соотнесет сконструированное содержание речевого сообщения со своей целью и с целью говорящего в их СД, то сможет составить представление о *смысле* воспринятого сообщения для себя и о смысле для говорящего.

Анализ действий коммуникантов при производстве и восприятии речевых сообщений показывает, что представление о РО как процессе «передачи и получения информации» просто неадекватно, и вводит в заблуждение, хотя и имеет, к сожалению, широкое хождение в лингвистических студиях<sup>2</sup>.

Иллюзия того, что вербальные модели отображают объекты реальной действительности, а не образы этих объектов, хотя и избавляет от проблемы объяснения несовпадения (неидентичности) описания одного и того же объекта разными носителями конкретного языка и культуры, но не вносит ясности в состояние дел. Проблема вербального моделирования (отображения) объектов реальной действительности осложняется еще и тем, что в языке содержатся альтернативные средства: языковые и речевые синонимы, территориальные дублеты, метафоры и различные техники непрямого обозначения.

---

<sup>2</sup> Психолингвистические модели и теории порождения и восприятия речи подробно описаны А.А. Леонтьевым [Леонтьев А.А. 2005: 84–147].

Образы сознания, моделируемые говорящим в своем речевом высказывании, являются одним из внутренних звеньев процессов производства и восприятия речи: говорящий овнешняет для слушающего свою мысль, состоящую из образов своего сознания, а слушающий, ориентируясь на лексическое, грамматическое и фонетическое оформление воспринятого речевого высказывания, формирует для себя из своих образов сознания свою мысль.

Образы сознания человека – это средство ориентировки его в реальной действительности, которая осуществляется в *процессе* оперирования предметами в познавательной деятельности и в *процессе* построения мысли при оперировании образами.

Образы, доступные для субъекта сознания в интроспекции, а для внешнего наблюдения во всех знаковых репрезентациях, являются объектом интенсивного изучения в психологии сознания.

Существует значительное число классификаций образов сознания, так называемых вторичных образов, однажды сформированных личностью в познавательной деятельности, хранящихся в сознании и используемых в качестве перцептивных эталонов в текущих актах ориентировочной деятельности, определяя установки субъекта сознания.

В «Психологии вторичных образов» А.А. Гостев обсуждает основания составления возможных классификаций вторичных образов: «1) отображение характера внешней среды (например, физической или социальной); 2) источник информационного содержания образа – долговременная или кратковременная память, характер запоминаемой информации; 3) степень адекватности образа объектам привычного окружающего мира; 4) субъективная локализация образа – нахождение образа во внутреннем пространстве или проекция во внешнее пространство; 5) чувство реалистичности образа; 6) время, отраженное в образах – отнесенность образов к будущему, прошлому, «обобщенному настоящему»; 7) вид отражаемого и трансформируемого в образе опыта – перцептивный, вербальный, эмоциональный» [Гостев 2007: 152].

Проблема вторичных образов имеет прямое отношение к проблеме производства и восприятия речевых сообщений, если говорящий в своей речи не моделирует вербально образы сознания, формируемые здесь и сейчас при *восприятии* объектов реальной деятельности, то он вербально моделирует мысли, сконструированные из *вторичных образов*, уже хранящихся в сознании. Именно совокупность этих образов составляет содержание сознания, которое полностью открывается субъекту сознания не в интроспекции, а в производимых им речевых сообщениях, когда он получает возможность вербально смоделировать свое сознание, опираясь на знания всего общества, доступные ему благодаря его собственному словарному запасу, ассоциированные с телами языковых знаков своего этнического языка. Поэтому язык личности в форме процесса производимой и воспринимаемой речи – это не только средство РО, но и средство познания самого себя, т.к. содержание устных речевых сообщений существует только в *процессе* их производства восприятия. Процессуальную форму существования содержания речевых сообщений настойчиво подчеркивал А.А. Леонтьев, представляя содержание речевого сообщения как итог – промежуточный или конечный – его понимания [Леонтьев 2005: 142].

Теперь мы можем точно описать процесс информационного взаимодействия коммуникантов, которые не «передают информацию» друг другу (что физически невозможно), а предъявляет друг другу для восприятия только тела языковых знаков (культурные предметы), обладающие только субстанцией, но способные вызвать из сознания реци-

пиента образы, ассоциированные с этими телами знаков. Следовательно, информация (знание) не передается, а создается реципиентом под воздействием стимуляции, производимой говорящим при помощи тел языковых (и неязыковых) знаков: слушающий, пытаясь понять цепочку тел языковых знаков, *конструирует из своих наличных образов сознания*, ассоциированных с воспринятыми телами языковых знаков, некоторое содержание, что и было целью знакового воздействия говорящего. Прогнозируемый говорящим результат получится только в случае, если он не ошибся в своих предположениях относительно наличия /отсутствия конкретных образов сознания.

В связи с проблемой регулирования коммуникантами поведения друг друга возникает необходимость анализа проблемы понимания другого сознания, которая в лингвистике практически не артикулирована. Это происходит, вероятно, потому что проблема понимания другого сознания, не решенная в рамках научного дискурса, вынесена за пределы предметной области лингвистики. Хотя проблема чужого сознания является объектом исследования в науке [Витгенштейн 1994; Остин 1999], она не может считаться решенной, т.к. сознание доступно субъекту только в интроспекции и только при помощи его субъективных, частных, по словам Л. Витгенштейна, знаний, которые доступны для внешнего наблюдения только будучи переведенными в общепринятые знания при помощи вербального моделирования. Противоречивость внутренней (частной) и внешней (знаковой) форм описания считается препятствием для решения проблемы чужого сознания. Но за пределами науки проблема чужого сознания не является проблемой: в процессе инкультурации и социализации личность овладевает навыками формирования гипотез о содержании сознания другого на основе его внешнего поведения и вегетативных реакций. Совокупность профанных знаний, позволяющих судить по внешним проявлениям о содержании сознания другого, получила название «народной психологии».

Для проблемы производства и восприятия речевых высказываний проблема чужого сознания приобретает статус ключевой семантической фигуры, указывающей на необходимость рефлексии под феноменом искажения своего сознания своим же метасознанием или сознанием социума при его вербальном моделировании.

### **Выводы**

Теперь необходимо сделать резюме, которое едва ли можно считать окончательным. Объект теории функционирования языка – это сотрудничающие члены социума (и, следовательно, общающиеся друг с другом). Объект исследования имеет внешние и внутренние звенья: внешние звенья – процесс воздействия на объекты: при помощи предметов-орудий на предметы и при помощи предметов-знаков на людей; внутренние звенья – отображение в сознании СД и построение мысли для ее вербального моделирования говорящим и построение мысли в результате анализа вербального моделирования слушающим.

Обратимся к облигаторным характеристикам сотрудничающих членов социума. Это люди

- сформировавшие свои высшие психологические функции и, следовательно, сформировавшие свое сознание;
- присвоившие свою этническую культуру и, следовательно, сформировавшие свое этническое сознание;
- сформировавшие свою языковую способность, позволяющую вербально мо-

делировать свои мысли и конструировать мысль в результате анализа вербального моделирования мысли другого коммуниканта;

– сформировавшие навыки сотрудничества в СД и организации РО и СД в социальных ситуациях, где происходит их профессиональная и непрофессиональная деятельность.

Таким образом, нередуцированный объект лингвистики – это *процесс производства и восприятия речевых сообщений*, осуществляемый сотрудничающими и общающимися личностями в структуре социальных отношений своего социума (и этноса). Естественно, такой объект исследования может быть сформирован, если лингвисты станут склоняться к выводу, что прошел период изучения языка «в себе и для себя», и наступило время решать лингвистические задачи в интересах стремительно меняющегося информационного общества.

### Литература

*Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Пер. с польск. Т. П. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.

*Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

*Есперсен О.* Философия грамматики. Пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.

*Кожина М.Н.* Стилистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 274–285.

*Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. Учебник. 4-е изд. стереотипное. М.: Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука», 2011. 465 с.

*Кравченко А.В.* От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.: илл. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

*Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Книга, 2012. 176 с.

*Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики: Учебник для студ. высш. учеб. заведений, 4-е изд., испр. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.

*Остин Дж.* Чужое сознание // Избранное. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой и В.П. Руднева. М.: Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 247–290.

*Постовалова В.И.* Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982. 223 с.

*Пражский лингвистический кружок.* Сборник статей. М.: Прогресс, 1967. 560 с.

*Рамшвили Г.В.* Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 5–33.

*Рамшвили Г.В.* Гумбольдтианство // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 123–124.

*Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М.: Юрайт, 2019. 310 с.

*Томаселло М.* Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М.В. Фаликман, Е.В. Печенковой, М.В. Синицыной, А.А. Кибрик, А.И. Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

*Якобсон Р.О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

*Bühler, K.* (1934) Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, Gustav Fischer.

## ON THE LANGUAGE FUNCTIONING

**Evgeniy F. Tarasov**

Doctor of Philology, Professor

Head of Psycholinguistics Department

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislowskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

*eft35@mail.ru*

The article deals with the meta-theoretical analysis of the language functioning. In modern linguistics, language functioning remains unreflected within the reductionist approach to the object of linguistics, resulting from the complexity of the verbal communication phenomenon.

The functioning of the language has external and internal aspects; to study the latter, linguistics does not possess cognitive means and has to cooperate with psychology. Verbal communication requires communicants to have a consciousness developed through the acquisition of an identical culture, a functioning language ability, the skills of joint activities and verbal communication following the rules of their ethnic culture. An unreduced object of linguistics, in addition to the process of oral speech production and perception should include collaborating and communicating individuals as carriers of their common ethnic culture and ethnic language.

One should keep in mind that speech influence is carried out by constructing in the mind of the recipient an ideal reality (required future) in the process of semantic perception of speech messages produced by the speaker.

One should consider the process of speech influence as the object of linguistics. Within the process of speech influence, communicants regulate each other's behavior, constructing thoughts in the partner's mind and presenting a speech messages for his/her perception inducing in the recipient the images of consciousness (thoughts) necessary for the subject of influence.

**Keywords:** object of linguistics, reductionism, collaborating and communicating individuals, ethnic culture, common consciousness, speech production and perception

### References

*Bodujen de Kurtene I.A.* Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju [Selected Works on General Linguistics]. Per. s pol'sk. T. II. M. Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. 391 p. (In Russian).

*Vitgenshtejn L.* Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Ch. 1. M.: Gnozis, 1994. 612 p. (In Russian).

*Espersen O.* Filosofija grammatiki [Philosophy of grammar]. Per. s angl. V.V. Passeka i S.P. Safronovoj; Pod red. i s predisl. B.A. Il'isha. M.: Izd-vo inostranoj literatury. M., 1958. 400 p. (In Russian).

*Kozhina M.N.* Stilisticheskie problemy teorii rechevoj kommunikacii [Stylistic problems of the theory of speech communication] // Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti [Foundations of the speech activity theory]. M.: Izd-vo «Nauka», 1974. P. 274–285. (In Russian).

*Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskij* Stilistika russkogo jazyka [Stylistics of the Russian language]. Uchebnik. 4-e izd. stereotipnoe. M.: Izd-vo «Flinta», Izd-vo «Nauka», 2011. 465 p. (In Russian).



*Kravchenko A.V.* Ot jazykovogo mifa k biologicheskoj real'nosti: pereosmysljaja poznavatel'nye ustanovki jazykoznanija [From linguistic myth to biological reality: rethinking the cognitive attitudes of linguistics]. M.: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2013. 388 p: il. (Razumnoe povedenie i jazyk. Language and Reasoning). (In Russian).

*Leont'ev A.N.* Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. M.: Kniga, 2012. 176 p. (In Russian).

*Leont'ev A.A.* Osnovy psiholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]: Uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij, 4-e izd., ispr. M.: Smysl, Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. 288 p. (In Russian).

*Ostin Dzh.* Chuzhoe soznanie [Alien Consciousness] // Izbrannoe [Austin J. Selected Works]. Per. s angl. L.B. Makeevoj i V.P. Rudneva. M.: Ideja–Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999. P. 247–290. (In Russian).

*Postovalova V.I.* Jazyk kak dejatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta [Language as an activity. The experience of interpreting the concept of W. Humboldt]. M.: Nauka, 1982. 223 p. (In Russian).

*Prazhskij lingvisticheskij kruzhok.* Sbornik statej [Prague Linguistic Circle. Digest of articles]. M.: Progress, 1967. 560 p. (In Russian).

*Ramishvili G.V.* Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo jazykoznanija [Wilhelm von Humboldt – the founder of theoretical linguistics] // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Humboldt W. von. Selected Works on Linguistic]. M.: «Sovetskaja jenciklopedija», 2000. P. 5–33.

*Ramishvili G.V.* Gumbol'dtianstvo [Humboldtianism] // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. P. 123–124. (In Russian).

*Sossjur F. de* Kurs obshhej lingvistiki [Course of General Linguistics]. M.: Jurajt, 2019. 310 p. (In Russian).

*Tomasello M.* Istoki chelovecheskogo obshhenija [Origins of human communication] / Per. s angl. M.V. Falikman, E.V. Pechenkovej, M.V. Sinicynoj, A.A. Kibrik, A.I. Karpuhinnoj. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. 328 p. (In Russian).

*Jakobson R.O.* Izbrannye raboty [Jacobson R.O. Selected works]. M.: Progress, 1985. 454 p. (In Russian).

*Bühler, K.* (1934) Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache [Theory of Language: The Representative Function of Language]. Jena, Gustav Fischer.

**«ВЕРОЯТНОСТНЫЙ МИР» ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ  
(ПРИМЕНИТЕЛЬНО К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА)**

**Чернейко Людмила Олеговна**

доктор филологических наук,  
профессор кафедры русского языка  
филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова  
119991, Москва, Ленинские горы 1-51, ГСП, МГУ имени М.В. Ломоносова  
*avollis@mail.ru*

*Я был ученым, но оставался свободным от сурового насилия науки.*  
В.В. Налимов

Статья посвящена проблеме ассоцианизма и исчислению «вероятностного мира» (словоупотребление Ю.Н. Караулова), которая занимала в научном творчестве ученого одно из центральных мест. Предметом исследования является возможность нематематизированного применения вероятностной модели языка к анализу художественного текста (Е. Водолазкин «Авиатор» и А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него») с использованием метода выделения наиболее часто встречающихся в текстах смыслов, которые «упакованы» в близкие, но семантические нетождественные означающие (синонимы), и построение на этой основе текстовых парадигм (логических – с архисемой как центром парадигмы и аксиологических, центром которых является оценочный смысл) с целью моделирования мировоззрения и мировосприятия главного героя. Результат проведенного исследования состоит в предлагаемом аргументированном понимании остраннения не только как художественного приема, сформулированного В. Шкловским, но прежде всего как модели видения мира языковой личностью. Предлагается теоретическое обоснование типологии остраннения, основой которого являются такие разные ментальные состояния, как удивление, вызванное новизной воспринимаемого предмета в широком понимании термина (роман «Авиатор») и непониманием хорошо знакомого – привычного и даже рутинного (роман «Петровы в гриппе...»). Остраннение как способ восприятия мира личностью и языковые средства его от-ображ-ения в двух отмеченных ракурсах можно отнести к разряду художественных, эстетически значимых универсалий, характерных для определенного типа нарратива, что важно для когнитивной поэтики, в частности для нарратологии и рецептивной эстетики.

**Ключевые слова:** языковая личность, восприятие, представление, «вероятностный мир», ключевой смысл, текстовая парадигма, остраннение, рецептивная эстетика

**Введение**

Научная деятельность Ю.Н. Караулова была многовекторной и результативной, определяющей перспективу изучения поведения слова в речи. В сферу его научных интересов входили, как известно, грамматика, теоретическая и прикладная лексикография, общие проблемы языкознания, исследование художественного текста. Но, как представляется, главным новаторским достижением ученого для отечественной (и

мировой) филологии, традиционно включающей лингвистику, было создание теории языковой личности, глубинной основой которой является ассоцианизм, открывающий доступ в область бессознательного. Ю.Н. Караулов был философом, но не по специальности, не в дисциплинарном смысле, а в том, какой придал термину «философия» Л. Витгенштейн, считавший философию деятельностью разума по поиску сути вещей в любой сфере познания. Если же говорить о философии именно в витгенштейновском понимании, то ее объединяет с лингвистикой их метанаучность, поскольку все науки «бьются» со своим предметом в поисках истины, но результаты поиска и находок не могут не выражаться в языке и через язык, даже если это язык химии или математики. При этом лингвистику выгодно отличает от философии материальность ее научного объекта, и это речь. И для философа, размышляющего об общих законах существования и развития мира и об отношениях человека и природы, важна речь как материальное воплощение мысли, а для некоторых философских школ (таких, как «Аналитическая философия» и «Школа философии обыденного языка») характерно пристальное внимание к языковой стороне философской деятельности, в которой язык так же, как и в лингвистике, становится не инструментом, а объектом познания.

#### **«Языковая личность» как лингвистический инструмент реконструирования текста**

Понятие «языковая личность» определяется Ю.Н. Карауловым достаточно широко: и как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» [Караулов 1987: 245] различной степени сложности, и как «личность, выраженная в языке (текстах)», которая может быть «реконструирована в основных своих чертах на базе языковых средств» [Там же: 38]. Несколько измененное и более позднее понимание термина «языковая личность» сводится к тому, что это «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [РЯ 1997: 671].

Из приведенных определений термина вытекают два важных для когнитивной лингвистики (и когнитивной поэтики в частности) положения: 1) «языковая личность» – это лингвистический инструмент моделирования представлений конкретного человека (или микросоциума, например, научного направления) о мире, выражающихся в его речевом поведении, воплощенном в устном или письменном видах текста, 2) алгоритм использования этого инструмента для реконструирования специфики индивидуального (и/или коллективного) видения мира, непостижимого в своей целостности, непременно связан со статистикой (термин «статистика» этимологически восходит к лат. status = состояние, положение), позволяющей вычленив в речах те языковые средства, которые и являются специфическими для данной личности, «проявителями» ее индивидуальности. Поскольку различаются представления разных людей одного языкового сообщества (культурного социума в целом и его субкультур) о мире и одного человека в разные периоды времени, постольку полученная модель языковой личности имеет вероятностный характер, что и предопределяет амплитуду видения мира социумом, взятом в его целостности.

Ю.Н. Караулов писал: «Как только мы подходим к фактам языка с точки зрения языковой способности, мы покидаем системно-детерминистский мир привычного пред-

ставления языкового строя, его грамматики и лексики, и вступаем в вероятностный мир языковой личности» [Караулов 1999: 7]. Но «вероятностный мир языковой личности» есть мир, соединяющий в себе формы логического мышления, базой которого является дискретный язык, с внелогическим, континуальным по своей природе и проявляющимся в индивидуальной речи в виде случайности ассоциативных связей. Современное научное познание направлено на «выявление и исследование закономерностей, которым подчиняются реальные процессы» [Костин 2004: 3] во всех сферах научной деятельности. Для лингвистики «реальный процесс» – это речь, именно по этой причине лингвистика речи стала приоритетным направлением в изучении языка как динамической системы, как «среды языкового существования» (термин Б.М. Гаспарова [Гаспаров 1996]), а статистический подход к ее анализу, даже если он не математизирован и не осознан исследователем текста как количественный метод, тем не менее является единственно надежным, верифицируемым инструментом его реконструкции.

Если язык как система достаточно эффективно описан методом структурного анализа, подчиненного выявлению связей единиц языка на всех уровнях его организации через фонологические, лексико-семантические, синтаксические оппозиции, то для моделирования актуализированной в речи языковой способности, языковой компетенции, а тем более видения мира этот метод недостаточен. Коль скоро в речи проявляются как причинно-следственные связи, за которые ответственна логика, так и лишённые детерминизма ассоциативные, к ее анализу подходит принцип случайности, на котором стоит математическая статистика, определяющая случайную функцию (СФ) как такую, «значение которой при любом значении аргумента является случайной величиной (СВ)», принимающей «при каждом испытании какой-либо заранее неизвестный вид» [Костин 2004: 15].

В речи, какой бы логически выверенной она ни была, «заранее неизвестный вид» имеют в первую очередь вспомогательный субъект сравнения таких тропов, как сравнительный оборот, метафоры двух видов – образной и, в меньшей степени, когнитивной, а также зевгма, отличительная особенность которой состоит в том, что в предложении при одном сказуемом могут быть два или более прямых дополнения с совершенно разными семиотическими статусами (на уровне логической организации предложения – это имена, заполняющие объектную валентность предиката), например: *Этот скандал... обошёлся ему очень дорого. Благодаря ему он потерял свою новую форменную фуражку и веру в человечество.* (А. Чехов. Начальник станции).

Что касается сравнения, то «заранее неизвестный вид» вспомогательного субъекта сравнения отличается высокой степенью его непредсказуемости в художественном типе речи (за исключением устойчивых сравнительных оборотов). Для метафизики сознания проекции одного явления (неизвестного или малопонятного) на другое, воплощенные в таких тропах, как метафора, метаморфоза, сравнение, связаны с активизацией индивидуального опыта, сужающего границы «предмета-для-всех» до «предмета-для-Я», в котором и проявляется его нетривиальное видение: *Вольга согнул свою душу, как лук, и сцепил ее тетивой воли. Из плавней Матвей видел, как мостом, черной радугой выгнулась через небосвод страшная дымная полоса. Она была как дьявольское, угольное отражение Млечного пути в светлом небе* (А. Иванов. Сердце Пармы); *Мимолетные касания, казалось бы, совершенно незначительные, были как мелкие гвозди, прочно сшивающие ежедневную жизнь* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

### **Принцип проекции: универсальный когнитивный инструмент**

Особого внимания заслуживает изучение когнитивных («концептуальных», «предикативных») метафор, а они результат скрытой проекции абстрактных имен (АИ) существительных на предметный мир (подробно в [Чернейко 2019]) через обязательные для АИ узусальные (освященные традицией) вторичные предикаты (например: кризис *разразился*, *охватил*, *назрел*, *углубился*, где кризис мыслится в коде стихии – грозы, огня, в растительном коде – плод, в ландшафтном – русло реки) или чрез недавно возникшие, но прочно вошедшие в узус словосочетания с оценочной коннотацией, например: *жертвы* оптимизации, *ущерб* от «оптимизации», *последствия* оптимизации, оптимизация *ударил* по больницам, где оптимизация мыслится как не эволюционный, а революционный процесс, плохо организованный властными структурами («спущенный сверху»), отрицательно оцениваемый народом, что и обеспечивает оптимизации образы стихийного бедствия или врага.

Метафоричность речи – важнейший показатель ассоциативной креативности языковой личности в любом типе текста, не исключая и научный. Любая модель понимается В.В. Налимовым как метафора («Модель имеет статус метафоры» [Налимов <http://>]). Ситуации разной степени сложности и возможности их охвата сознанием, события, подобные войне, революции, а также все умопостигаемые феномены всех сфер культурной жизни, о которых и социум, и индивидуум могут иметь только представления – неverified форму познания. Язык представлений вынужденно метафорический, основанный на проекции неизвестного на известное, т.е. на индивидуальный и/или коллективный опыт, или абстрактного на конкретное [Чернейко 2019]. В проекции происходит такое удвоение воспринимаемой реальности, которое связано не с логикой познания мира, а с активизацией памяти и обращением субъекта восприятия (и/или субъекта речи) к своему индивидуальному опыту

Рассматривая аналитический термин политологии *мягкая сила* (калька с английского soft power) в контекстах его употребления в современных российских СМИ, П.Б. Паршин применяет количественный метод анализа, который позволяет ему сделать вывод о семантической структуре термина и об адекватности его понимания, иными словами, о «качестве» употребления: «Мягкую силу можно приобретать, наращивать, сохранять, утрачивать, но использовать, стабильно добиваясь результата, нельзя», потому что мягкая сила – не инструмент и поэтому, конструкции типа «мягкая сила» как инструмент внешней политики, мероприятия «мягкой силы»... некорректны логически, как и хлесткие журналистские метафоры типа железная хватка мягкой силы» [Паршин 2017: 249].

### **Философия случайности в ее отношении к лингвистике**

Философия случайности применительно к языку представлена в разделах-афоризмах «Логико-философского трактата»: «4.464. Несомненно, возможно, невозможно: здесь мы имеем указание той градации, которую мы употребляем в теории вероятностей; 6.43. Мир счастливого совершенно другой, чем мир несчастного; 6.45. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое; 6.44. Мистическое не то, как мир есть, но то, что он есть» [Витгенштейн 1958]. И как бы ни упрекали Л. Витгенштейна в «неясности» языка, который «нелегко понять», и в «ничтожности и бессмысленности философского содержания» [Никифоров 2017: 160] «Трактата», очевидно, что во многих афоризмах заключены значимые для когнитивистики мысли. Действительно, один воспринимает жизнь как дар, а другой в ней мается, следовательно, общая эмо-

циональная окраска речей таких личностей значительно различается, различается и их тематика, а если учесть, что дискурс представляет собой речевленное мировоззрение, то возникает оппозиция «дискурс счастливого – дискурс несчастливого», в основе выявления которой лежит количественный метод. А вопрос о «чтойности» (сущности) мира и вещей волновал и волнует философию с того момента, как она возникла. Но ответ на него не может быть верифицирован, поскольку он связан не с опытным (эмпирическим) знанием, а с мнением, часто аксиологически заряженным.

Такие количественные характеристики текста, как частота употребления слова или словосочетания, лежат в основе не только концептуального метода когнитивной лингвистики, успешно применяемого для моделирования мировоззрения и мировосприятия отдельной личности, но и выделения так называемых «ключевых слов» эпохи или определенного периода. И понимание «литературного приема» как специфических, присущих определенному идиостиллю языковых средств также основан на исчислении этих средств. А. Белый, исследуя «картину», точнее, «картинку» (этот более точный термин принадлежит Н.Ю. Шведовой) неба, солнца и луны в трех поэтических идиолектах – А. Пушкина, Е. Баратынского и Ф. Тютчева, пишет, что в идиолекте выбранных им авторов присутствуют «три картины, три мира, три солнца, три месяца; три воды; троякое представление о воздухе; и – троякое небо» [Белый 1922: 10]. Сделанный вывод вытекает из анализа «суммы всех слов о солнце» [Там же] и о других телах. Можно считать, что проделанный А. Белым анализ является применением нематематизированного статистического метода к художественному тексту. Именно такой метод анализа текста является одним из наиболее востребованных когнитивной лингвистики и существует под названием «концептуальный анализ».

Концептуальный анализ, основанный на изучении сочетаемости ключевых слов (это часто повторяющиеся непредметные имена существительные, задающие тему высказывания, но могут быть и ключевые глаголы, которые имеют статус вторичных предикатов и дают возможность войти в образный мир непредметных феноменов), выявленной способом сплошной выборки, соотносится с контент-анализом, моделирующим содержание больших массивов текста с применением статистически оформленных количественных методов и с обязательным числовым выражением результата анализа. При широте охвата неслучайных, высоковероятных сочетаний единиц языка в речи (к совокупности «идентифицирующих признаков, отражающих существенные свойства авторского стиля» относят такие статистические характеристики, как «частотность слов, букв, их сочетаний, количественное использование определенных частей речи, синтаксических конструкций и т.д.» [Дворяткина, Розанова 2016: 93]) наиболее информативной представляется сочетаемость ключевых слов в текстах отдельной языковой личности (автора, нарратора, персонажа, если речь идет о художественном тексте), эпохи и/или момента, позволяющая выявлять семантико-стилистическую специфику текста и отображающая видение личностью стоящих за этими словами феноменов (сущностей). В исследовании речи (а только к ней и может быть применен вероятностный метод) «семантика текста определяется вероятностью, задаваемой структурой смыслов, а смыслы – это то, что делает знаковую систему текстом» [Налимов [http](http://)].

#### **Остраннение: литературный прием и способ видения мира. Типология приема**

Термин «остраннение», обозначающий определенный литературный прием, прочно базируется, как было сказано выше, на количественном методе без привлечения чис-

лового оформления полученных результатов. Тем не менее интуиция, определяющая частоту встречаемости единиц, смысл которых сконцентрирован на идее странности мира, может быть формализована и без обращения к статистике с ее математическими формулами распределения единиц по частотности и определением вероятности появления единиц с разной степенью частотности на больших массивах текста.

В. Шкловский, введший термин «остраннение» (как известно, в ошибочной орфографии, но признавший позднее свою ошибку), предлагает два его понимания, назовем их «широким» («остраннение есть почти везде, где есть образ») и «узким». Широкое определение не представляется конструктивным, потому что образность и обусловленная ею выразительность являются неотъемлемыми чертами художественности. Что касается «узкого» понимания, то именно оно связано с поэтическим приемом представления воспринимаемой вещи (явления) как новой, впервые увиденной, данной в тексте в режиме, как пишет Шкловский, «вИдения, а не узнавания». Именно такое восприятие привычных вещей персонажем, а также читателем снимает с них оболочку привычки и выступает антиподом автоматизма восприятия.

Исследуя произведения Л.Н. Толстого, Шкловский делает следующее обобщение: «Прием остраннения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз увиденную, а случай – как в первый раз происшедший, причем он употребляет в описании вещи не те названия ее частей, которые приняты, а называет их так, как называются соответствующие части в других вещах» [Шкловский 1929: 14]. Эта вскрытая специфика толстовского приема предполагает, во-первых, перцепта-новичка (условно говоря, ребенка, открывающего для себя мир, или взрослого-профана), а во-вторых, энигматичность построения описания вещи за счет проекций ее свойств на сходные свойства других вещей (этому посвящена работа Шкловского «Тетива»).

Когда описание ситуации во всех ее видимых свойствах дается автором без ее названия, то в терминах картезианской семиотики подобный прием может квалифицироваться в рамках оппозиции «предмет восприятия – предмет мысли». Предмет мысли прочно связан с наличием у него имени, названия. При таком остранняющем воспринимаемый предмет типа его описания он предстает перед персонажем во всех доступных восприятию свойствах, но как неизвестный, безымянный, отсутствующий в его опыте, тогда как название предмета (ситуации) принадлежит базе данных всезнающего повествователя. Такой тип остраннения вполне коррелирует с одним из базовых понятий когнитивной поэтики, а именно с отсроченной категоризацией, которая может занимать и достаточно большое время-пространство текста, как у Толстого, а может быть и короткой, как, например, у Борхеса в описании Библиотеки: *Свет дают округлые стеклянные плоды, которые носят название ламп*. Отмечу, что метаязыковые глаголы *назвать/называть, называться*, а также описательные предикаты с синтаксическим дериватом *название (носить название, иметь название)* обладают остранняющим эффектом.

Анализ В. Шкловским фрагмента романа «Война и мир» (том 2, часть 5, глава 9) подается в режиме остраннения-удивления («салоны и театр» даны как, прежде всего, странные»), т.е. как впервые увиденные персонажем. Между тем анализ переживаний персонажа в данном фрагменте связан не с «новизной» восприятия, а с другими параметрами состояния личности. Однако для этого необходимо было снять анонимность с рассматриваемой ситуации и ввести имя персонажа. Предлагаемый Шкловским ана-

лиз фрагмента текста представляется некорректным по двум причинам: 1) не указан персонаж, в восприятии которого описана ситуация, и 2) неверно оценена роль приема описания состояния персонажа, «остранняющего» воспринимаемое, в анализируемом фрагменте текста. Действительно, в описании Шкловского этот эпизод воспринимается так, будто человек оказался в опере впервые (*ровные доски сцены, девицы в красных корсажах, пели что-то, кончили свою песнь* и т.д.). Но эта иллюзия новизны восприятия рассеивается, когда в свободном косвенном дискурсе, раскрывающем состояние сознания Наташи (а именно через ее восприятие описывается театральное представление), появляются такие слова, как *кулисы, занавесь, партия (закончили свою партию)* и, особо отмечу, *хроматические гаммы, аккорды уменьшённой септимы*, показывающие, что персонаж знает обо всем происходящем, чему в тексте есть и эксплицитное подтверждение: *она знала, что всё это должно было представлять*.

Восприятие Наташей происходящего можно разделить на две части: на описание внешнего для неё пространства – это сцена и партер и внутреннего – это её психо-эмоциональное состояние. Эти три части организованы ритмически: «сцена-Наташа-партер» (дважды); «сцена-диалог Наташи в партере». И прием остраннения в этом фрагменте служит у Толстого описанию душевного смятения Наташи, в отношении которой с Болконским вторгается Курагин. Таким образом, открывается возможность классификации приема.

Известный итальянский историк (а также искусствовед и филолог) Карло Гинзбург в статье, посвященной В. Шкловскому, дал такую характеристику его работе «Искусство как прием»: «Текст Шкловского и по сей день нисколько не утратил ни своего молодого напора, ни обаятельного нахальства». Но, «если искусство есть прием, нужно понять, как этот прием работает, а не как он возник» [Гинзбург <http>]. Останавливают внимание слова «как работает прием». Понятие «прием» как рациональная оценка языковой специфики художественного текста и индивидуальности художественного стиля писателя возникло в теоретическом сознании Шкловского в результате его работы над языком Л. Толстого, обобщения полученных результатов и их формализации в термине «остраннение», применимого к разным текстам, где есть «остранняющие» языковые средства, выявление которых дает ответ на вопрос, «как работает прием».

К. Гинзбург предлагает свою аргументацию разграничения типов приема остраннения, построенную на близкой ему историко-хронологической основе, раскрывающей истоки литературного приема и в структурном аспекте, и в функциональном: это 1) фольклор (жанр загадки); 2) французские моралисты XVI-XVII вв. и литература французского Просвещения XVIII в. (особенно Вольтер, использующий этот прием как «средство делегитимации» социальных отношений), 3) Л. Толстой и 4) Марсель Пруст. Как считает К. Гинзбург, прием остраннения служит у Толстого средством «прорвать привычную наружность явлений, чтобы выйти к более глубокому пониманию реальности» и подвергнуть ее моральной и социальной критике. Прустовское остраннение как художественный прием передает импрессионистическую непосредственность восприятия реальности личностью во всей целостности полученного впечатления, возможно, и алогичного с точки зрения логики здравого смысла. Таким образом, К. Гинзбург намечает контуры функционально-семантической типологии приема остраннения.

Взяв за основу концепцию В. Шкловского в ее уточненном варианте, предложения К. Гинзбурга и результаты собственных наблюдений, можно предложить рабочую классификацию приема в таком виде: 1) «остраннение-удивление», разрушающее ав-



томатизм восприятия мира через описание видимых свойств предмета восприятия с отсрочкой его категоризации, наименования и другими языковыми средствами (далее – «остраннение1»); 2) «остраннение-непонимание» – это остраннение как способ воспроизведения хаоса жизни через абсурдизацию описания ситуаций и даже слов (далее – «остраннение2»); 3) «остраннение-смятение» – передача наблюдателем-повествователем сложного психологического состояния персонажа, его растерянности перед ситуацией; 4) «остраннение-критика», обнажение правды жизни при снятии с нее искусственно создаваемых одежд, которые кроит по своим привычным лекалам социум (или его отдельный страт) и 5) «остраннение-импрессия». К исследуемым художественным текстам приложимы два вида остраннения – «1» и «2».

### **Остранняющее восприятие действительности и языковые средства его выражения**

Если на термин «остраннение» посмотреть в его связи с семантикой производящего прилагательного *странный*, лексикографическая интерпретация которого задает диапазон от одного значения ('необычный' и 'непонятный'= 'труднообъяснимый' объединяются в одно в словарях С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова) до четырех ('удивление', 'нормативная оценка', 'сверхъестественность' и 'необычность' предмета – в [Бабенко 2016]), то им оценивается и **новизна** перцептивного объекта и связанная с ней невозможность или затруднительность его идентификации, и его **непонятность**. Вызывает возражение объединение смыслов 'недоумение' и 'удивление' в рамках одного словарного значения.

Эти параметры соотносятся с разными состояниями сознания: необычность, новизна вещи или ситуации для субъекта восприятия может стать причиной его ментального состояния – удивления, а с него, как известно, начинается познание. Удивление, мотивированное видением нового предмета, информация о котором в опыте воспринимающего отсутствует, вовсе не предполагает его отрицательной оценки, напротив, оно может вызывать восхищение (синонимы *странный* в этом значении – *удивительный*, *дивный*, *чудный*), тогда как непонятность, особенно явлений привычной повседневной жизни, провоцирует у воспринимающего сознания эмоцию неприятия (и даже неприязни) – смысл, не представленный в лексикографической интерпретации прилагательного в качестве его релевантной семы ни одним толковым словарем. Важно при этом отметить, что в художественном тексте непонятым персонажу может показаться и новый, неведомый предмет (что естественно и высоко вероятно), и привычный, рутинный.

Оценка и новизны предмета, и его непонятности, а также невозможности или затруднительности его идентификации выражается эксплицитно, т.е. разными лексическими средствами: в первую очередь, это прилагательное *странный* и его синтаксический дериват *странность* с семантикой констатации, приобретающий во множественном числе пейоративную оценку, а также единицы двух лексических подмножеств с инвариантами 'необычность' и 'непонятность' некоторого объединенного идеей странности (по Ю.Н. Караулову, «идиоглоссы *странно*», «сателлиты») которой в прозе Ф.М. Достоевского – *будто, как бы, вдруг, казался*) множества. Эти подмножества выделяются в полном соответствии с присущими прилагательному *странный* значениями, которые подробно описаны в диссертационном исследовании Е.В. Шиловой, а прилагательное *странный* имеет, по ее мнению, статус ключевого слова русской культуры XX-XXI

вв., а не только в словаре Ф.М. Достоевского. Особенность его функционирования – в цикличности частотности: в наличии периодов ее спада и роста [Шилова 2016]. Инвариантная семантика этого прилагательного выражается следующей формулой: *X считает, что P странный* = ‘X обладает представлением о некотором стандарте предмета, ситуации или явления P и считает, что в данном случае P стандарту не соответствует’. Как оценочное прилагательное, *странный* имеет обязательную субъектную валентность (поэтому относится к эгоцентрическим единицам языка) и включает в свою семантику и норму, относительно которой оценивается конкретный предмет, и знак оценки.

Кроме названных лексических средств, особую роль с явно выраженным остраняющим эффектом выполняют неопределенные местоимения и местоименные наречия. В статье о функции неопределенных местоимений Т.М. Николаева отмечает, что термин «неопределенность», введенный Н.И. Гречем, охватывает два параметра объектов – их неизвестность и неопределенность [Николаева 1983]. Но как семантически не разведены два разных значения прилагательного *странный* в толковых словарях, так не разведены значения прилагательных *неопределенный* и *неизвестный*, охватываемые грамматическим термином «неопределенность». Однако эти параметры совершенно по-разному характеризуют информацию: неизвестное имеет статус отсутствия в опыте информации о явлении, а неопределенное, напротив, всегда существует, оно есть – либо в опыте, либо в восприятии. Именно по этой причине неопределенное местоимение, например, *какой-то*, об «инвазии» которого в современном русском языке писала Т.М. Николаева 35 лет назад, легко выполняет оценочную функцию со знаком минус, когда обозначает предмет, который находится в сфере восприятия говорящего в данный момент.

Среди особенностей неопределенных *ТО*-местоимений Т.М. Николаева отмечает их установку на «индивидуализацию нереферентного объекта». Из этого следует, что этому местоимению для реализации своих значений важен семиотический статус лексической единицы, с которой оно сочетается, например, его связь с зоной предиката: *Рот у него какой-то кривой* (М. Булгаков), *Хохот у нее какой-то странный*, *Какой-то серый город* (А.П. Чехов). В этом случае местоимение выполняет свою вторичную, аксиологическую функцию, усиливая отрицательную оценку, заложенную в прилагательном, и выражая негативное отношение говорящего к носителю свойства предмета восприятия (ср.: *Грубый он какой-то* при *\*Вежливый он какой-то*).

Местоименные наречия *почему-то* и *зачем-то* квалифицируются грамматиками как неопределенные, при этом их лексикографический семантический инвариант – ‘неизвестность’. Несмотря на семантические различия параметров «неизвестность» явления и его «неопределенность», они имеют одно важное общее следствие: и неизвестное, и неопределенное оцениваются как непонятное, а непонятное не только остраняется, но даже отчуждается, т.е. говорящий от него дистанцируется.

Помимо неопределенного местоимения *какой-то*, местоименных наречий *почему-то* и *зачем-то* большим остраняющим потенциалом с отрицательным аксиологическим зарядом обладают такие эгоцентрические единицы, как глаголы восприятия (*казаться*) и сравнительные конструкции, вводимые союзом союзы (*будто*). Если говорить об эгоцентриках как о семантическом поле лексических единиц, выполняющих в тексте разные функции, объединенные одним инвариантным смыслом, вводящим в текст говорящего его точку зрения (в новейшей терминологии «субъектную перспективу») и

представляющего разные модусы (состояния) его сознания, то метафорическая номинация с включенной позицией наблюдателя (например, *лезвия рек, паутина мостов, светляки окурков, зернистая кра асфальта* в [Чернейко 2017] названы «дейктическими метафорами») на законных основаниях входит в это поле. В этой номинации обнаруживается сосредоточенность говорящего («автора» метафоры) не столько на себе, сколько на его включенности в мир через переживание воспринимаемого фрагмента, активизирующего элементы опыта. И вспомогательный субъект метафоры прочно связан с фрагментом индивидуального опыта личности, активизированным и мотивированным воспринимаемым предметом.

### **«Остраннение-удивление» и «остраннение-неприятие» как параметры семантико-стилистической организации художественного текста**

Роман Е. Водолазкина «Авиатор» и роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» на первый взгляд имеют между собой мало общего и в фабуле, и в стиле письма. Но проведенный анализ текстов романа Е. Водолазкина «Авиатор» и А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» позволяет говорить о приеме остраннения, который является одним из важнейших параметров их семантико-стилистической организации. Однако типы остраннения в них разные. В «Авиаторе» представлена такая разновидность приема, как остраннение-удивление («остраннение1»), через который передается доминанта сознания героя, «обвыкающегося» в чужом своем городе. Роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» построен на принципе, задаваемом приемом «остраннение2», т.е. на непонимании происходящего главным героем и часто солидарным с ним нарратором.

Герой романа «Авиатор» Иннокентий Платонов – герой не нашего времени. Он проснулся в больничной палате Санкт Петербурга спустя 67 лет после того, как его вовлекли в эксперимент по крионике в 1932 г. Роман построен на том, что человек, осваиваясь в новой для него реальности, пытается по кусочком восстановить свою прошлую жизнь, из которой он «выпал» 32 года назад. Платонов – Робинзон, но он заброшен в иное по сравнению с его прежней жизнью время (в 1999 год), в иную жизнь. В романе отчетливо выделяются два плана – это настоящее, которое открывает для себя ежедневно Платонов, и прошлое, которое он пытается воссоздать во всех доступных его просыпающейся памяти тонкостях восприятия – цвете, запахах, звуках – и зафиксировать в слове.

Роман сложно структурирован – в нем две части: в первой Платонов записывает и свои воспоминания, и свои впечатления от настоящего в жанре дневника, во второй части представлено несколько повествовательных инстанций, а события даны в восприятии трех основных персонажей – Иннокентия Платонова, доктора Гейзера и Насти. К концу второй части описания событий и их восприятия героями не помечены ни днем недели, ни именем персонажа и существуют по гоголевской формуле «никогого числа», но с добавлением «никто». Что касается восстанавливаемого прошлого, то оно, хоть и вспоминается с трудом и напряжением, но в нем Платонову всё понятно: и свое, и чужое. Настоящее же воспринимается как чужое, лишённое логики и смысла, а потому непонятное, в которое нужно встроиться. Многое из того, что видит герой в своем новом старом Санкт-Петербурге ему незнакомо, и это новое остранняется, представляется как «ВИдение, а не как узнавание», т.е. в полном соответствии с тем узким пониманием, которое закрепил за термином В. Шкловский. Например: Платоно-

ву предложили «прокатиться на машине». Постепенно восстанавливающаяся память Платонова мгновенно переносит героя в детство, а дальше идет такой текст: *Мне предстоит ехать не на привычном с юности автомобиле, а в одном из тех обтекаемых **аппаратов**, которые до этого я видел только по телевизору.* Обращает на себя внимание в этом фрагменте существительное *аппарат*, обладающее в своем прямом, буквальном значении семиотическим статусом гиперонима по отношению к целому множеству видовых обозначений (*соковыжималка, фотоаппарат* в быденном языке и *сварочный аппарат, водоопреснительный аппарат* – в сфере номенклатуры). Гиперонимы, как известно, имеют свои ограничения в сфере конкретной референции, поскольку не могут самостоятельно выполнять эту функцию, но активно участвуют в дескрипциях.

Кроме описания новых объектов восприятия в остраняющем режиме есть и эксплицитные указания на новизну (выделено жирным шрифтом), например: *Электрические столбы **какие-то другие, не деревянные**; Лестница в плевках и окурках: плевки обычные, а окурков **я таких не видел**; Я про себя **удивился**: зима в городе, а рамы не двойные, а **особенные какие-то, тонкие**.* Новыми оказываются не только предметы видимого мира – интерьера, пейзажа, но и слышимого. И это слова: *На углу **Большого и Зверинской остановились (припарковались, прокаркал Гейгер)**; Пристёгнут ремнем. Современный автомобиль (лучше – машина, посоветовал Гейгер) развивает **невероятную скорость**.* Новые услышанные слова, вызвавшие удивление и оценку (например, отрицательную через глагол *прокаркал*), которые герой воспроизводит, имеют вид цитации и в тексте романа выделены курсивом, т.е. остраняющий эффект создается графическими средствами, возможностями шрифта. Вот речь героя о чистке ветрового стекла: *Хитроумный Гейгер брызгал на него водой и чистил дворниками. Мы припарковались у железнодорожной станции, которую я не узнал; В ближайшее время я войду в медийное пространство. В качестве ньюсмейкера (есть на свете и такое слово); Вынося утром мусор, заметил человека, рывшегося в контейнере. Существительные дворники, ньюсмейкер, контейнер, словосочетание медийное пространство и глагол припарковаться выделены в тексте курсивом.*

Часто увиденное новое по ассоциации тянет за собой из прошлого старое, противопоставляются слова, и к ним дается комментарий (метатекст): *Распылили на волосы лак из железной банки. В мое время это называли пульверизатором, а сейчас спреем. Спрей, конечно, короче. Только вот раньше на речи не экономили; о контейнере: Несмотря на красивое название, помойка остается помойкой, а люди по-прежнему не стесняются в ней рыться.* Таким образом, удивление как одна из доминант сознания героя, обывающегося в чужом своем городе, проходит через всю вторую половину первой части романа, что мотивировано фабулой произведения. А остраннение является одной из интегральных категорий текста, но только как способ передачи видения мира, его новизны, а негативное отношение к новому читателем может восприниматься как эпифеномен удивления.

К тексту романа Алексея Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него» применима интегральная текстовая категория «остраннение2», которая способствует выявлению глубинной когерентности разных элементов текста и позволяет охарактеризовать идиостиль А. Сальникова. В тексте романа через прием остраннения передаются сложные отношения героя и окружающего его мира в амплитуде от полного непонимания и неприятия мира героем (а иногда и повествователем) до отторжения героя миром. Фабула романа настолько же проста, насколько сложен и хитро сплетен сюжет: главный герой

Петров заболевает гриппом, а по ходу дела узнает, что заболели и его близкие – жена и сын. Всё происходящее вокруг героя воспринимается им через призму его гриппозного состояния.

«Гриппозную парадигму» остраняющего восприятия действительности составляют разные языковые средства – это показатели неопределенности (*какой-то, где-то*), показатели неожиданности (*вдруг, внезапно, неожиданно*), показатели неуверенности (*вроде, кажется*), сравнительные конструкции (обороты и предложения) и другие средства. Статистика такова: среди полутора тысяч контекстов с остраняющими лексическими единицами доминируют контексты с показателем неопределенности *-то* (их 875); с лексической единицей *будто* зафиксировано 146 контекстов, что отражает преобладание в романе «квазиреальности», в которой наблюдается недостаток понятных для перцепта элементов действительности. Особое место занимают местоименные наречия *зачем-то* и *почему-то*, принадлежащие как речи нарратора, так и восприятию персонажа (25 контекстов). Эти «фигуры непонимания» характеризуют действия другого как лишенные какой бы то ни было логики с точки зрения повествующей инстанции. Но интересны они текстовой интерференцией, поскольку есть случаи, когда читатель затрудняется определить субъекта непонимания.

Доминанту психического состояния героя можно определить как неуверенность и сомнение во всем: в реальности происходящего, в правоте своей точки зрения, в своей собственной нормальности и в нормальности всего происходящего вокруг него. При этом важной является глагольная оппозиция *казаться-оказаться*, представленная ожидаемой синтаксической конструкцией «То, что казалось X, оказалось Y», но то, что оказалось, всегда хуже, чем казалось. Герой находится в состоянии предвидения плохого, и оно случается. Повседневный, обыденный, рутинный мир героя представлен нарратором как мир странный, но не в смысле ‘новый, познаваемый’, а в смысле ‘непонятный’, хотя и привычный, и, как следствие, чужой и чуждый. При этом странный и непонятный он как для персонажа, так и для экзегетического повествователя, т.е. тотально алогичный, поскольку в пространстве героя отсутствуют причинно-следственные связи (на что указывают наречия *почему-то, зачем-то*), детерминирующие ситуации и мотивирующие разговоры, но царствует случайность. Восприятие персонажем своей привычной повседневной жизни как странной (=непонятной) пронизывает весь текст. Повествование ведется от третьего лица, что еще больше усложняет структуру романа.

Динамика текста определяется чередованием точек зрения повествователя и протагониста (что теоретически разработано Ю.М. Лотманом), но много таких фрагментов, в которых происходит «текстовая интерференция», по терминологии М.М. Бахтина. Многие ситуации в романе Сальникова, как в фильме Акиро Куросавы «Расёмон», даются в восприятии разных людей, которые об этих ситуациях рассказывают, что размывает достоверность получаемой информации и ставит читателя в тупик отсутствием ответа на вопрос «А как же было на самом деле?». Из версий, далеких от реальности, выстраивается парадигма поведения Петрова, в которой также проявляет себя прием остранения.

В романе «Авиатор» сознание героя остраняет воспринимаемые ситуации, поскольку они совершенно новые для него, впервые увиденные. Он вживается в чужой свой город, вглядывается в него, но в его отношении к городу и ко всему новому в нем нет враждебности, но есть ностальгия по ушедшему времени, тело которого – память.

В романе Сальникова сознание героя представлено не изнутри, как это возможно в перволичной форме повествования, а в третьеличной, что усложняет идентификацию воспринимающего сознания. Но в любом случае можно утверждать, что восприятие главного героя остраняет повседневный, рутинный мир и происходящее в нем, представляя его непонятным и чужим. Один герой в чужом городе пытается увидеть давнее своё, другому – своё видится как непонятное и чужое.

### Выводы

1. Подходы, разработанные Ю.Н. Карауловым для анализа языка как системы и как функции, не только не устарели, но актуальны для такого приоритетного направления лингвистики речи во всех ее разновидностях. Личность, выражающая себя в тексте (устном и письменном, разговорном и художественном, диалоге и монологе), ведома двумя структурами сознания – его «светлой зоной» (логикой, рациональностью) и подсознанием («подвалом сознания», по В.В. Налимову), когнитивной инстанцией которого является интуиция, а перцептивной («созерцающей») – ассоциативность. Эти состояния сознания направляют речь, но логика работает по большей части предсказуемо (например, по выводной модели «если, то»), а ассоциативность – вероятно. В любом случае мировоззрение и мировосприятие личности (её «ктойность») лингвистически моделируется на основе статистических данных («количественный метод» И.А. Бодуэна де Куртенэ), которые техника «медленного чтения» позволяла и позволяет выявлять на небольших массивах текста и обобщать без применения математических методов.

2. Любой художественный прием как филологический инструмент анализа художественного текста основан на количественном методе – подсчете синтаксических конструкций (например, безличных, неопределенно-личных, номинализаций), тропов (образных и когнитивных метафор, метаморфоз, конструкций сравнения, зевгмы и под.) и других преобладающих в тексте языковых средств. Прием остраннение – не исключение. С его помощью моделируется видение персонажем мира и отношение к нему. Прием раскрывает разные состояния сознания, в соответствии с чем возможна типология приема (выделено 5 типов), но главных два – это удивление увиденным или его неприятие.

3. К роману Е. Водолазкина применим прием «остраннение1», моделирующий удивление как узнавание, к роману А. Сальникова – «остраннение2», моделирующий непонимание вещей, людей, ситуаций и мира в целом, который видится герою (а часто и солидарному с ним нарратору) тотально абсурдным. Метод реконструкции такого «вероятностного мира» языковой личности персонажа – текстовая парадигма («гриппозная»). Информативно значимыми являются такие эгоцентрики, как неопределенные местоимения (*какой-то*) и местоименные наречия (*зачем-то, почему-то*), а также глаголы «нетвердого мнения» типа *казаться*.

### Литература

- Бабенко Л.Г.* Словарь-тезаурус русских прилагательных, распределенных по тематическим группам. М.: Проспект, 2016. 232 с.
- Белый А.* Поэзия слова. Петербург: Эпоха, 1922. 135 с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958. 133 с.
- Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. М.: НЛЮ, 1996. 352 с.

*Гинзбург К.* Остраннение: Предыстория одного литературного приема [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/> (дата обращения: 15.03.2019).

*Дворяткина С.Н., Розанова С.А.* Математическая модель и ее реализация с применением компьютерных технологий анализа авторского стиля в контексте диалога культур // Вестник РУДН. 2016. № 4. С. 91–99.

*Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

*Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

*РЯ.* Русский язык: энциклопедия. М.: БРЭ, 1997. 704 с.

*Костин В.Н., Тишина Н.А.* Статистические методы и модели: Учебное пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. 138 с.

*Налимов В.В.* Разбрасываю мысли. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).

*Никифоров А.Л.* Не все то золото, что блестит («Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна) // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 1. С. 160–172.

*Николаева Т.М.* Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 42. 1983. № 4. С. 342–353.

*Паршин П.Б.* «Мягкая сила» в лабиринте метафор (критические заметки на полях дискуссии) // Трансформация международных отношений в XXI веке (материалы международной научно-практической конференции). М.: Дипакадемия МИД России, 2017. С. 245–254.

*Чернейко Л.О.* Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017. 208 с.

*Чернейко Л.О.* Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика». 2019. № 2. С. 158–170.

*Шилова Е.В.* Аксиологическая парадигма ‘СТРАННЫЙ’ в функционально-семантическом аспекте: дисс. канд. филол. наук. М., 2016. 229 с.

*Шкловский В.* О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 269 с.

## **“PROBABLE WORLD” OF THE LINGUISTIC PERSONA (as applied to literary text analysis)**

**Lyudmila O. Cherneyko**

Doctor of Philology, Professor

Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

MSU, Faculty of Philology, 119991, Moscow, GSP-1, 1-51

*avollis@mail.ru*

*I was a scientist, but I went free from the harsh violence of science.*

V. V. Nalimov.

The article deals with the problem of associationism and calculation of the “probable world” (in terms of Yu. N. Karaulov) of the linguistic persona, that held one of the central places in his scientific works. The subject of the research is the possibility of non-

mathematized application of the probabilistic language model to the analysis of the literary text (E. Vodolazkin “Aviator” and A. Salnikov “The Petrovs in the Flu and Around It”) using the method of highlighting the most common meanings in texts that are “packed” into a close, but semantically non-identical signifiers (synonyms), and constructing textual paradigms (logical – with the archiseme as the centre of the paradigm, and axiological ones, the centre of which is the evaluative meaning) on this basis to model the protagonist’s worldview. The result of the research is the proposed well-reasoned understanding of defamiliarisation not only as an artistic device formulated by V. Shklovsky, but primarily as a model of the linguistic persona’s vision of the world. A theoretical substantiation of the defamiliarisation typology is proposed, based on such different mental states as surprise caused by the perceived novelty of the object in the broad sense of the term (novel “Aviator”) and the lack of understanding of the well-known – familiar and even routine (novel “The Petrovs in the Flu...”). Detachment as a way of perceiving the world by a person, and linguistic means of its reflection in terms of the two noted approaches can be classified as artistic, aesthetically significant universals that are characteristic of a certain type of narrative, which is important for cognitive poetics, in particular for narratology and receptive aesthetics.

**Keywords:** linguistic persona, perception, representation, “probable world”, key meaning, text paradigm, defamiliarisation, receptive aesthetics

#### References

*Babenko L.G.* Slovar’-tezaurus russkih prilagatel’nyh, raspredelennyh po tematicheskim grupпам [Dictionary-thesaurus of Russian adjectives distributed by thematic groups]. M.: Prospekt, 2016. 232 p. (In Russian).

*Belyj A.* Pojezija slova [Poetry of the word]. Peterburg: Jepoha, 1922. 135 p. (In Russian)

*Vitgenshtejn L.* Logiko-filosofskij traktat [Logical and philosophical treatise]. M.: IL, 1958. 133 p. (In Russian).

*Gasparov B.M.* Jazyk, pamjat’, obraz [Language, memory, image.]. M.: NLO, 1996. 352 p. (In Russian).

*Ginzburg K.* Ostrannenie: Predystorija odnogo literaturnogo priema [Ostrannenie: The prehistory of a literary technique]. [https:// https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/](https://magazines.gorky.media/nlo/2006/4/) (retrieval date: 15.03.2019). (In Russian).

*Dvorjatkina S.N., Rozanova S.A.* Matematicheskaja model’ i ee realizacija s primeneniem komp’juternyh tehnologij analiza avtorskogo stilja v kontekste dialoga kul’tur [Mathematical model and its implementation with using computer technologies for analyzing the author’s style in the context of a cultural dialogue] // Vestnik RUDN [Bulletin of RUDN]. 2016. Issue 4. P. 91–99. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost’ [The Russian language and language personality]. M.: Nauka, 1987. 262 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Aktivnaja grammatika i asociativno-verbal’naja set’ [The active grammar and associative-verbal network]. M.: IRJa RAN, 1999. 180 p. (In Russian)

*RJa.* Russkij jazyk: jenciklopedija [Russian language: encyclopedia]. M.: BRJe, 1997. 704 p. (In Russian).

*Kostin V.N., Tishina N.A.* Statisticheskie metody i modeli: Uchebnoe posobie [Statistical methods and models: Textbook]. Orenburg: GOU OGU, 2004. 138 p. (In Russian).



*Nalimov V.V.* Razbrasyvaju mysli [I scatter my thoughts]. <https://www.litres.ru/> (retrieval date: 20.08.2020). (In Russian).

*Nikiforov A.L.* Ne vse to zoloto, chto blestit (“Logiko-filosofskij traktat” L. Vitgenshtejna) [Not all that glitters is gold (“Logical and philosophical treatise” of L. Wittgenstein)] // *Filosofskij zhurnal* [Philosophical journal]. 2018. Vol. 11. Issue 1. P. 160–172. (In Russian).

*Nikolaeva T.M.* Funkcional’naja nagruzka neopredelennyh mestoimenij v russkom jazyke [The functional load of indefinite pronouns in the Russian language] // *Izvestija AN SSSR* [News of Academy of Sciences of the USSR]. SLJa. Vol. 42. 1983. Issue 4. P. 342–353. (In Russian).

*Parshin P.B.* “Mjagkaja sila” v labirinte metafor (kriticheskie zametki na poljah diskussii) [The “Soft power” in the maze of metaphors (the critical notes in the discussional fields)] // *Transformacija mezhdunarodnyh otnoshenij v XXI veke (materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii)* [The transformation of international relations in the 21<sup>st</sup> century (the materials of the international scientific and practical conference)]. M.: Dipakademija MID Rossii, 2017. P. 245–254. (In Russian).

*Cherneyko L.O.* Kak rozhdaetsja smysl: Smyslovaja struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovaniya [How meaning is born: the semantic structure of the literary text and the linguistic principles of its modeling]. M.: Gnozis, 2017. 208 p. (In Russian).

*Cherneyko L.O.* Ponjatija “proekcija” i “proektivnyj smysl” v terminosisteme kognitivnoj lingvistiki [The definitions of “projection” and “projective meaning” in the term system of cognitive linguistics] // *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2019. Issue 2. P. 158–170. (In Russian).

*Shilova E.V.* Aksiologicheskaja paradigma ‘STRANNYJ’ v funkcional’no-semanticheskom aspekte: diss. kand. filol. Nauk [The axiological paradigm of ‘STRANGE’ in the functional-semantic aspect: dissertation of the philological Sciences candidate]. M., 2016. 229 p. (In Russian).

*Shklovskij V.* O teorii prozy [Theory of prose]. M.: Federacija, 1929. 269 p. (In Russian).

## ТВОРЧЕСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО-ГУМАНИТАРИЯ ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА

**Чулкина Нина Леонидовна**

доктор филологических наук, профессор  
кафедры общего и русского языкознания филологического факультета  
Российского университета дружбы народов  
119498 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10-2  
*nina.chulkina@yandex.ru*

Статья посвящена реконструкции *творческой языковой личности* выдающегося русского философа, литературоведа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева. В качестве опорных понятий при изучении и описании творческой «лаборатории» ученого-гуманитария выступают понятия *идиолект* и *идиостиль*. Материальное выражение этих категорий представлено на всех уровнях структуры языковой личности Георгия Гачева: вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационно-прагматическом. Особое внимание уделяется *методологии* гуманитарных исследований автора «Философии быта как Бытия» – *философии «наивности», «привлеченному мышлению», «диалогу Воображения с Мышлением».*

Изучение идиолекта и идиостиля творческой языковой личности Георгия Гачева позволило вскрыть «механизмы» креативности ученого-художника слова, а также того эстетического потенциала системы русского языка, который открывает неограниченные возможности для создания глубоких по смыслу и нетривиальных по форме научных текстов, зачастую квалифицируемых научным сообществом как девиантные, нарушающие строгие стилистические нормы научного стиля.

Автор статьи предлагает детальный анализ текстов Георгия Гачева, который призван опровергнуть подобные утверждения его оппонентов.

**Ключевые слова:** языковая личность, идиолект, идиостиль, норма, девиация, «привлеченное мышление», «диалог Воображения с Мышлением», «наивная» философия

### **Введение**

Два ученых-гуманитария, с которыми мне повезло встретиться в жизни, вдохновили меня на выбор темы статьи: мой Учитель – Юрий Николаевич Караулов, 85-летие которого мы отмечаем в этом году, и Георгий Дмитриевич Гачев, виртуальные встречи с которым через его научно-художественные произведения открыли для меня «возможный мир» науки как искусства. Мне кажется, что сегодня подобные образцы научного творчества становятся исчезающим раритетом под давлением заформализованных «требований» к написанию научных статей и монографий. В результате возникло такое явление, как «смерть автора», с его особым стилем и взглядом на мир, на те явления, которые он изучает и описывает в своих научных трудах. Многие наши статьи выглядят, как «сошедшие с конвейера» унифицированные «изделия». В подобной ситуации в гуманитарной науке обращение к личностям и научному наследию таких выдающихся ученых, как Юрий Николаевич Караулов и Георгий Дмитриевич Гачев, представляется весьма актуальным, и я бы даже сказала «спасительным».

Что касается соединения в моем сознании и в предлагаемой статье этих двух, во многом непохожих друг на друга ученых, то основанием для такого сближения является тот факт, что каждый из них по-своему оказал влияние на мой научный интерес к повседневности как объекту исследования в рамках (психо-)лингвокультурологии (в терминологии В.В. Красных). Юрий Николаевич Караулов помог мне определить направление работы над докторской диссертацией – повседневность, ее лингвокультурологическое описание, с опорой на материал, который тогда только что был создан и признан коррелятом русского обыденного языкового сознания – «Русский ассоциативный словарь» (2002 г.). Моя диссертация «Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии» была защищена в 2005 году, но интерес к этой научной области не только «не угас», но, напротив, углубился, «подогреваемый» новыми междисциплинарными направлениями исследований, получившими сегодня распространение в отечественной гуманитарной науке. Так, например, в этом году вышла книга Георгия Гачева «Философия быта как Бытия» = настоящий Гимн повседневности:

*«О, благая, милая ПОВСЕДНЕВНОСТЬ! Высокомерятся над нею больно духовные умники и святоши. А она исполнена кроткого и смиренного смысла: божественно упорядочена традицией и обычаем – и ты вставай и блюди – совершай ее как «литургию» = именно: «народное делание», выработанное за историю и жизни многих предков, и сколько вложено в нем ума = и духа!» [Гачев 2001: 568].*

Итак, наш общий с Георгием Гачевым объект исследования – русская повседневность. Но если у Георгия Дмитриевича – ИНТРОспекция, «жизнемысли», «привлеченное мышление» – основной метод реконструкции и философской интерпретации быта/повседневности *творческой* языковой личностью, «сопрягающей Мысль и Воображение», то в нашем исследовании – тоже реконструкция повседневности, но только методом «ИНспекции» ЧУЖОГО *обыденного* лингвокультурного сознания *усредненной* русской языковой личности. При этом коррелятом языкового сознания признается ассоциативно-вербальная сеть, смоделированная с помощью свободного ассоциативного эксперимента – психолингвистического метода.

У Г.Д. Гачева – фиксация «потока сознания», выхватывающего сюжеты обыденной жизни непосредственно по ходу проживания этой жизни, и их философское «истолкование». У нас – *реконструкция* по ассоциативным полям – сумме ассоциаций на заданные слова-стимулы, в семантике которых содержатся компоненты, связанные с повседневностью/бытом, их дальнейшее изучение и лингвокультурологическое описание.

Собственно эти положения стали предметом нашего единственного случайного личного разговора с Георгием Дмитриевичем в библиотеке ИНИОН, где я работала над докторской диссертацией, а он над своими «Жизнемыслями». Обозначив наши интересы, мы разошлись – «каждый в свою сторону», пожелав друг другу творческих успехов.

И вот в это лето – новая, уже виртуальная, встреча с Георгием Дмитриевичем Гачевым через его замечательную книгу «Философия быта как Бытия», давшую мне новый импульс для продолжения исследования русской повседневности как «локуса» народной мудрости, здравого смысла и множества «рецептов» решения обиходных проблем, а также отражения этого слоя знаний о мире в лингвокультурном сознании русских. Мое обращение к книге Георгия Гачева сначала было продиктовано именно намерением написать новую статью о повседневности в языковом сознании русских. Но окунув-

пись в мир гачевского «диалога Мышления с Воображением» – «Жизнемыслей», я уже не могла отвлечься на свои изыскания, – и мне захотелось исследовать и описать эту уникальную творческую языковую личность. Думаю, что такое «переключение» очень хорошо вписывается в тематику настоящего номера журнала, посвященного юбилею Юрия Николаевича Караулова – автора общей теории языковой личности, руководителя научной школы «Русская языковая личность», ответственного редактора «Словаря языка Достоевского: Идиоглоссария» – словаря творческой языковой личности.

### **Основные понятия и термины**

Приступая к реконструкции и описанию творческой языковой личности ученого, необходимо провести обзор некоторых понятий и терминов, которые довольно прочно вошли в научный обиход, однако не всегда и не всеми исследователями используются корректно.

Итак, объектом исследования в представляемой работе является творческая *языковая личность ученого-гуманитария*. И в этом составном термине значимым оказывается каждый из компонентов, так как именно спецификация языковой личности предопределяет как материал, так и методы исследования. Хотя, разумеется, базовым является здесь термин *языковая личность*, возникший в отечественной лингвистике довольно давно, но наиболее фундаментально представленный в работах Ю.Н. Караулова и, прежде всего, в монографии «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. Общеизвестно, что именно после появления этой книги в российском языкознании стала утверждаться новая научная парадигма – «антропоцентрическая», «запрос» на которую был подготовлен всей логикой и практикой развития науки о языке. Дальнейшее развитие этой области знаний о «человеке говорящем» пошло по разным направлениям и породило множество параллельных понятий и терминов – «*речевая личность*», «*речевой портрет*», «*коммуникативная личность*». Разумеется, каждое из этих терминологических обозначений имеет право на существование, и их использование опять же зависит от задач конкретных исследований. Важно, чтобы в этих изысканиях корректно «сходились»: ипостась исследуемого языка-объекта (*язык-система, язык-текст, язык-способность*), анализируемый материал и методы исследования.

В нашем случае объектом реконструкции и описания, как уже было отмечено, является *творческая языковая личность*. Еще одна спецификация заключается в том, что исследуется творческая языковая личность *ученого*; и, наконец, следует подчеркнуть, что для нас особый интерес представляет именно творческая языковая личность *ученого-гуманитария*.

Важными для нашего исследования являются и термины, обозначающие определенные структурные уровни любой языковой личности, уже ставшие хрестоматийными: *вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационно-прагматический уровни* предложенной Ю.Н. Карауловым модели языковой личности [Караулов 1987]. Обратимся к первоисточнику и еще раз вспомним содержательное наполнение этих терминов:

«Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает:

а) характеристику *семантико-строевого уровня ее организации* (т.е. либо исчерпывающее его описание, либо дифференциальное, фиксирующее лишь индивидуальные отличия и осуществляемое на фоне усредненного представления данного языкового строя);

б) реконструкцию *языковой модели мира*, или *тезауруса* данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);

в) выявление ее *жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов*, входящих отражение в процессах порождения текстов и в их содержании, а также в особенностях восприятия чужих текстов» [Караулов 1987: 34–35].

Данные понятия являются теми «опорами», на основе которых проводится реконструкция языковой личности ученого-гуманитария Георгия Гачева. И к ним мы будем обращаться на протяжении всей статьи.

Термины *идиолект* и *идиостиль* также нуждаются в уточнении, так как именно они характеризуют своеобразие и уникальность научных текстов Георгия Гачева. Нельзя сказать, что в лингвистической литературе существует единомыслие в определении этих схожих, но не синонимичных понятий. Обратимся к их определению, представленному в [СЭС 2006]: «Индивидуальный стиль речи выдвигает на передний план интеллект личности. Но интеллектуальные свойства человека отчетливо проявляются не на всяком уровне использования языка, в частности, на уровне структурно-языковом, отражающем степень владения обыденным языком, а лишь на сложных уровнях организации языковой личности – лингвокогнитивном и мотивационном [Караулов 1987]. Соотношение именно со сложными уровнями может стать основанием для дифференциации близких, но не тождественных понятий «идиостиль» и «идиолект». Если **идиолект** представляет собой совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка, то **идиостиль** – это совокупность именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности (индивидуальности писателя, ученого, конкретного говорящего человека), тем не менее, формирующихся под воздействием всей экстралингвистической основы – как функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой.

<...> В широком смысле познавательная деятельность всегда является аналитико-синтезирующей деятельностью. Вместе с тем при неразрывной связи обеих сторон познавательного процесса различаются два основных стиля мышления, а именно: дискретно-логический и континуально-психологический, которые и определяют специфику научного изложения. Так, преобладающий дискретно-логический стиль мышления обуславливает такую характеристику стиля речи, как подчеркнутая логичность, специально выраженная в речевой ткани функционально ориентированными языковыми единицами, а также их комплексами. <...> Напротив, континуально-психологический стиль мышления характеризуется логической нечеткостью определений (описаний) терминированных понятий, диффузным представлением их отношений («пушистые множества»), метафоризацией, распыленностью объяснения понятий и вплетенностью их в непрерывный поток речи».

В самом общем виде (в процессе дальнейшего анализа мы в этом убедимся), можно констатировать, что Георгию Дмитриевичу Гачеву как ученому-гуманитарию свойственен преимущественно *континуально-психологический стиль мышления*. Однако не все характеристики, названные в приведенном энциклопедическом тексте, кажутся нам приложимыми к идиостилю Г.Д. Гачева.

Еще один момент касается функциональной сферы творчества Г.Д. Гачева. Решение задачи реконструкции и описания языковой личности *ученого* представляется возможным только в рамках *научной* коммуникации. Следует сказать, что в методологии этой

области в последние годы происходят значимые изменения. Наиболее полно новые тенденции в исследовании стилистики научных текстов представлены в монографии В.Е. Чернявской [Чернявская 2014]. Приведем здесь некоторые наиболее важные для нашего исследования положения этой монографии:

- обсуждение оппозиции «нормативное-девиантное» проводится в рамках новых современных направлений в языкознании – стилистики текста и, шире, – стилистики научного дискурса. Такой подход делает анализ привычного понятия нормы и ее нарушения более глубоким и фундаментальным, так как с необходимостью включает в себя, помимо чисто языковых факторов, множество экстралингвистических – особенности коммуникативной ситуации, целей и задач, которые решает автор научного текста, наконец, его личностные характеристики. Как отмечает В.Е. Чернявская: «принципиально важен вопрос – о мере субъективного начала в интерсубъективном по сути научном творчестве;

- диалогичность – это еще один существенный признак, определяющий качественное своеобразие гуманитарного знания;

- гуманитарное познание имеет не просто сложную, но и парадоксально сложную структуру и не является линейным в своем развитии. Так, оно синтезирует в себе рационально-познавательный дискурсивный, логически понятийный и непосредственно-личный (иррациональный, художественно-интуитивный) типы познания. <...> *Гуманитарий объединяет в себе ученого и художника*» (курсив мой – Н.Ч.) [Чернявская 2014: 39–42].

Последнее замечание особенно важно для нашего исследования *творческой языковой личности ученого-гуманитария* Георгия Гачева.

И здесь я хочу повторить высказывание Ю.М. Лотмана, приведенное в рассматриваемой монографии В.Е. Чернявской в качестве эпиграфа и очень точно отражающее мое представление о роли нестандартного, отклоняющегося от общепринятых норм, научного текста, созданного творческой языковой личностью ученого-гуманитария:

*«Для того, чтобы нечто жило, нужен резерв неправильностей, отклонений»* [Цит. по: Чернявская 2014: 10].

Перейдем теперь к основной части нашего исследования, обратившись непосредственно к научным текстам самого Георгия Дмитриевича Гачева, и попробуем воссоздать творческую языковую личность этого неординарного ученого.

### **«Наивная» философия как среда «привлеченного мышления» и «Сопряжения Мысли с Воображением» в научных текстах Георгия Гачева**

Для того чтобы понять и принять своеобразный идиостиль текстов Георгия Гачева, необходимо хотя бы в самых общих чертах воссоздать философию восприятия мира и творческого существования в нем, которую исповедовал этот ученый. Сам себя он иронично называл так: «...я ж как раз доморощенный «хвилософ», наивный» [Гачев 2001: 29]. Вырванная из контекста жизни и творчества ученого, фраза эта выглядит даже нелепо. Однако проникновение в важнейшие постулаты философии «наивности», которую он принимал и в недрах которой разрабатывал свои методы исследования самых различных областей – от литературы, искусства до повседневности, позволяет оценить глубину и истинно гуманистическую основу этой философии. Есть статья Георгия Дмитриевича Гачева, в которой он определяет миссию «наивного», то есть естественного, искреннего, простодушного, доверчивого человека:

«...способность **удивляться** тому, к чему все социально воспитанные и учено-образованные привыкли и не находят в сем «ничего особенного». А **УДИВЛЕНИЕ**, по Аристотелю, – начало познания. И в самом деле: остановиться, задуматься над тем, что вроде так понятно и привычно и общепринято, и вдруг увидеть в этом – вопрос, проблему. Так, Кант про себя говорил: «Там, где другие проходят ровно, для меня возникают Альпы проблем». Так и Гоголь: какая сила вдохновения нужна и воображения, чтобы **взвидеть** то, «что ежеминутно перед очами и чего не зрят равнодушные очи... [выделено полужирным курсивом здесь и далее мной – Н.Ч.]. Эту операцию Виктор Шкловский назвал «ОСТРАННЕНИЕ» – то есть увидеть странным обычное.

<...> Ну да: **У-ДИВ-ление** – это **взвидеть ДИВО, ДИЯ, ДЕОС= Бога, Дивное, Божественное. ЧУдное и чудное. И выдающий такое – ЧудАк, ну или «чУдик», как герои Шукшина, тоже наивные – «дьярЕвня!» в городе среди цивилизованных – роботов-автоматов, так завоспитанных и образованных, что утратили корни в природе и естественный свет разума...**

И в философии – в основе каждого построения лежит некое первичное **взвидение**, озарение, из коего строится затем философский миф, своя Вселенная, и населяется своими затем категориями» [Гачев 2001: 31–32].

Думаю, что даже этот небольшой фрагмент позволяет контурно обозначить философский фундамент, на котором зиждется научное творчество Г.Д. Гачева. Подобные взгляды обнаруживаются буквально в каждом тексте ученого, в чем мы еще не раз убедимся, обратившись непосредственно к анализу его научных работ, «препарируя» их с целью воссоздания всех составляющих идиолекта и идиостиля их автора.

### **Идиолект и идиостиль Георгия Гачева: лаборатория языкотворчества**

Во **введении** были названы три уровня структуры любой языковой личности, обозначенные Ю.Н. Карауловым: вербально-семантический, лингво-когнитивный и мотивационно-прагматический. Будем ориентироваться на эти конструкты при описании творческой языковой личности Георгия Гачева. В качестве материала исследования обратимся к книге, о которой также упоминалось во введении, – «Философия быта как Бытия», представим анализ некоторых, наиболее характерных для идиостиля ученого фрагментов и распределим составляющие его языковые единицы по уровням структуры языковой личности.

*Таблица №1*

**Компоненты идиостиля Георгия Гачева по уровням структуры языковой личности (образец анализа)**

<b>Вербально-семантический уровень</b>	
<b>Единицы текста</b>	<b>Лингво-когнитивный комментарий</b>
<i>Вещи – вещи (=знаючи)</i>	Омонимия + высокий стиль
<b>Взвидим, взвидеть</b>	<b>ВЗ-</b> префикс – высокий стиль, неологизм (в отличие от <b>У-</b> видеть)

Тогда <i>проживаем жизнь внимательно и торжественно, не бежим, а шествуем,</i>	Словосочетание-неологизм: антонимическая пара (обыд + высокое – стиль)
<i>крупнеем в самочувствии</i>	Словосочетание-неологизм-метафора + высокий стиль
<i>чувствовать умно и крупно</i>	словосочетание-неологизм
<i>привычности ← привычный</i>	Словообразование (суф. -ОСТЬ) + мн. число – неологизм
<i>раскупоривать их (предметов обихода) торжественность</i>	Словосочетание-неологизм – Сочетание разностилевых слов: <u>раскупоривать бутылку</u> – обыд. <u>Раскупоривать торжественность</u> – высок.
охота на <u>первоудивления</u>	Сложное слово-неологизм; словосочетание-метафора
<u>жизнемысли</u> ← живу-мыслю-пишу	Неологизм – составное существительное
<b>Лингво-когнитивный уровень</b>	
<i>Мысль включает в себя элемент самоиронии и имеет право быть неоднозначной.</i>	Генерализованное высказывание
<i>Быть господином самому себе, своим страстям и помышлениям – о, это и благо, и достойная задача человеку!</i>	Генерализованное высказывание
<i>Мышление в своем становлении от налипаний и полипов воображения очищалось непрерывно, как от волн, с толку сбивающих, хотя именно воображение поставляет пищу умна соображение и работу</i>	Профессиональные знания
<i>...оба они (воображение и мышление) – в упряжке одной понимания бытия, но меж ними – разделение труда. И то одно, то другое ведет, как коренник или пристяжная, – в разных деятельности духовных. Например, в искусстве воображение – коренник, мышление – пристяжная, а в науке – наоборот</i>	Профессиональные знания



<b>Мотивационно-прагматический уровень</b>	
<i>разум восхищенный</i>	Трансформированный прецедентный текст – самооценка
<i>книга сия – собрание ума горячих размышлений и сердца радостных замет – за четверть почти века.</i>	Трансформированный прецедентный текст – самооценка своего труд
<i>Дымка образа, аура вымысла – это художественный гранит, оказывается</i>	Контекстные антонимы; Метафора – оценка (образного мышления)
<i>Проживать жизнь торжественн</i>	Словосочетание-неологизм, метафора-оценка, высокий стиль
<i>Стремление мое – помочь-научить чувствовать умно и крупно все обыденные мелочи и привычность</i>	Мотивация, оценка, высокий стиль
<i>Мой азарт – добывать первичные опыты, охота на первоудивлени</i>	Целеполагание, мотиваци
<i>Ну что ты лезешь со смертным срочным своим умишком постигать необъятность Бытия и бездну его смысла?</i>	Риторический философский вопрос-оценка-ирония, построенные на антитезе
<i>Где тут задуматься над смыслом Жизни, впериться в Абсолют, искать Истину, изумиться перед Красотой?</i>	Риторический вопрос-ирония

Разумеется, в небольшой таблице представлены лишь некоторые образцы анализа элементов идиолекта и идиостиля Георгия Гачева по уровням структуры языковой личности. Продолжим эту работу в форме линейного текста.

Основному тексту книги предшествуют два предваряющих – Вступление и Пролог Ведущего.

Прежде всего, выделим те отрывки текста Вступления, в которых автор обозначает объект своего исследования и те цели и задачи, которые он собирается решать по ходу написания дневника, названного им «Десять и одно утро – в Мышлении с Воображением. Исповесь о творчестве».

*«Эстетическое осмысление повседневности – вот задача книги, в которую ты сейчас вступаешь, читатель, над этим будем совместно работать-думать.*

*<...> В предлежащей перед тобой книге, читатель, мы станем бродить по лесу предметов = зачарованному царству смыслов – и расколдовывать их; я же буду поводырь в сем путешествии.*

*Итак, подвинуть навстречу друг другу обиход (безумную чувственность бытового существования), труд (пластическое мышление рабочего и художника в материале) и мысль (отвлеченное мышление в слове) – вот сверхзадача книги.*

<...> Так вот: затормозимся! Придем – в себя и в затишье оглянемся и **взвидим!..** И что же? Многое в нас и вокруг нас – дивно и священно, и осмысленно явится: как откровение и озарение, **надо только ВЗВИДЕТЬ.** Как сказано: имея очи – видеть, имея уши – слышать, имея ум – разуместь, понимать!

**Вот этому помочь и нацелена сия книга: прочистить зрение и слух, а ум направить на обыденные вещи и ситуации вокруг – и прозреть в них глубинный смысл.** Тогда каждый миг бытия предстанет не как проходной в скачке и спешке живота, но как желанное Фаустово МГНОВЕНИЕ, когда мы молим его: «Продлись! Постой!» - и миг совпадает с Вечностью, а наше условное обнаруживает отблеск Безусловного.

<...> Итак, **стремление мое – помочь-научить чувствовать умно и крупно все обыденные, кажется, мелочи и привычности: раскупорить их торжественность и многосмысленность.** При этом я никого не буду учить, а просто поведаю, как учили меня этому опыты жизни и произведения искусства, размышления над всем...

<...> Художественные рассуждения, большие и малые эссе, из которых строится книга, написаны мною хотя и в разное время, но **скреплены единой установкой зрения: брать состояние живьем, а мысль *in statu nascendi* («в момент рождения» - лат.), в коротком замыкании со своим предметом.** Тогда они еще остры, достоверны, не отполировались. **Мой азарт – добывать первичные опыты, охота на первоудивления.** Привыкший к нормализованности взгляд автоматически реагирует на такое брезгливо: «это сырое!». На это ответим: кому что по вкусу. Один любит бифтекс пережаренным, а мы – так с кровью.

Итак, перефразируя стих поэта, книга сия – собранье ума **горячих размышлений и сердца радостных замет...**» [Гачев 2001: 22–23].

Поскольку языковая личность, идиостиль слагаются на высших уровнях ее структуры – когнитивном и мотивационном, мы начнем нашу реконструкцию именно с них. В приведенном выше отрывке Георгий Гачев отчетливо формулирует свою исследовательскую задачу и метод ее решения.

Налицо диалогичность повествования и приглашение читателя к интеллектуальному и «умно-чувственному» сотрудничеству. Но также и неприятие тех «цивилизованных и завоспитанных» «роботов-автоматов», которые утратили способность к непосредственному восприятию жизни.

Общая тональность и настрой приведенного отрывка – торжественное открытие в привычных мелочах повседневности глубинного смысла - **«эстетическое осмысление повседневности».**

А **«ЭСТЕТИЧЕСКОЕ – ЭТО УМНАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ, ощущаемость жизни и каждого мига, и акта, и места существования нашего – как со-мысла»** (потому что есть еще и **«БЕЗДУМНАЯ ЧУВСТВЕННОСТЬ бытового существования»**) [Гачев 2019: 21].

Такой высокий накал Вступления поддерживается на вербально-семантическом уровне целым арсеналом выразительных средств:

- многочисленными метафорами (**бродить по лесу предметов = зачарованному царству смыслов – и расколдовывать их; подвинуть навстречу друг другу обиход (бездумную чувственность бытового существования), труд (пластическое мышление рабочего и художника в материале) и мысль (отвлеченное мышление в слове), брать состояние живьем, а мысль *in statu nascendi* («в момент рождения» - лат.), в коротком замыкании со своим предметом; в скачке и в спешке живота** [Там же];

- устаревшими словами, используемыми в современном русском языке только в высококом стиле (*в подлежащей перед тобой книге; в сем путешествии; книга сея: очи, разуметь*).

- Отдельно отметим прецедентные имена, входящие в «референтную группу» автора текста: *Аристотель, Гегель, Гоголь, Шукшин, Виктор Шкловский*:

- и трансформированные прецедентные тексты: *Фаустово МГНОВЕНИЕ, когда мы молим его «Продлись! Постой!»; «Перефразируя стих поэта, книга сея – собрание ума горячих размышлений и сердца радостных замет»* [Гачев 2019: 21–23].

Невозможно не остановиться хотя бы фрагментарно на Прологе ведущего, так как в нем ярко представлена еще одна грань творческой языковой личности Георгия Гачева – способность к использованию приема карнавализации в научном дискурсе – недаром это вступление названо Прологом. И «зачин» вполне театральный:

*«...позвольте обратиться к почтеннейшей публике и два слова сказать в жанре пролога. Итак, предстоит нам спектакль мышления, трагикокомическое представление, зрелище-ридалище: и гладиаторские бои ума с предметом, и буффонада веселой диалектики.*

*<...> Мысль включает в себя элемент самоиронии и имеет право быть неоднозначной, как и образ. Все предстоящие к чтению рассуждения – и художественные. То есть автор равно пользуется как рассудочной логикой, так и художественным образом и дедукцией воображения. И все утверждения вопросительны: как таковые надо их читать-воспринимать. Ведь я же не знаю, что такое Бытие и Истина, и Эстетика, и Искусство, а лишь дознаюсь до их сути, вопрошаю: что они есть? И как раз самые главные наши идеи: Жизнь, Истина, Любовь... высказываемы лишь как проблемы, то есть вопросы: Что есть Истина? Что есть Смысл жизни? – но не как определения и понятия (тем более, однозначные). <...> Так что по содержанию вся книга – вопрошение, а по форме – утверждение, даже дерзкое, временами – восклицание!*

*Уф! Дай дух переведу. Зафилософствовался напоследок зачина... Ладно... Занавес!»* [Гачев 2019: 24–25].

Однако представленный нами Пролог ведущего Георгию Дмитриевичу через 13 лет пришлось переписать. И не потому, что он «изменил» своей манере научного письма, а потому что изменились времена и ситуация в стране. Вот как пишет об этом Г.Д. Гачев в 2000 году (!):

*«В моде и охоте стали обличения, скандалы, «компромат»... Где тут задуматься над смыслом жизни, впериться в Абсолют, искать Истину, изумиться перед Красотой?.. Эти понятия стали предметом поношения в постмодернистской все-игре и похотывании. И вот уже второе десятилетие безудержно карнавалят, поют и пляшут наши стрекозы и стрекозлы, разрушая созиженное кропотливым муравьем-работягой в наивном «здоровом смысле» и вере, что создавать надо, прежде чем потреблять-транжирить.*

*И ныне очухиваться начинаем от очумения: ба! Куда занесло?.. И пришла пора и стране, и каждому человечку – выверить курс. Его же – не по временке текучести, но по фундаментальным ориентирам и по вечным ценностям определять можно. А в нашей культуре и в мысли уже Серьез в дефиците оказался – серьезное отношение к жизни и к себе. Ибо заигрались! – так это в атмосфере душевно-духовной чувствуется. И если в первой части «Пролога Ведущего» я акцентировал игру ума и*

чувство юмора и выступал как **пророк карнавала в мышлении**, чем был «новатор « и провозвестник «нового мышления», - **то теперь упор делаю на том, что всегда-то я во взыскании Абсолюта и Истины жил, мыслил и писал, и такая установка отличалась, отпечаталась в моих текстах. Они не на потребу дня создавались, не на «злбодневность», а, по крайней мере, на ДОБРО-ГОДНОСТЬ рассчитаны»** [Там же: 25–26].

В этом фрагменте, прежде всего, нас будет интересовать мотивационно-прагматический уровень структуры языковой личности Георгия Гачева. Ведь при жизни этого ученого некоторые коллеги из научного сообщества воспринимали его как эдакого «чудака и чудика», «не от мира сего», витающего где-то в своих «жизнемыслях». Но вот перед нами человек, остро чувствующий время и все, что происходит вокруг, трезво оценивающий ситуацию в стране и в науке, имеющий свою гражданскую позицию, и при этом ясно понимающий, что ему лично должно делать в этом мире, каким образом следует «отмежеваться» от постмодернистской «все-игры» и «похохатывания» над самыми серьезными вопросами Бытия.

Конечно, и в этом случае «смещения интереса» с формы на содержание текстов Георгия Гачева невозможно не указать на выразительность и яркость его текста. В нем – та же позиция «наивного» философа, который чувствует себя рядовым тружеником, **«муравьем-работягой»**. В тексте много разговорной лексики и разговорных конструкций (**в моде и охоте стали..; где тут задуматься о смысле жизни; в похихатывании, поют и пляшут наши стрекозы и стрекозлы; безудержно карнавалят; ныне очухиваться начинаем от очумения: ба! Куда занесло! заигрались**). И, напротив, противопоставляя себя современным «карнавальщикам», Ведущий Пролога использует возвышенную лексику (**всегда-то я во взыскании Абсолюта и Истины жил. Мыслил и писал; Они (тексты) не на потребу дня создавались, не на «злбодневность», а, по крайней мере, на ДОБРО-ГОДНОСТЬ рассчитаны** [Там же: 25–26].

**«ДОБРО-ГОДНОСТЬ»** – это еще один «гачевский» неологизм.

Итак, мы совершили «первое погружение» в творческий мир научной прозы Георгия Гачева и, надеюсь, что в том, что нам удалось найти уже во Вступлении и Прологе Ведущего к одной из его книг, достаточно доказательств богатства идиолекта и идиостиля ученого.

Однако во Введении к статье я говорила о нашем общем объекте исследования – повседневности – и о том, что книга Георгия Гачева «Философия быта как Бытия» представляет для меня особый интерес в этом аспекте. Продолжим же реконструкцию творческой языковой личности ученого-гуманитария, обратившись к основным разделам этого научно-художественного произведения.

Прежде всего, возьмем несколько сюжетов из дневников «Десять и одно утро – в Мышлении с Воображением (Исповесь о творчестве)», (Пролог Ведущего к этой части творчества Георгия Гачева мы уже представили). Теперь «Утро первое» – начало работы ученого по его методу Мышления с Воображением. Подзаголовок у этого дневника – Исповесь – неологизм Гачева, который он сам толкует так: **««исповесь» – это «исповесь» плюс «повесь» - мой жанр, в котором давно живу-мыслию-пишу»** [Гачев 2019: 28]. В одном коротком предложении – и определение своего жанра с помощью такого емкого неологизма, составленного из двух слов, и метода научного анализа – соединение традиционного для научной работы Мышления (заметьте: с большой буквы!) и Воображения, опять же очень ясно и четко (никакого «диффузного

представления» понятий и никаких «пушистых множеств» (См.: [СЭС 2006]): «...это диалог Мышления с Воображением, их спор, матч, прятки. При этом я стремился не только теоретически разьяснять особенности мышления и воображения, но и прямо, на примере своего рассуждения, явить «механизм» их совместной работы в творчестве и познании» [Гачев 2019: 28].

И еще дальше очень важное – о соотношении образа и мышления в науке:

*«... с позиции чистого мышления образы – дело грязное и обманчивое: на них держи ухо ума остро!»*

*Философия добывала строгость свою в отталкивании от образа – к мысли, развивалась от мифа – к логосу.*

*<...> Наука... О, сложные у нее отношения с образом: и хочется, и колется – так можно выразить их грубовато-просто. С одной стороны, наука опирается на данные чувственного опыта, то есть на восприятия-образы, что ей предоставляют чувства и приборы (которые суть наши усиленные чувства: микроскоп и телескоп – это сверх-очи). С другой стороны, она и любит и ненавидит это свое рабство и зависимость от крохоборства эмпирии – и мечтает о теоретизации и математизации своих категорий и аппарата выкладок: абстрагироваться хочет от образов... Сама же наука затем строит «модели», которые суть не что иное, как искусственные образы: «поле» (электромагнитное), «волна», «кристаллическая решетка» – все это модели-образы науки, которыми она делает понятными свои представления о строении вещества и проч.» [Гачев 2019: 32–33].*

Все научные поиски Георгия Дмитриевича Гачева – подтверждение этих наблюдений. Само представление образов, с одной стороны, по-научному точно, а с другой – также образно, метафорично. И в этом фрагменте выразительность и своеобразие языка (идиостиль) подчинены развитию важной мысли о методологии гуманитарной науки.

На подступах к теме, в «Утро первое», как бы вскользь, Георгий Дмитриевич формулирует свои ценностные приоритеты – «простой традиционный вывод», к которому он пришел: *«других не трожь, а себя – береги, пожалуйста: изменяйся, улучшайся, совершенствуйся, определяйся спереди из будущего, каким ты можешь стать; а уж мир познавай как он есть, из причин-начал его и по истине-естине объясняя: не мною он создан, так что самоуправство в нем есть глупость и зло, тогда как самоуправлять собой: быть господином самому себе, своим страстям и помышлениям – о, это и благо и достойная задача человеку! <...> Дух в себе развить и личность – этому я самоначalen и открыт в бесконечность...»* [Гачев 2019: 29].

Это такое «гачевское» прочтение евангельских заповедей, его собственное осмысление Добра (блага) и Зла, пропущенное через себя и «одетое в словесные одежды» гачевского идиостиля. В этом фрагменте, посвященном сложным вопросам Бытия, Георгий Дмитриевич использует весь арсенал средств высокого стиля – от словаря (*зло, благо, истина-естина, дух, личность, бесконечность*) до синтаксиса и торжественной стилистической интонации восклицательности.

А теперь «вернемся на землю» и обратимся к одному из базовых концептов повседневности – ДОМ. Для меня это особенно интересно, так как и я в своем исследовании тоже анализировала этот концепт, но по-другому: на базе ассоциативных полей. Вот для сравнения я и хочу здесь представить параллельно – два видения этого объекта: рядовым носителем русской лингвокультуры и творческой языковой личностью ученого-гуманитария.

Сначала рассмотрим ассоциативное поле в прямом (от стимула – к реакциям) слове ЕВРАС [ЕВРАС 2014]:

**ДОМ:** родной 61; семья 43; уют 25; большой, крепость, мой 20; очаг 18; тепло 17; квартира 12; мама 9; крыша 8; здание, родители, спокойствие, теплый 7; красивый, милый, старый, уютный 6; деревня, жилье, кирпичный, Родина 5; защита, любовь, надежность, отдых, радость, родное, свой, спать, белый, в лесу, дача, камин, который построил Джек; милый дом, на даче, отчий убежище, хорошо 2; детство, забота, ковер, кошка, любви, книги, комната, коттедж, любимый, мама, пирожки, место жительства, милосердие, моего отца 1; **537+179+1+126**<sup>1</sup>.

При просмотре только одного приведенного здесь ассоциативного поля слова-стимула ДОМ можно составить представление о том, как воспринимается и оценивается это понятие и как оно отражается в языковом сознании обычного, рядового русского человека. Мы видим, что это безусловно важное и положительно оцениваемое явление, и самыми частотными реакциями испытуемых/респондентов являются лексемы: *родной, семья, уют, крепость, защита, любовь, тепло, радость, спокойствие*. Однако в этих реакциях не заключено никаких философских понятий и смыслов.

А вот пассаж Георгия Гачева о **ДОМЕ**. Он назван им так: «**ДОМ – ЗАЧЕМ И ЧТО ЗНАЧИТ?**»:

*«Меж двух паскалевых бездн: бесконечно большого (Вселенная, Галактики, миры) и бесконечно малого: атомы, частицы – человек заброшен. Что он тут такое? Песчинка, былинка. Каково его самочувствие в этом безразличном холоде? Одиночество, бессмыслица существования, никчемность, неприкаянность.*

*Так вот: Дом – это прикаянность. Между полюсами: материнское любящее лоно, где ты вынашивался, - и Вселенной, Хаосом-Космосом ее Апейрона (Беспредельного) – Человек выстраивает Дом. Он – как искусственное тварное лоно материнское, где Жизнь и Любовь – микрокосмос, малая Вселенная, где мы селимся, поселяне, наше село. Дом – по образу и подобию Космоса: по этому макро- - наше микро. Крыша=небо, Отец, мужское, пол=Земля, Мать, женское, стены=страны света...*

*В Доме Жизнь и Любовь – вращиваются, их обитель. Если в обеих безднах ты, человек, никчем, бессмыслица, то в пространстве Дома-семьи – все осмысленно: каждый мир, шар и утварь. Дом – микроТворение. Ты в нем – как Бог: творишь мир по своему образу и подобию»* [Гачев 2019: 512].

Как видим, у Г.Д. Гачева всего полстраницы текста, но при этом какая «наполненность» смыслами и образами! Тут и космическая «картина мира», нарисованная художником крупными мазками: Вселенная, Хаос-Космос, Апейрон Беспредельный; и микромир, невидимый невооруженным человеческим глазом. И затерявшийся между этими двумя полюсами *неприкаянный человек*. Неприкаянный до тех пор, пока он не построил *Дом – «по образу и подобию Космоса»*, но и «*как искусственное, тварное лоно материнское, где Жизнь и любовь – микрокосмос, малая Вселенная*»...

И такое вот генерализованное высказывание в ответ на заголовок раздела: «*Дом – это прикаянность*». А все вместе – важнейшие ценностные маркеры-представления о доме-семье. Возможно, это тоже «пушистые множества»? Но как же точно и красиво! И какая палитра ассоциативных рядов, особенно на фоне словарного ассоциативно-

<sup>1</sup> Цифры обозначают: общее количество респондентов; разных ответов; отказов; одинаковых ответов.

го поля на стимул ДОМ, выстроенного на материалах ассоциативного эксперимента, участниками которого были рядовые носители русской лингвокультуры – студенты университета.

Что касается языковых особенностей – вербально-семантического уровня языковой личности – то, помимо многочисленных и емких метафор, на которые мы уже обращали внимание в других текстовых фрагментах и которые читатель статьи легко найдет самостоятельно, хочется еще остановиться на абсолютно «идиостилевых» знаках препинания – двоеточии и тире. Впрочем, и об этом сам Георгий Гачев пишет в специальном разделе, который так и называется «ДВОЕТОЧИЕ И ТИРЕ». И едва ли мне удастся прокомментировать эту особенность гачевского синтаксиса лучше, чем делает он это сам, обнаруживая удивительное языковое чутье:

*«Тире – знак воли, империалистический переброс-мост с наскока между тем, что еще не спаяно логически, но уже связуется, прибирается к рукам и в орбиту. Двоеточие – знак указующий на налично существующую связь, которую я раскуриваю и являю, а не как тире, которое эту связь навязывает <...>*

*Двоеточие – знак спокойный, разума, сознания. И когда в одной фразе несколько двоеточий – это несколько оболочек снимается, одна вещь внутри другой (как матрешки в матрешках)...*

*Двоеточие - сигнал перескока с орбиты (как электрона) на орбиту – но не во вне, а внутрь, все глубже в клубок ядра погружаясь. Тире – сигнал перескока с орбиты на орбиту же, но – во вне, расширяясь в натиске и агрессии, концентрически новые уровни и миры радиально связуя» [Там же: 473–474].*

И опять: с точки зрения строгой нормы – неправильность, девиантность. Но ведь смысл – сначала, а форма – потом, для оформления, смысла, его акцентуации (Вот и я, кажется, лишних тире наставила!).

### **Заключение**

Ограниченные рамки журнальной статьи не позволяют исчерпывающе представить творческую языковую личность ученого-гуманитария Георгия Гачева. Но мне хотелось бы просто привлечь внимание научного сообщества гуманитариев к этой, как мне кажется, острой для всех нас проблеме – проблеме экспертной оценки наших исследовательских работ и посвященных им текстов, в которых с неизбежностью гуманитарное познание, как уже отмечалось в начале статьи со ссылкой на монографию В.Г. Чернявской, «синтезирует в себе рационально-познавательный дискурсивный, логически понятный и непосредственно-личный (иррациональный, художественно-интуитивный) типы познания. <...> Гуманитарий объединяет в себе ученого и художника» (курсив мой – Н.Ч.) [Чернявская 2014: 39–42].

Предвижу, что не все мои коллеги проявят «солидарность» с теми положениями, которые высказаны в этой статье, как и далеко не все в свое время оценили по достоинству научное творчество Георгия Дмитриевича Гачева. Но почему-то мне кажется, что моему Учителю – Юрию Николаевичу Караулову – подобные размышления были бы близки. И, как подтверждение этой надежды, в заключение мне хотелось бы привести именно его слова о другой творческой языковой личности (разумеется, без сравнения масштабности!) – о Ф.М. Достоевском, работу над словарем языка которого Юрий Николаевич возглавлял в последние годы жизни:

*«Читая Словарь Достоевского, человек XXI века, воспитанный на современных - зачастую нормативно подсушенных, редакторски причесанных, информативно одно-однозначных - текстах, поражается прежде всего богатством, разнообразием и выразительной силой языка писателя, его великолепной, завораживающей читателя «неправильностью», его «разговорностью», граничащей временами с косноязычием, его информативной неисчерпаемостью и многозначностью. Однако на деле, как показывает лексикографический анализ, эта неправильность и неоднозначность оборачиваются высочайшей изобразительной точностью и тонкостью в передаче тех интеллектуальных, эмоциональных, психологических, нравственных глубин русского национального характера, русского национального духа...»* [Словарь языка Достоевского... 2001: IX].

### Литература

Гачев Г.Д. Плюсы и минусы наивного философствования // Сб. «Философия наивности» / Сост. А.С. Мигунов. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 29–35.

Гачев Г.Д. Философия быта как бытия. М.: Фонд «Мир», 2019. 712 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 363 с.

Милчаков Яни. Неспokoйный мыслитель // Сб. статей «Болгария и Россия: Взаимопознания» / Отв. редакторы: Г.Д. Гачев, Р. Дамянова. М., 2010. С. 446–447.

Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1 / РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова / Гл. редактор чл. корр. РАН Ю.Н. Караулов М.: Азбуковик, 2001. 442 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. М.: «Флинта», 2006. 696 с.

Федякин С. В поле напряжения между жизнью и мыслью (Творческий портрет Георгия Гачева) // Литературный журнал, 2010, № 24. С. 11–25.

Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2014. 280 с.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное: лингвистический и социокультурный анализ. М.: URSS, 2014. 238 с.

## CREATIVE LANGUAGE PERSONALITY OF THE SCIENTIST-HUMANITARIAN GEORGI GECHEV

**Nina L. Chulkina**

Doctor of Philology, Professor

Department of General and Russian Linguistics, Philology Faculty,

Peoples' Friendship University of Russia

10-2 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 119498

*nina.chulkina@yandex.ru*

The article is devoted to the reconstruction of the creative language personality of the outstanding Russian philosopher, literary critic, and cultural critic Georgy Dmitrievich Gachev. The concepts of idiolect and idiostyle serve as reference concepts in the study and description of the creative 'laboratory' of a humanist scientist.



The material expression of these categories is presented at all levels of the structure of the language personality of George Gachev: verbal-semantic, linguistic-cognitive, and motivational-pragmatic. Special attention is paid to the methodology of humanitarian research of the author of 'Philosophy of life as Being' – the philosophy of 'naivety', 'attracted thinking', 'dialogue of Imagination with Thinking'.

The study of the idiolect and idiostyle of the creative language personality of Georgy Gachev allowed us to reveal the 'mechanisms' of creativity of the scientist-artist of the word, as well as the aesthetic potential of the Russian language system, which opens up unlimited opportunities for creating scientific texts deep in meaning and non-trivial in form, a letter often qualified by the scientific community as deviant, violating strict stylistic norms of scientific style.

The author of the article offers a detailed analysis of the texts of George Gachev which is intended to refute such statements of his opponents.

**Keywords:** language personality, idiolect, idiostyle, norm, deviation, 'attracted thinking', 'dialogue of Imagination with Thinking', 'naive' philosophy

#### References

*Gachev G.D.* Pljusy i minusy naivnogo filosofstvovaniya [Pros and cons of naive philosophizing] // Sb. «Filosofija naivnosti» [Collection of works 'Philosophy of Naivety'] / Sost. A.S. Migunov. M.: Izd-vo MGU, 2001. P. 29–35. (In Russian).

*Gachev G.D.* Filosofija byta kak bytija [Philosophy of everyday life as being]. M.: Fond «Mir», 2019. 712 p. (In Russian).

*Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M.: Nauka, 1987. 363 p. (In Russian).

*Milchakov Jani.* Nespokojnyj myslitel' [Restless Thinker] // Sb.statej «Bolgarija i Rossija: Vzaimopoznanija» [Collected Articles 'Bulgaria and Russia: Mutual Knowledge'] / Otv. redaktory: G.D. Gachev, R. Damjanova. M., 2010. P. 446–447. (In Russian).

Slovar' jazyka Dostoevskogo. Leksicheskij stroj idiolekta. [Dictionary of the Dostoevsky language. The lexical structure of the idiolect.]. Vyp. 1 / RAN, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova / Gl.redaktor chl. korr. RAN Ju.N. Karaulov M.: Azbukovik, 2001. 442 p. (In Russian).

Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: «Flinta», 2006. 696 p. (In Russian).

*Fedjakin S.* V pole naprjazhenija mezhdzhu zhizn'ju i mysl'ju (Tvorcheskij portret Georgija Gacheva) [In the field of tension between life and thought (Creative portrait of Georgy Gachev)] // Literaturnyj zhurnal [Literary magazine], 2010, № 24. P. 11–25. (In Russian).

*Cherkasova G.A., Ufimceva N.V.* Russkij regional'nyj asociativnyj slovar'-tezaurus [Russian regional associative dictionary-thesaurus]. EVRAS. T. 1. Ot stimula k reakcii [From stimulus to reaction]. M., 2014. 280 p. (In Russian).

*Chernjavskaja V.E.* Kommunikacija v nauke: normativnoe i deviantnoe: lingvisticheskij i sociokul'turnyj analiz [Communication in Science: Normative and Deviant: Linguistic and Sociocultural Analysis]. M.: URSS, 2014. 238 p. (In Russian).

# НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-45-3-169-182

## РОЖДЕНИЕ ОСМЫСЛЕННОГО СЛОВА У РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА

**Ушакова Татьяна Николаевна**

Академик РАО,  
главный научный сотрудник  
Института психологии РАН  
129366, Москва, ул. Ярославская, д.13  
*tn.ushakova@gmail.com*

Предметом исследования в проведенной работе является соотношение двух разных субстанций человеческой психики – ментальной (субъективной) и материальной (вербальной) – в ракурсе исследования природы осмысленности слова. В статье представлены результаты нашего длительного эмпирического изучения онтогенеза младенцев первого года жизни. Анализируются основные формы реагирования их нервной системы, приводящие к формированию осмысленности действий, а затем и слов. Основой этих реакций автор считает прирожденные способности нервной системы младенца: чувствительности, активности и способности к научению. Показано, что осмысленность действий младенца возникает в результате включения действий ребенка во взаимоотношения с действительностью, при которых логика действительности отражается в действиях малыша. Такое отражение по своему функционированию представляет осмысленность действий. Этот процесс движется в результате научения и имеет адаптивное значение. Наша разработка представляет собой исследование так называемой «малой психофизиологической проблемы», т.е. соотношения ментальной и материальной сторон речи.

**Ключевые слова:** онтогенез младенцев; малая психофизиологическая проблема; осмысленность слов младенца; чувствительность, активность, способность к научению

### **О терминологии**

Такое явление, как осмысленность действий и речи человека, составляет важнейшую их особенность. Эта особенность нелегко поддается словесному определению. Скорее, мы характеризуем ее в общей форме как ментальное переживание, связанное с разумностью, мыслью, с соответствием обстоятельствам, с пониманием. В понятийном плане *осмысленность* входит в терминологическое поле слов *значение, смысл, понимание, мысль, семантика, семантические переживания*. Однако, как будет видно из дальнейшего, эти термины нуждаются в различении и уточнении. В нашем тексте термин *осмысленность* будет употребляться для обозначения соответствия между производимыми человеком действиями и происходящими событиями.

### **Эмпирическое исследование зарождения и развития осмысленности действий и слов у младенца первого года жизни**

Для разработки интересующего нас теоретического вопроса нам требовались эмпирические данные о ходе раннего речевого и предречевого онтогенеза. Поэтому нами было организовано эмпирическое исследование, давшее нам достаточно

большого объема материал о ходе раннего речевого и предречевого онтогенеза. Мы стремились к тому, чтобы наш материал имел целостный характер и отражал процесс поступательного развития ребенка от рождения до времени появления первых слов, т.е. обычно к 1-му году жизни. Такая задача может решаться на материале систематического, не лабораторного аудио- и видеонаблюдения за проявлением голоса и поведением младенца в естественных условиях. Материалы этого рода составили базу данных для нашего анализа. Работа строилась на материале, собранном без создания специальных экспериментальных условий. Полученный материал интерпретировался на основе разработанных нами и описанных ниже правил. Продуктивную линию для исследования представляет развитие голосовых и двигательных проявлений ребенка.

Материалы наблюдений собирались путем обращения к коллегам – московским психологам, в семьях которых появлялись дети. Были получены аудио-видеозаписи пяти детей (3 мальчика и 2 девочки) в естественных условиях их поведения. Период наблюдения за каждым ребенком длился в основном от 0 до 12 месяцев (в некоторых случаях длиннее). Общий совокупный объем записанных файлов – более 1500 эпизодов. Записи производились с относительной систематичностью родителями наблюдаемых младенцев С. Беловой, Е. Валуге, А. Медынцевым, П. Песковой, А. Созиновым, а анализ данных – сотрудниками нашего исследовательского коллектива С. Беловой, А.Медынцевым, Т. Ушаковой.

Для анализа и описания полученных данных требовалось ввести кодовые обозначения интересующих нас проявлений ребенка. Дело в том, что голосовые и двигательные проявления у маленького ребенка оказываются высоко вариативными. Так, например, свое неудовольствие он может выражать хныканьем, плачем, криком и др., хотя функции этих звуков одинаковы. Аналогичным образом, разнообразным оказывается функционально однозначное поведение младенца. Например, исследовательская активность ребенка на первом году жизни, проявляющаяся поначалу в форме зрительного сосредоточения, в возрасте нескольких месяцев может иметь характер следования глазами за матерью, рассматривания игрушек и т.п.

Выявление общих оснований голосовых и поведенческих проявлений возможно при использовании общих кодовых обозначений для явлений, различающихся по форме, но играющих одинаковую функциональную роль в жизни маленького ребенка.

Для маркирования элементов голоса и поведения младенца были разработаны и использованы соответствующие кодовые обозначения [Ушакова 2019]. Вектор различения голосовых проявлений ребенка был направлен на то, чтобы способствовать выявлению линии сближения голоса младенца с речью окружающих. Были выделены три вида функционально различных голосовых проявлений младенца:

1. В голосе новорожденных выделяли крик, плач, предплач. Такие вокализации кодировались как «голос негативный», вокализации отрицательной окрашенности.

2. После первого месяца жизни у младенца возникают и развиваются вокализации положительной или нейтральной окрашенности, которые кодировались как «голос нейтрально-позитивный».

3. Наиболее полные формы голосовых проявлений возникают во второй половине первого года жизни. В это время у младенцев появляются вокализации с чередованием взрослого и детского голосов (имитация диалога), различные варианты звукоподражания речи окружающих: подражание интонации взрослых, имитация слогов, вопросительной интонации и др. Все эти варианты квалифицировались как «голос сложный».

На других основаниях было организовано кодирование познавательно-действенных форм поведения младенца. Для этого использовалась направленность действий младенца на те или другие объекты.

Различали 4 вида поведения:

1. Ориентировочно-исследовательское поведение, связанное с познанием предметного мира. Начальными его формами являются зрительное сосредоточение, стремление ухватить близлежащий объект. Позднее появляются манипулирование предметами, хватание, толкание, игра с ними, рассматривание, использование игрушек по их назначению и мн. др.

2. Коммуникативная активность, направленная на контакт с матерью и другими окружающими. Она может выражаться в разные периоды в обращении взгляда, повороте лица, головы в сторону субъекта интереса, в эмоциональном оживлении и реагировании; проявляется также в визуальном контакте с взрослым, в следовании за ним, в инициации общения с ним, в участии в «переключках».

3. Интенционально-мотивационные проявления, отражающие направленность на получение того или другого предмета из своего окружения. Например, младенец тянется к игрушке, карабкается, чтобы достать ее; сидя за общим столом, выбирает себе кусок сыра и т. п.

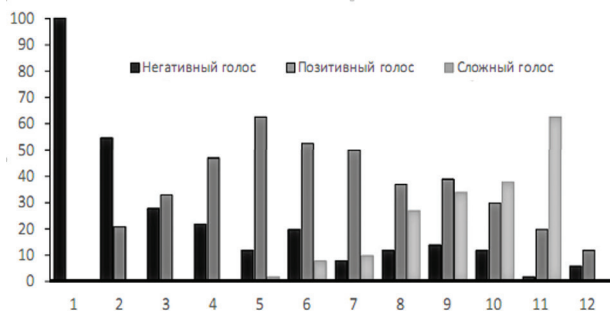
4. Отсутствие каких-нибудь поведенческих проявлений, исключительно голосовое реагирование ребенка.

После проведения кодирования всех проявленных форм поведения вычислялось количество их наблюдаемых сочетаний. Эти данные экспериментатор вносил в графу каждого события на специальном бланке. В случаях отсутствия поведенческих проявлений фиксировался только характер голоса. Анализ записей производился экспертами, которые после некоторой тренировки и совместной работы (как правило, в паре) приобретали необходимые навыки.

При использовании описанной методики удалось выявить качественные особенности как голосовых, так и познавательно-поведенческих форм, возникающих на начальных этапах развития ребенка.

### Развитие вокализаций ребенка на первом году жизни

Тренд развития вокализаций показан на *Рис. 1*.



*Рис. 1.* Развитие вокализаций ребенка на первом году жизни.

*Примечание:* по вертикальной оси представлен средний процент голосовых проявлений к общему количеству единиц анализа голоса в периоде, на горизонтальной оси отмечен возраст детей в месяцах.

Данные, представленные на *Рис. 1*, иллюстрируют тот факт, что голос младенца, целиком негативный поначалу, качественно меняется после первого месяца. К раннему негативному его компоненту, который в известной мере сохраняется значительную часть детства, с начала второго месяца добавляется позитивный голос. Возникают и становятся более разнообразными позитивные интонации. Со второго–третьего месяца по седьмой месяц включительно возникают и становятся более частыми вокализации нейтрально-положительного типа, нейтральные по отношению к поведенческо-действенным реакциям.

В третий – четвертый месяц жизни проявляется чувствительность к интонации окружающей речи. Возникают и разрастаются звуки, имеющие фонетическое сходство со звучащей вокруг речью. В каждом выделенном периоде происходит добавление последующей, новой формы голосовых проявлений к уже существующим, которая становится ведущей в этом периоде. Следует также обратить внимание на то, что с 5–6 месяцев начинается нарастание голосовой активности младенца в моменты активизации его коммуникативных проявлений.

Период с восьмого по двенадцатый месяцы характеризуется выраженным усилением голосовых форм сложного типа, сопутствующих преимущественно коммуникативным, а также ориентировочно-исследовательским действиям. Значимо менее частотными по сравнению со вторым периодом становятся проявления нейтрально-позитивного голоса в ориентировочно-исследовательском поведении и общении, негативного голоса при интенциональных и мотивационных формах поведения. Следует обратить внимание на то, что использование сложного голоса связано одновременно с периодами активизации общения младенца с окружающими: с визуальным контактом с взрослым, с обращением к нему взгляда, с поворотом головы в его сторону. Иначе говоря, в названный период происходит сближение голосовой и действенной линий поведения ребенка.

### **Поведенческо-действенная линия развития ребенка на первом году жизни**

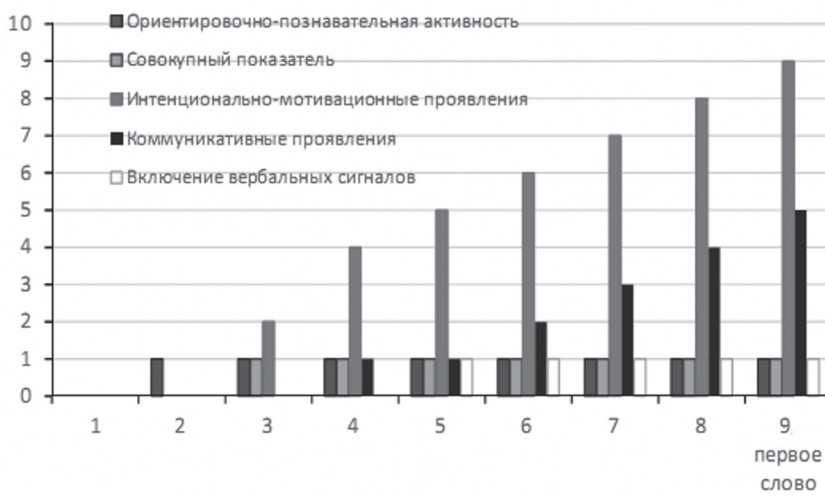
В первый месяц жизни младенец не проявляет себя в поведенческом плане, движения его конечностей хаотичны. В полтора–два месяца у него возникают поведенческие проявления в виде ориентировочно-исследовательских реакций. Они связаны с познанием окружающей среды, ее предметов и людей. Начальной формой познавательных реакций является зрительное сосредоточение, позднее проявляется реакция схватывания близлежащего объекта, затем – манипулирование предметами, хватание, толкание, игра с ними, рассматривание, использование игрушек по их назначению и мн. др.

Другую форму поведения составляет коммуникативная активность. Она направлена на контакт с матерью и другими окружающими. В разные периоды она может выражаться в направленности взгляда, повороте лица, головы в сторону субъекта интереса, в эмоциональном оживлении и реагировании; в визуальном контакте с взрослым, в следовании за ним, в инициации общения, в участии в совместных «переключках» и мн. др.

Интенционально-мотивационные проявления отражают направленность ребенка на получение того или другого объекта из своего окружения. Например, младенец тянется к маме; карабкается куда-то, чтобы достать игрушку, и т. п.

Траектория развития познавательно-действенной и вербальной линий активности младенца от рождения до года показана на *Рис. 2*. Для построения диаграммы использовались поведенческие шаги, свидетельствующие о развитии младенца. Каждый из шагов принимался за условную единицу развития, отмеряемую по вертикальной оси. Этими шагами признаны уже перечисленные выше акты: а) ориентировочно-познавательное поведение (поисковые движения глаз и др.), б) коммуникативное проявление (комплекс оживления), в) интенционально-мотивационные реакции, а также г) включение вербальных сигналов, сложный голос, первые слова. Суммарное количество таких шагов принималось за совокупный показатель развития на каждом месяце. Увеличение количества однородных шагов не отражалось на диаграмме, поскольку их количество на протяжении месяца – величина случайная, зависящая от того, какие эпизоды произошли с ребенком и были включены в анализ.

Поскольку в ходе первого месяца дети, по нашим данным, не проявляли себя с поведенческой стороны, данный период на диаграмме пуст. Вспомним, что негативные голосовые реакции наиболее выражены в это время (см. *Рис. 1*). С начала второго месяца обнаруживаются познавательно-действенные проявления (в форме прослеживающих движений глаз). Несколько позднее к ним присоединяется социальный компонент (контакт с матерью). Далее отмечаются элементы усложнения познавательно-действенного репертуара. Новые проявления, раз появившись, нарастают в частоте, усложняются в своих проявлениях, но не исчезают. Совокупный показатель активности возрастает от месяца к месяцу. Результаты в целом показывают общую динамику развития поведенческих реакций, а также тенденцию к совместному проявлению голосовых и поведенческих действенных актов начиная с пятого–шестого месяцев.



*Рис. 2.* Развитие поведенческо-действенной и вербальной линий активности ребенка на первом году жизни.

*Примечание:* по вертикальной оси представлены проявившиеся формы поведения, совокупный показатель поведенческой активности и включения вербальных сигналов; по горизонтальной оси отмечен возраст детей в месяцах.

### **Обсуждение и теоретическая интерпретация различных сторон протекающих процессов**

Развитие ребенка с момента его появления на свет опирается на прирожденные, генетически заложенные способности. Эти способности составляют необходимый багаж для адаптации младенца к внешним условиям его жизни. Такими способностями являются: а) чувствительность в разных ее формах, б) активность, т.е. способность и потребность к действиям (практически возможным в младенческом возрасте), в) способность к научению (т.е. возможность сохранять память о происшедших действиях и их включение в процесс адаптации к наличным условиям).

Способность к чувствительности составляет коренное свойство субъективных переживаний человека, присущих младенцу с самого рождения. Эта способность в разных вариантах подробно изучена в аспекте психофизиологии органов чувств [Ананьев 2001; Кравков 1946]. Основными формами чувствительности являются зрительная, слуховая, вкусовая, осязательная и обонятельная. Каждая из них имеет свою специфику. Например, зрительная чувствительность позволяет различать цвет, его интенсивность, яркость; слуховая – высоту и интенсивность звука, его ритм. Выделяются также разные типы вкусовой, обонятельной и осязательной чувствительности.

Чувствительность осуществляется через воспринимающие аппараты человека. Разные ее формы локализируются в специфических областях головного мозга и органах его чувств (глаз, ухо, язык, кожа). Что касается переживания боли (боль режущая, колющая, ноющая), то она локализуется в зависимости от места повреждения на теле человека. Исследование специфических областей локализации разных форм чувствительности происходило в ходе развития соответствующих отраслей наук и медицины и не подвергается пересмотру в настоящее время. Отмечено, что чувствительность дана ребенку от рождения и является основой его нормального психологического развития.

Наиболее ранней формой проявления чувствительности ребенка являются голосовые сигналы новорожденных, отражающие их эмоционально негативное состояние (крики, плачи, скуление). Позитивный эмоциональный отклик проявляется значительно позднее, в «комплексе оживления» (в двух-трехмесячном возрасте). Эта эмоциональная реакция является врожденной.

Названные формы чувствительности присущи не только человеку, но и животным, имеющим нервную систему, аналогичную нашей. Данные о формах чувствительности у животных получены во многих исследованиях, в том числе в работах отечественных этологов [Воронин 1977; Крушинский 1986; Фирсов 1977 и др.]. У здорового младенца все формы развития имеют в своей основе перечисленные варианты чувствительности («обычные»), соответствующие поступающим воздействиям. Так называемые экстрасенсорные возможности за недоказанностью этого явления здесь не рассматриваются.

Активность младенца обнаруживается в его действиях, практически возможных для него с раннего возраста. В силу врожденной активности ребенок последовательно наращивает свою способность двигаться: поворачивается в постели, присаживается, ползает, встает на ножки, начинает ходить. Так же последовательно он начинает интересоваться предметами (вещами, игрушками) и людьми. У него развиваются хватательные движения. Начав ходить, он хочет передвигаться из одного помещения в другое.

В медицинской литературе описываются нейрональные основания проявления активности [Скворцов 2000: 43]. Отмечается, что в генетическую программу заложена, условно говоря, «экспансия» нейронов: «Каждая нервная клетка и ее отростки «стремятся» иметь как можно больше контактов, максимально увеличить их суммарную территорию, что обеспечивает нейрону достаточный уровень функциональной загруженности и гарантию от уничтожения (путем включения механизма апоптоза)» [Там же]. Это дендритное ветвление направлено, прежде всего, на прием внешней информации, что является условием тонкого приспособления к внешней среде. «Дендритное ветвление с образованием нейронных сетей составляет основу функциональных систем мозга, работа которых подчинена задаче обеспечения развития и регуляции отдельных или взаимосвязанных функций. «Стремление» мозга к экстраполяции сферы деятельности своих функциональных систем на среду, как своеобразный «принцип удовольствия», является движущей силой, существенным внутренним двигателем онтогенеза, по крайней мере, в той его части, которая относится к развитию. Феномен «стремление к развитию» является важнейшим залогом выполнения генетической программы, обеспечивается самой же генетической программой» [Там же: 59].

Обратимся, наконец, к еще одной прирожденной особенности ребенка – способности к научению. Она составляет очень важную сторону поведения как механизма сохранения вырабатываемых реакций. Мы видим это на примере развития начальных реакций схватывания предмета. Младенец тянется к интересному для него объекту, пытается схватить его, но не может правильно оценить расстояние до него и промахивается. У ребенка возникает неудовольствие. После повторения неудачных попыток он снова испытывает неприятное чувство, может заплакать. Когда же малышу удастся взять рукой интересующий предмет, он удовлетворен, его субъективное состояние становится позитивным.

Важный момент этого процесса состоит в том, что позитивная субъективная реакция становится своего рода подкреплением совершенного действия. Это создает условие для формирования так называемой *оперантной* реакции, как это было описано Б.Ф. Скиннером, а также закрепления этой реакции и последующего ее воспроизведения [Скиннер 2016; Skinner 1957].

С учетом приведенных здесь данных о природных способностях младенца обратимся к анализу полученного эмпирического материала.

Сопоставление данных *Рис. 1* и *Рис. 2* показывает разные по типу линии развития младенца на первом году жизни. Можно предположить, что развитие голоса в большей части своих проявлений направлено на укрепление его составляющих – звучания, слушания, имитации. Познавательное-действенная же форма реагирования, в отличие от этого, развивается в другом направлении: она осуществляется как познающая, изменяющаяся система, взаимодействующая со средой за счет пробных действий, научения и адаптации. Поведение младенца формируется под влиянием жизненных обстоятельств как инструмент его приспособления к воздействующим условиям существования.

Предложенное объяснение имеет подтверждение и в полученных нами экспериментальных данных. Так, установлено, что в 3–4-месячном возрасте у младенца начинается период активного усвоения правил организации окружающего предметного мира (см. *Рис. 2*). С 4–5 месяцев возникают формы приспособления звучащего голоса к поведенческой линии ребенка (см. *Рис. 1*).



Описанные врожденные способности действуют на протяжении всего нормального онтогенеза младенца. Проследим, каким образом происходящие во внешней среде объективные события через посредство врожденных способностей отражаются на, условно говоря, «субъективном экране» ребенка.

Сначала обратимся к возрасту младенца от его рождения до полутора месяцев. В этот период «субъективный экран» малыша, исходно пустой, заполняется случайными объектами восприятия. Исследования показали, что внешняя действительность для новорожденного смутна, однако младенец различает ласковое прикосновение к его телу, звук человеческого голоса, тепло, холод [Лисина 1986]. Эти состояния ребенка основаны на его врожденной чувствительности. Содержание «субъективного экрана» младенца в это время крайне ограничено, однако именно оно подлежит постепенному последующему развитию.

В возрасте после полутора месяцев заметно изменение поведения младенца. Его движения становятся более активными, очевидно начинают проявляться реакции на окружающих, разнообразятся вокализации – появляются спонтанные короткие и более длительные вокализации. Наблюдаемая картина реагирования младенца означает, что на «субъективном экране» ребенка появляются и расширяются в своем составе новые объекты его восприятия. Главное приобретение этого этапа в том, что малыш активно воспринимает объекты: реагирует на яркие движущиеся предметы, игрушки, на имеющую для него особое значение маму, на звучащие голоса. Организация этих реакций происходит на основе врожденных способностей ребенка к чувствительности и к активности, содержание же его «субъективного экрана» в это время остается, однако, довольно ограниченным [Гвоздев 1981].

Возраст младенца в три-четыре месяца считается у родителей временем «первой взрослости». Конечно, это преувеличение, но в указанное время у малыша действительно наблюдаются немалые перемены. Более отчетливо, чем раньше, обнаруживается его эмоциональное реагирование как выражение его субъективного состояния. Особенно ярко эмоциональный отклик проявляется в «комплексе оживления» [Щелованов, Аксарина 1955]. Ребенок радостно реагирует на взрослого, телесная моторика усиливается, возникают вокализации. Реакция оживления представляет собой наиболее доступную для младенца форму его эмоциональных проявлений в раннем возрасте.

В возрасте 3–4 месяцев заметно меняются движения ребенка, приобретаются новые их формы. По мнению Ж. Пиаже, характерными становятся так называемые циркулярные реакции [Пиаже 1983]. Они состоят в том, что, совершив порой случайно некоторую реакцию, младенец стремится многократно повторять ее. Типичным вариантом циркулярной реакции является схватывание предмета. Следуя теории оперантного научения Б. Ф. Скиннера, можно достаточно полно и точно описать структуру, происхождение и значение этой реакции [Скиннер 2016].

Малыш тянется к интересному для него объекту, пытается схватить его, но не может оценить расстояние до него или направление своего движения и промахивается. У него возникает неудовольствие. При повторении неудачных попыток он опять испытывает неприятное чувство. Младенец снова и снова направляет свои движения на схватывание (циркулярная реакция), производя различные их модификации, и, наконец, находит такое сочетание своих действий, которое приводит к успеху: ребенку удается взять рукой интересующий предмет. Малыш удовлетворен, его субъективное состояние переходит в позитивное. Такое состояние становится подкреплением вырабатываемой у младенца реакции [Скиннер 2016].

Анализ наших материалов показывает, что на основе совокупности описанных процессов и происходящих в конечном звене циркулярных реакций автоматически выделяется (маркируется) *новое знание* младенца, отражающее последовательность его действий при успешном достижении цели. Одновременно это новое знание соответствует порядку, существующему в мире, т.е. его логике. Таким образом, ребенок автоматически становится обладателем нового полезного знания, это знание соответствует устройству мира, его логике. Это новое знание для ребенка представляет осмысленность. Тем самым рассмотренная нами схема автоматического реагирования ребенка и составляет схему осмысливания. *Осмысленность действий младенца возникает на основании его врожденных психологических способностей, отражения его нервной системой логики происходящих событий и формирования у ребенка нового знания о последовательности его действий при успешном достижении цели.*

К трем–четырем месяцам младенец овладевает реакцией схватывания, что свидетельствует о приобретении им к этому времени скрытого знания, необходимого для достижения желаемой цели. Например, для того чтобы схватить рукой предмет, нужно найти его взглядом, приблизиться к нему на достаточное расстояние, придать руке определенное положение и др. С той или иной отчетливостью эти отношения должны быть отражены в действиях ребенка. Содержание «субъективного экрана» младенца по своему объективному проявлению является осмысленным. Характерно, что и окружающие воспринимают подобные действия младенца этого возраста как осмысленные. Важно уточнить, что осмысленность действий младенца понимается здесь не как осознание или понимание ребенком содержания производимых им действий, а более ограниченно: как отражение нервной системой ребенка производимых им действий в отношении внешних объектов.

Отметим при этом, что описанная нами психологическая структура всего происходящего действия ребенка имеет специфический субъективный тон. Малыш доволен, получив желанный объект, и, наоборот, огорчен, если его постигла неудача. Иначе говоря, его реакция является полноценной психологической структурой, основанной на врожденной способности к чувствительности и субъективному переживанию.

Первично выработанная форма реагирования повторяется, уточняется, крепнет. Например, усвоив вариант реакции хватания близкого предмета, ребенок затем подбирается к предмету более далекому, имеющему другую форму и цвет. Справившись с одной ситуацией, малыш начинает успешно действовать при решении аналогичных задач. При желании схватить новый объект ребенок применяет уже выработанные правила действий: сначала правильно оценит расстояние до предмета, в случае нужды подползет к нему, подтянет одеяло, на котором предмет находится, обратится за помощью к взрослому и т. п. Соответствующие случаи описываются исследователями [Бейтс 1984; Слобин 1984].

Такие умения служат расширению практического опыта ребенка: функционирование нового принципа поведения развивает его ментальные возможности, – например, возможность планировать результат будущего действия, которую Ж. Пиаже считал необходимой для развития речи [Пиаже 1983: 135].

Возникает вопрос: как происходит это расширение? Мы полагаем, что после выработки схемы осмысленной реакции данная схема начинает воспроизводиться

и на других объектах, вызывающих подобную реакцию. Так, например, младенец начинает осмысленно стремиться попасть на руки к маме, которая всегда является для него особым объектом. Позднее эта схема распространяется и на других членов семьи. Достаточно рано ориентировочную реакцию вызывают разные игрушки, животные, позднее – явления природы (снег, дождь) [Ушакова 2011: 150].

Выработка смысла происходит в отношении каждого объекта, который воспринимается малышом. Соответственно, каждый объект и действие окружающего мира, вызвавшие ориентировочную реакцию, осмысливаются ребенком.

Без специальной аргументации понятно, что такого рода осмысленные реакции младенца выполняют адаптивные функции в его развитии. На их основе приобретаются разнообразные навыки поведения, полезные и даже необходимые в его жизни.

### **Начальное усвоение слов ребенком**

По материалам нашего исследования попробуем теперь рассмотреть вопрос, сохраняет ли силу схема осмысливания действий ребенком в ситуации усвоения им слов. На этот вопрос исходно напрашивается положительный ответ: поскольку осмысливанию подлежат все воздействующие на детей события, то было бы удивительно, если бы из этих событий исключались слова, так часто звучащие вокруг ребенка.

Действительно, начиная с 8–9-месячного возраста, а порой и раньше, в поведении детей отмечаются признаки усвоения ими воспринятых слов [Ушакова 2011: 160]. Примеры этого явления многочисленны и воспроизводятся в онтогенезе практически у каждого здорового ребенка. Так, на вопрос «Где мама (бабушка, папа, киска и др.)?» ребенок переводит глаза на названный объект. «Покажи носик (ушко, ножку и др.)», – показывает. Еще не пользующиеся словами дети исполняют многие не только простые, но и довольно сложные инструкции: «Возьми ложку в другую ручку», «Закрой дверцу машинки», «Поставь обе ножки на ступеньку велосипеда» и др. Выполняют просьбы: «Скажи „спасибо“» (поклоны головой), «Скажи „до свидания“» (махание ручкой). В нашем исследовании встретились многие любопытные случаи, демонстрирующие большие возможности ребенка в понимании сложных высказываний [Ушакова 2011: 161].

Начало новой формы реагирования младенца связано с тем, что в это время значимыми объектами его восприятия становятся словесные сигналы. Ситуация восприятия ребенком связана с его общением с взрослым и с эмоциональным тоном их взаимоотношений. В различных ситуациях общения взрослый называет ребенку разные объекты – части его тела, членов семьи, его игрушки и мн. др. Ребенок при этом активно воспринимает слова, реагирует на звучащий голос. В этих обстоятельствах на основании прирожденных психологических способностей ребенка (слуховой чувствительности, активности, научения) и отражения его нервной системой происходящих событий у него формируется новое знание о связи слова с определенным объектом. Это и составляет начальную форму осмысливания слов маленьким ребенком. Такое направление развития дает малышу возможность лучше понимать окружающих и отчетливее выражать свои желания взрослому, а тем самым совершить некоторый шаг к успешному словесному общению с ним. В этом развитии слова мы видим повторение черт той схемы, которая проявляется при развитии осмысленности действий ребенка: опору на специфические прирожденные способности, научение, адаптивность вырабатываемых реакций.

Своего рода слитность звукового обозначения с тем с некоторым объектом или явлением обеспечивает легкость опознания ребенком значения слова, поскольку его восприятие быстро вызывает в сознании образ объекта в его целостности.

Развитие словесных операций ребенка не останавливается на этом достижении. Следующий шаг в речевом развитии ребенка связан с расширением восприятия воздействующих на него слов. На основе общения с взрослым он усваивает постоянные формы семантических отношений между словом и различными наблюдаемыми ситуациями, знакомится с разными ситуативными категориями: быть объектом действия, иметь пространственное положение, иметь свойство. Такого рода опыт позднее начинает самостоятельно им пользоваться. Было установлено, что в возрасте 20–24 месяцев малыш не только адекватно реагирует, но и самостоятельно употребляет знакомые семантические отношения. Это явление наблюдалось во всех изученных исследователями языках [Бейтс 1984; Слобин 1984]. Общая направленность данного процесса имеет адаптивный характер: через использование усваиваемых слов ребенок получает возможность достаточно полно сигнализировать взрослому о своих пожеланиях или иметь какую-либо другую форму подкрепления. Так происходит прогрессирующий процесс семантической разработки структуры каждого слова, с которым ребенок встречается в своем обиходе. Подобные процессы формируют у растущего человека все более полноценный язык, каким мы обычно пользуемся в жизни.

*Таким образом, мы видим, что осмысленность слов усваиваемого ребенком языка формируется на основании его врожденных психологических способностей, при его словесном общении со взрослым человеком, в процессе которого малыш усваивает все расширяющееся знание о постоянных отношениях между словом и разными сторонами действительности, а также получает социальное подкрепление правильности своих действий со стороны окружающих.*

Еще одна сторона развития ребенка, необходимая для полноценного развития его словесных операций, состоит в произнесении слов с помощью голоса. Данная задача нередко оказывается трудной для малыша, и далеко не у всех детей она легко решается. По нашим наблюдениям, подобный переход к звучащему слову происходит в условиях сильной речевой мотивации ребенка [Ушакова, Белова, Громова: 2007]. Произнесения слов детьми раннего возраста обычно имеют характерные формы эмоционального проявления. Материалы показывают, что целью первых слов младенца обычно бывает реализация тех или других его желаний.

### **Заключение**

Общее заключение, вытекающее из нашего исследования, состоит в том, что осмысленность возникает у младенца в результате процесса познания им действующих законов действительности. Такое познание происходит на основе врожденных младенцу способностей к чувствительности, активности и научению. Начальный шаг формирования осмысленности действий младенца проявляется в направленности поисковых действий ребенка (активности) в отношении тех или других объектов действительности. Если эти действия соответствуют объективно действующим правилам жизни (ее логике), они закрепляются в поведении малыша на основе его врожденной способности к научению. Тем самым логика действительности отражается в действиях малыша. Такое отражение по своему функционированию

представляет осмысленность действий. Осмысленность состоит в воспроизведении (отражении) ребенком объективных правил, т.е. логики жизни. Можно видеть, что осмысленность не тождественна осознанию и пониманию. Для формирования осмысленности по описанной схеме в нормальном онтогенезе требуется несколько месяцев первого года жизни младенца.

В возрасте 8-9 мес. схема осмысливания действий ребенком начинает воспроизводиться и в ситуации усвоения им слов. Осмысленность слов усваиваемого ребенком языка формируется на основании его врожденных психологических способностей, при его словесном общении со взрослым человеком, в процессе которого малыш усваивает знание о постоянных отношениях между словом и разными сторонами действительности.

В теоретическом плане наше исследование представляет собой разработку так наз. «малой психофизиологической проблемы», т.е. соотношения ментальной и материальной сторон речи. До настоящего времени исследование этой области представляет собой сложную научную проблему. Трудность состоит в том, что осмысленность, согласно психологической квалификации, является ментальным явлением, не имеющим прямого материального выражения. Одновременно с этим слово (речь) организуется в форме материального процесса: ее произнесение реализуется с помощью речедвигательных органов говорящего человека, звучание слов воспринимается органом слуха и может быть различным способом записано, сохранено, воспроизведено. Это значит, что речь представляет собой материальное явление. Мы исследуем вопрос, как соотносятся между собой эти две сущности, обратившись к богатой истории исследований речи в разных областях науки и проанализировав эмпирические материалы, полученные нами в результате многолетней работы.

### Литература

*Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания / Отв. ред. А.В. Брушлинский, В.А. Кольцова. М.: Наука, 2001. 279 с.

*Бейтс Э.* Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика / Под ред. А.М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 50–103.

*Белова С.С., Носуленко В.Н., Ушакова Т.Н.* Использование видеонаблюдения для выявления скрытых процессов предречевого развития младенца // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 2. С. 66–81.

*Воронин Л.Г.* Эволюция высшей нервной деятельности / Очерки. М.: Наука, 1977. 128 с.

*Гвоздев А.Н.* От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 322 с.

*Кравков С.В.* Очерк общей психофизиологии органов чувств. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 69 с.

*Крушинский Л.В.* Биологические основы рассудочной деятельности: Эволюционные и физиолого-генетические аспекты поведения. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1986. 270 с.

*Лисина М.И.* Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 144 с.

*Пиаже Ж.* Схемы действия и усвоение языка // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 133–137.

*Скворцов И.А.* Развитие нервной системы у детей (нейроонтогенез и его нарушения): Учебное пособие. М.: Тривола, 2000. 208 с.

- Скиннер Б.Ф.* Поведение организмов. М.: Оперант, 2016. 368 с.
- Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика: Сборник статей / Сост. А. М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 143–207.
- Ушакова Т.Н.* Природа осмысленности слова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 248 с.
- Ушакова Т.Н.* Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.
- Ушакова Т.Н., Белова С.С., Громова Е.Е.* Раннее речевое развитие ребенка и его природные основания // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 44–57.
- Фирсов Л.А.* Поведение антропоидов в природных условиях. Л.: Наука, 1977. 163 с.
- Щелованов Н.М., Аксарина Н.М.* Воспитание детей раннего возраста в детских учреждениях. М.: Медгиз, 1955. 340 с.
- Bates E., Devescovi A., Wulfeck B.* Psycholinguistics: a cross-language perspective // Annual Review of Psychology. 2001. V. 52. P. 369–396.
- Skinner B.F.* Verbal behavior. Acton, MA: Copley Publishing Group. N. Y.: Appleton-Century-Crofts Inc., 1957.

## THE BIRTH OF AN IMPLEMENTED WORD IN A YOUNG CHILD

**Tatyana N. Ushakova**

Academician of RAE, Professor, Chief researcher  
Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences  
13, Jaroslavskaja ul., Moscow, Russian Federation, 129366  
*tn.ushakova@gmail.com*

The current study looks at the relationship between two distinct substances of the human psyche – the mental (subjective) and the material (verbal) – in the context of comprehending the nature of word awareness. The study presents results from a long-term empirical study of the vocal and motor actions of infants in their first year of life. It analyzes the main forms of the nervous system's responses that lead to awareness of actions and then words, with an emphasis on innate abilities: sensitivity, activity, and learning ability. It is shown that further child development processes can be regarded as the continuous formation, storage and usage of semantic contents. This aspect represents a research of the so called “small psychophysiological problem”, i.e. that of interrelation of mental and material sides of language.

**Keywords:** empirical study, small psychophysiological problem, awareness of words, sensitivity, activity and learning ability

*Ananjev B.G.* Psihologija chuvstvennogo poznanija [The psychology of sensory cognition] / Otv. red. A.V.Brushlinski. V.A.Kolzova. M.: Nauka, 2001. 279 p. (In Russian).

*Beits E.* Intenzii, konvenzii i simvolj [Intentions, conventions and symbols] // Psiholingvistika [Psycholinguistics] / Pod red. A.M. Shahnarovitca. M.: Progress, 1984. P. 50–103. (In Russian).

*Belova S.S., Nossulenko V.N., Ushakova T.N.* Ispolzovanie videonabljudenija dlja vyjavlenija skrytyh processov predrechevogo razvitija mladenca [Using video surveillance

to identify hidden processes of pre-speech development of an infant] // *Experimentalnaja psihologija* [Experimental psychology]. 2016. Volume 9. Issue. 2. P. 66–81. (In Russian).

*Voronin L.G.* Evolucija vuschej nervnoj dejatel'nosti [Evolution of higher nervous activity]. M.: Mir, 1977. 128 p. (In Russian).

*Gvozdev A.N.* Ot pervyh slov do pervogo klassa: dnevnik nauchnyh nabljudenij [From First Words to First Grade: A Diary of Scientific Observations]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1981. 322 p. (In Russian).

*Kravkov S.V.* Otcerk obschej psihofiziologii organov tchuvstv [Essay on the general psychophysiology of the sense organs]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1946. 69 p. (In Russian).

*Krushinskij L.V.* Biologičeskije osnovy rassudochnoj dejatel'nosti [Biological bases of mental activity]. M.: Nauka, 1986. 270 p. (In Russian).

*Lissina M.I.* Problemy ontogeneza obščhenija [Problems of ontogenesis of communication]. M.: Pedagogika, 1986. 144 p. (In Russian).

*Pijage G.* Shemy dejstvija i usvoenije jazyka [Action patterns and language acquisition] // *Semiotika* [Semiotics] / Pod red. Ju. S. Stepanova. M.: Raduga, 1983. P. 133–137. (In Russian).

*Skvorzov I.A.* Razvitije nervnoji sistemy u detej (nejroontogenez i jego naruchenija) [The development of the nervous system in children (neuroontogenesis and its disorders): Textbook]. M.: Trivola, 2000. 208 p. (In Russian).

*Skinner B.F.* Povedenije organizmov [Behavior of organisms]. M.: Opernt, 2016. 368 p. (In Russian).

*Slobin D.* Kognitivnye predposylki razvitija grammatiki [Cognitive prerequisites for the development of grammar] // *Psiholingvistika* [Psycholinguistics] / Pod red. A.M. Shahnarovitca. M.: Progress, 1984. P. 143–207. (In Russian).

*Ushakova T.N.* Priroda osmyslennosti slova [The nature of word comprehension]. M.: izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. 248 p. (In Russian).

*Ushakova T.N.* Rozhdenije slova. Problemy psihologii retci i psiholingvistiki [The birth of the word. Problems of speech psychology and psycholinguistics]. M.: izd-vo "Institut psihologii RAN", 2011. 524 p. (In Russian).

*Ushakova T.N., Belova S.S., Gromova E.E.* Rannee retchevoe razvitie rebenka i ego prirodnye osnovanija [Early speech development of a child and its natural foundations] // *Voprosy psihologii* [Psychology Issues]. 2007. Issue 2. P. 44–57. (In Russian).

*Firsov L.A.* Povedenije antropoidov v prirodnyh uslovijah [The behavior of anthropoids in natural conditions]. L.: Nauka, 1977. 163 p. (In Russian).

*Stchelovanov N.M., Askarina N.M.* Vospitanije detej rannego vostrasta v detskih uchrezdenijah [Education of young children in child care institutions]. M.: Medgis, 1955. 340 p. (In Russian).

*Bates, E., Devescovi, A., Wulfeck, B.* (2001). Psycholinguistics: a cross-language perspective // *Annual Review of Psychology*. V. 52. P. 369–396.

*Skinner, B.F.* (1957). *Verbal behavior*. Acton, MA: Copley Publishing Group. N. Y.: Appleton-Century-Crofts Inc.

## РЕЦЕНЗИИ

Сигал К.Я. Теория словосочетания и речевая деятельность /К.Я. Сигал; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М. Ярославль: Издательство «Канцлер», 2020. – 418 с.

Рецензируемая книга представляет собой фундаментальное исследование функционирования словосочетаний в речевой деятельности. В ней проведен удачный синтез богатейшего теоретического опыта описания словосочетаний, накопленного в отечественной синтаксической традиции, с новейшими экспериментальными исследованиями речевой деятельности носителей русского языка в плане оперирования словосочетаниями и рефлексии над ними.

«Русская синтаксическая традиция возникла и длительное время развивалась как учение о словосочетании, и традиция эта по существу никогда не прерывалась» [Моисеев 1977: 54]. Это высказывание может быть использовано в качестве эпиграфа к **Главе 1**, носящей программное название «**О природе словосочетания (теория и эксперимент)**».

Обращение автора к проходившей в середине 1970-х годов дискуссии о том, представляет ли словосочетание лингвистический конструкт или относится к реальным единицам языка, является в книге закономерным. Объединяя теорию и психолингвистический эксперимент, К.Я. Сигал показывает, что на современном этапе использование психолингвистических методик позволяет экспериментально проверить, относится ли словосочетание к реальным единицам психолингвистического уровня, а именно к таким «данностям языковой способности, известным психическим образам или аналогичным им образованиям, которые могут быть осознаны носителем языка» [Леонтьев 2006: 72], и что для этого «словосочетание должно быть рассмотрено в перспективе речевой деятельности» (с. 6). Для этой цели автор предлагает психолингвистический эксперимент, поставленный «с целью экспликации метаязыковых представлений о словосочетании и с целью обнаружения прототипа словосочетания в языковом сознании обычных носителей языка (т.е. нелингвистов)» (с. 17).

Эксперимент, проведенный в 2007 г. со студентами I курса Колледжа МИД РФ (51 участник) состоял в том, что каждый получил анкету, где было два задания 1) «Что такое словосочетание?» (дайте его определение) и 2) «Придумайте и напишите любые 3 словосочетания в течение 1 минуты».

Анализ результатов показал, «что прототипический образ словосочетания связан у взрослых носителей языка с субстантивными словосочетаниями в целом» (с. 62), что «шкалу приоритетности составили: согласование > управление > примыкание», что «наряду со стратегией «придумывания» некоторые участники эксперимента использовали и стратегию «припоминания», о чем свидетельствуют отдельные речевые реакции, представляющие собой словосочетания-термины (*файловая система, компьютерная обработка* и др.) и прецедентные словосочетания (*великолепная пятерка, ликвидация безграмотности*)», и что «82,8% реакций собственно словосочетаниями «канонического» типа доказывают закрепление в коллективном языковом сознании за метаязыковой «этикеткой» (термином) *словосочетание* исключительно подчинительных сочетаний слов» (с. 64).



Результаты эксперимента, на наш взгляд, особенно ценны тем, что, с одной стороны, показывают, что генерируя словосочетания, участники задействовали как стратегии «припоминания», так и «придумывания», и с другой стороны, что у всех испытуемых существуют «метаязыковые представления о словосочетании, совпадающие по ряду признаков», то есть, что «словосочетание имеет статус психолингвистической единицы».

Первый аспект ценен тем, что подтверждает теоретическое предположение А.А. Леонтьева о том, что словосочетание является не только единицей «языкового стандарта», но и единицей «языковой способности и языкового процесса» [Леонтьев 2006: 59]. «В свете теории речевой деятельности словосочетание предстает как особая синтаксическая форма (= оперативный формат, используемый при порождении предложения-высказывания) и как лексико-синтаксический штамп (= собственно оперативная единица)» (с. 41). Такой подход открывает широкие возможности для психолингвистического обоснования лингвокреативности, предполагающей смысловую компрессию за счет нестандартного наполнения «языковых стандартов», присутствующих в сознании носителей языка. Например, *гадливая гримаса страдания* (на лице повесившегося) или *лихорадочное небо* (в восприятии человека в жару) из «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, определяющие не столько денотат, сколько состояние воспринимающего субъекта.

Второй аспект связан с осмыслением идеи «прототипического образа словосочетания», в качестве которого в результате эксперимента устанавливается субстантивно-адъективные сочетания типа *белый флаг* или *золотое кольцо*. Автор подчеркивает, что, хотя некоторые информанты и приводили примеры сочинительных словосочетаний, в коллективном языковом сознании за термином «словосочетание» закреплены исключительно подчинительные сочетания (82,8% реакций). Вообще, автор пытается избежать обозначения «сочинительные словосочетания» и предпочитает говорить о «сочинительных конструкциях», считая словосочетаниями только конструкции, построенные на подчинительной связи.

В качестве научной дискуссии хотелось бы поставить вопрос о том, в какой степени такая трактовка словосочетания, (впрочем, убедительно поддерживаемая результатами эксперимента с носителями русского языка), является лингвоспецифичной. Понятно, что в таком флективном языке, как русский, сильная маркированность синтаксической связи, присутствующая в конструкциях с согласованием, интуитивно воспринимается как показатель структурного единства. В аналитических языках, например в английском, согласование отсутствует. В некоторых германских языках (немецком, скандинавских) атрибутивным словосочетаниям с относительными прилагательными регулярно соответствуют сложные слова, например, *золотое кольцо* по-датски – это *guldbring*. В скандинавской синтаксической традиции подчинительные словосочетания (гипотагмы) четко противопоставляются сочинительным (паратагмам). И «прототипический образ» сочинительного словосочетания, должно быть, присутствует в языковом сознании носителей этих языков. Об этом свидетельствует присутствие в современном датском языке так называемых синонимических дублетов. Это бинарные сочинительные конструкции, всегда (независимо от их частеречной принадлежности) образующие ритмическое, а часто аллитерационное (идущее еще от древнегерманского аллитерационного стиха) или рифмованное единство: *fyr og flamme* досл. ‘огонь и пламя’ (в значении «страстная увлеченность»), *først og fremmest* досл. ‘первое и ближайшее’

(в значении «прежде всего»), *kort og godt* досл. ‘коротко и хорошо’ (в значении «коротко и ясно»), *vende og dreje* досл. ‘поворачивать и вращать’ (в значении «обсуждать со всех сторон»). Хорошо известно, что падение реляционных показателей синтаксических связей усиливает значимость позиционного синтаксиса. Поэтому в скандинавских языках также возрастает значимость структурирования многокомпонентных словосочетаний. Можно даже говорить о наличии «синтагматического менталитета», различающего такие близкородственные языки как датский и шведский по принципу *дистантность vs. контактность* ближайших синтаксических связей и определяющего некоторые существенные различия в структурировании синтаксических групп, многокомпонентных сложных слов и даже расхождения в тенденциях орфографического нормирования [Никуличева 2000].

**Глава 2 «Метаязыковое осознание словосочетаний во внеэкспериментальных условиях»** построена на обследовании контекстов НКРЯ, где употреблено понятие «словосочетание». На основании наблюдения о том, что «единой металексемой *словосочетание* рядовые носители языка охватывают весь спектр словосочетаний, функционирующих в речи и имеющих в метаязыке лингвистики автономные терминологические обозначения (ср., например, *свободное словосочетание, лексически / синтаксически несвободное словосочетание, фразеологическое сочетание, терминосочетание* и т. д.) делается вывод, что «в обыденной метаязыковой рефлексии активно действует тенденция к гиперонимической метаязыковой категоризации словосочетаний» (с. 111).

**Глава 3 «О синтаксической форме словосочетания»** посвящена аналитическому обзору наиболее значимых, «поворотных» представлений о синтаксической форме словосочетания, которые сложились в русистике после Ф.Ф. Фортунатова, стоявшего у истоков формального синтаксиса и поместившего в фокус синтаксического анализа не что иное, как словосочетание.

В **Главе 4 «Является ли свободное словосочетание естественной категорией?»** постулируется многоаспектный подход к определению свободного словосочетания. В рамках теории речевой деятельности К.Я. Сигал солидаризируется с С.Г. Тер-Минасовой, в том, что «свобода словосочетания принадлежит к градуальным понятиям, поскольку в речевом узусе используются в разной степени свободные словосочетания, тогда как модели, по которым они образуются в речи, абсолютно свободны» (с. 156).

Особый интерес в **Главе 5 «О двух типах обязательных атрибутивных компонентов»** представляет анализ синтаксически неразложимых субстантивно-адъективных словосочетаний типа *женщина с миловидным лицом* или *расхохотаться страшным смехом*, предполагающих вследствие семантической неполноты зависимого существительного обязательный атрибутивный компонент.

**«Экспериментальное исследование речевой организации сложных словосочетаний»** продолжено в **Главе 6**. В ее теоретической части проанализированы используемые в русском языке приемы симплификации сложных словосочетаний структуры Adj. + (Adj. + N) (с. 199–202). К таковым автор относит: 1) образование сложного имени прилагательного из двух соподчиненных адъективных компонентов: *темно-металлический кувшин*; 2) образование наречия на -о от дистантно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента (качественного прилагательного): *неестественно праздничное настроение*; 3) образование деадъективного имени существительного от одного из неинициальных соподчиненных адъективных компонентов (чаще всего от контактно-препозитивного): *в голубой беспредельности неба*; 4) сокращение соподчи-

ненного адъективного компонента *маленький* (или его синонима) за счет образования диминутивного производного от детерминирующего субстантивного компонента: *В тесном маленьком коридорчике*; 5) образование на основе детерминирующего субстантивного компонента и контактно-препозитивного соподчиненного адъективного компонента производного имени существительного путем универбации: *темная сырая одиночка*; 7) вынесение одного из соподчиненных адъективных компонентов (как правило, дистантно-препозитивного) за пределы синтаксических границ сложного словосочетания Adj. + (Adj. + N) в правый контекст с целью актуализации обозначаемого им признака: *В татарском городке, тогда еще совсем маленьком*; 8) замена «ядерного» словосочетания N + Adj. синонимичным ему словосочетанием N + N2: *на главных площадях и улицах столицы*; 9) сочинительная синтаксизация, сокращающая количество членов соподчиненного ряда в сложных словосочетаниях с тремя или более адъективными компонентами: *несколько нарядных и юных тоненьких девиц*.

В экспериментальной части главы эксплицированы лингвистические факторы, обуславливающие предпочтение информантами однородных определений неоднородным (и наоборот) при вторичной организации сложных словосочетаний модели Adj. + (Adj. + N) и (Adj. + Adj.) + N. В анкете для эксперимента испытуемым были предложены 18 высказываний с лексико-синтаксической лакуной указанной разновидности *K + K*, *O + O*, *K + O*, *O + K* и к каждому из них по два варианта заполнения лакуны, внешне различающиеся только наличием или отсутствием разделяющего пунктуационного знака – запятой – между определениями-прилагательными. Экспериментальное задание было представлено испытуемым как собственно пунктуационное, и эксплицитно дана ориентировка на смысловой принцип пунктуации. В качестве испытуемых выступили студенты I курса Колледжа МИД РФ (всего 49 чел.). Вторая часть эксперимента проводилась два месяца спустя в той же самой студенческой аудитории, что и первая. От испытуемых требовалось выбрать взаимопорядок соподчиненных прилагательных смешанного лексико-грамматического состава в сложных словосочетаниях Adj + (Adj + N).

Анализ эксперимента показал, что с максимальной частотностью (по 100%) воспроизводятся взаимопорядки «размер + цвет» и «цвет + материал», что свидетельствует об отображении в них типичного направления последовательной субкатегоризации. Делается вывод о том, что предикативные многокомпонентные подчинительные конструкции Adj. + (Adj. + N) принципиально не являются номинативными единицами. Они «создаются в ходе сложного взаимодействия смысловой интенции говорящего / пишущего, связанной с выражением вторичной субкатегоризации предметной сущности» (с. 239).

В Главе 7 на материале субстантивно-адъективных словосочетаний обсуждается «**Эллипсис как речевой процесс**». Независимо от того, как лингвист представляет эллипсис (опущение, усечение, сокращение, предпочтение неполного варианта полному или как-то иначе), ставится задача понять, какие операции и какие условия требуются для его осуществления. Различается Эллипсис I и Эллипсис II. «Эллипсис I возникает в субстантивно-адъективных словосочетаниях, создаваемых *ad hoc* с опорой на такой предшествующий субстантивный компонент – в аналогичном по модели словосочетания или вне его, – который лексически дублируется в эллиптированном главном компоненте субстантивно-адъективного словосочетания»: *Чужая душа – потемки, а кошачья и подавно...* (с. 245). «Эллипсис II охватывает те субстантивно-адъективные

словосочетания, которые извлекаются говорящим / пишущим из внутреннего лексикона (= из памяти) и которыми принято оперировать не только в целостном виде, но и в усеченном: *На меня **наградной** написали. На «Отечественную»... – <лист>* (с. 249).

**Глава 8** носит заглавие «Дислокационно-компрессивная метонимия в сфере субстантивно-адъективных словосочетаний». По определению К.Я. Сигала, «Дислокационно-компрессивная метонимия представляет собой такой тип вторичной синтаксической метонимии, при котором компонент, отделяясь от целостной конструкции, смещается вверх по дереву синтаксической зависимости и ближе к началу линейно-речевой структуры предложения-высказывания, а «остатки» этой некогда целостной конструкции сокращаются. Образованная посредством дислокационно-компрессивной метонимии новая целостная конструкция – субстантивно-адъективное словосочетание – характеризуется «расхождением между грамматической и семантической зависимостью прилагательного» (с. 256). В качестве примера приводится предложение: *Как показали результаты опытов, **больные с поражением передних отделов речевых зон** резко отличались от больных с поражением теменно-затылочных отделов коры. У «передних» больных ошибки носили чисто синтагматический характер.*

Не вполне понятно, почему это явление не включается в тему эллипсиса, рассмотренную автором в предыдущей главе. Синтаксическое стяжение представлено во многих синтаксических моделях, например, *девочка с большими глазами > большеглазая девочка*. Семантическое стяжение усиливается за счет пропуска второстепенных семантических компонентов, восстанавливаемых из контекста, что типично для эллипсиса. Происходит компрессионное стяжение смыслов ключевых слов. Не стоит также забывать, что понимание ключевых слов – это основа процедуры понимания текста. В целом представляется, что тенденция использовать устоявшиеся в лингвистике термины (типа метонимии) в нетерминологическом употреблении может привести к размыванию термина и смысловой нечеткости.

**Глава 9 «Об интеграции словосочетания»** посвящена трансформации словосочетания в сложное слово. В смысловой структуре книги она не играет существенной роли в силу малой значимости этого явления для русского языка в отличие, например, от германских языков. Отмечается, что «интеграция более характерна для русских словосочетаний со связью примыкания, при которой взаимоприспособляемость между компонентами может быть равна нулю» [Милославский 1977: 58], как, например, в прилагательном *быстрозводимый*.

Особый интерес в психолингвистическом плане представляет **Глава 10 «Смысловое восприятие свободного словосочетания вне контекста»**. Экспериментальное исследование, описанное в этой главе, направлено на обнаружение психолого-речевых стратегий, обеспечивающих смысловое восприятие окказиональной реализации модели словосочетания V + N4 с метафорическим глагольным компонентом. Эксперимент был проведен в Колледже МИД РФ среди студентов 1-го курса в 2012 г. Его процедура состояла в следующем: после предъявления испытуемым свободного словосочетания с метафорическим компонентом *исповедовать огород* каждый из них в своей индивидуальной анкете письменно отвечал на два вопроса: 1) Как Вы понимаете это словосочетание? и 2) Кто, по Вашему мнению, мог его употребить?

Приведем два наиболее типичных ответа: 1. «*В моем понимании, исповедь – это очищение. В церковном лексиконе употребляется в значении очищения души от мирских*

грехов. Следовательно, исповедовать огород – значит приводить его в нормальный вид, очищать от сорняков». 2. «Употребить это словосочетание мог внук бабушки, заядлой огородницы, вероятно, в споре: «Да ты ничего не понимаешь! Исповедуешь свой огород и больше ничего не видишь вокруг!» (с. 286).

Эксперимент интересен тем, что убедительно демонстрирует, что понимание – это всегда введение во внутренний контекст. Очевидным становится различие фонового знания и опыта информантов. Общий вывод главы заключается в том, что «при смысловом восприятии адресат оперирует свободным словосочетанием как относительно автономной сложной структурой и что вне контекста оперирование свободным словосочетанием носит вариативный характер» (с. 291).

**Глава 11 «Прагматическая ценность синтаксических синонимов»** посвящена доказательству тезиса о том, что полных синтаксических синонимов не существует. «Каждая поверхностная языковая структура имеет свою собственную глубинную структуру, психологическую, когнитивную. Синонимичные языковые структуры в потоке речевой деятельности появляются... одна вместо другой. Причем это происходит не случайно, не по произволу говорящего, а по предписанию думающего, в полном соответствии с тем, что совершается на уровне довербального кода: выбора как такового нет, он предрешен» [Шахнарович 2001: 669–670]. На примере употребления словосочетаний *запах жасмина* и *жасминный запах* из рассказа А.П. Чехова «Тина» автор иллюстрирует примерно ту же мысль, которую ранее высказывал А.М. Пешковский: «При словах *кольцо из золота* мы представляем себе два предмета, совершенно отдельные: *кольцо* и *золото*, ... При словах же *золотое кольцо* мы представляем себе только один предмет – *кольцо*, а о *золоте* как об отдельном предмете не думаем [Пешковский 2001: 81].

**В Главе 12 проводилось «Экспериментальное исследование лексической структуры словосочетания». Исследовались ограничения, накладываемые лексической семантикой в рамках атрибутивного словосочетания. Эксперимент проводился со студентами МГГУ им. М.А. Шолохова в 2005 г. Для 1-й серии эксперимента было предложено семь конкретных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Водоемы»: *ручей, болото, море, пруд, озеро, река, океан*; для 2-й серии эксперимента – пять абстрактных имен существительных, относящихся к тематической парадигме «Протяженность»: *высота, глубина, длина, толщина, ширина*. Требовалось дать по 5 атрибутивных словосочетаний. Анализ результатов эксперимента показал, что: 1) существительные (в особенности конкретные) гораздо в большей степени предсказывают семантический тип и лексическое выражение признака в том или ином зависимом прилагательном, а прилагательные обладают меньшей предсказующей семантической силой по отношению к существительным (с. 342); 2) среди реакций на стимулы, относящиеся к одной и той же тематической парадигме, встречаются одни и те же слова (т.е. лексемно совпадающие реакции) 3) атрибутивная валентность абстрактных существительных в большей степени способствует проявлению в речи креативного потенциала словосочетания (ср. *активная высота, нитеподобная длина, пустая ширина*); 4) структурная схема атрибутивных словосочетаний N + Adj. является в высшей степени продуктивной, а реализующие ее конкретные словосочетания – скорее производимыми, чем воспроизводимыми структурами. Среди реакций на всех этапах обеих серий эксперимента преобладают единичные и при этом мало высокочастотных реакций.**

В Главе 13 «О лексикализации словосочетаний» исследуются словосочетания с однокоренными компонентами, образованные по схеме V + Adv. (*ревмя реветь, ливмя лить(ся), сидмя сидеть* и др.). Устанавливается, что они «являются в значительной степени лексикализованными, так как их круг предельно ограничен и не пополняется новыми одноструктурными образованиями» (с. 348). Лексикализация словосочетаний называется продуктивным языковым (и, вне сомнения, когнитивным) процессом, отражающим тенденцию в речемыслительной деятельности говорящего / пишущего к мнемическому обособлению моделей словосочетаний (с. 353).

В Главе 14 «Прецедентное словосочетание в речи: генезис и употребление» прецедентные словосочетания определяются как словосочетания, которые «связаны с классическими текстами национальной культуры, несут на себе культурную коннотацию цитатности и ощущаются носителями языка как подчеркнуто-воспроизводимые» (с. 355). В главе предпринята попытка осмыслить явление прецедентности в сфере словосочетаний на материале одного конкретного прецедентного словосочетания – *скупая мужская слеза*, восходящего к рассказу М. Шолохова «Судьба человека» (1956 г.).

Глава 15 «О речевой феноменологии словосочетания» носит обзорный характер. В ее рамках рассмотрены такие явления, как синтаксическая контаминация, синтаксическая свертка словосочетания, сдвиг в рамках словосочетания от переходности к непереходности и модальный синтаксис словосочетания.

Синтаксические контаминации «возникают в процессе речи, когда говорящий, формулируя мысль, опирается на определенную конструкцию, а затем отходит от нее и как бы соскальзывает на другую, тождественную или близкую первой. Ср.: *неправильное поднять тост < поднять бокал + предложить тост*» (с. 364). Контаминация словосочетаний принадлежит к такого рода речевым образованиям, мотивированность которых может иметь более глубокие основания, чем стилистическое задание, и является «естественным» инструментом анализа психолингвистического механизма производства vs. воспроизводства словосочетания в речи.

Модальному синтаксису, по замыслу Г.Я. Солганика, который выделил это направление и предложил обозначающий его термин, надлежит изучать то, как на всех уровнях синтаксического механизма отображается фигура говорящего / пишущего и как в синтаксической организации речи (от словосочетания до текста) преломляется его Я, субъективная модальность [Солганик 2010]. Рассматривая использование модальных слов внутри словосочетаний типа: *вялый молодой человек со стройной, впрочем, фигурой...* или *На виске у него был шрам, очевидно – от пули*, К.Я. Сигал приходит к выводу, что «говорящий / пишущий оперирует словосочетанием так, как если бы оно не было готовой к употреблению структурой, стремясь выразить в форме словосочетания новые, в частности, субъективно-модальные, значения» (с. 389).

В **Заключении** автор подводит основные итоги и подчеркивает основные выводы о том, что словосочетание то производится, то воспроизводится в речи; что в сфере словосочетаний представлены разные типы воспроизводимости, что развертка словосочетания в речи организована не только в синтаксическом, но и в лексическом плане и что семантика словосочетания в речи вбирает в себя не только значения компонентов и смысловые отношения между ними, но и смысловые «приращения», обусловленные тем, как и из какого номинативного материала было построено словосочетание, каков синонимический потенциал словосочетания, были ли применены трансформации при

его создании, каковы дискурсивные связи словосочетания, какие знания о мире и установки способствовали развертке словосочетания.

Книга К.Я. Сигала иллюстрирует новую ступень в развитии теории словосочетания, объединяя широчайший спектр теоретических проблем с тщательно верифицированным и доказательным психолингвистическим экспериментом. Исследование представляет глубокий интерес не только для русистов, специалистов в области синтаксиса, но и для лингвистов-когнитологов, изучающих соотношение языка и мышления.

### Литература

*Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. 3-е изд. М.: УРСС, 2006. 243 с.

*Милославский И.Г.* Синтез словосочетания и производного слова // Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 53–61.

*Моисеев А.И.* Некоторые вопросы теории словосочетания // Филологические науки. 1977. № 2. С. 54–60.

*Никуличева Д.Б.* Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. Контрастивный анализ. М. – СПб.: БСК, 2000. 400 с.

*Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.

*Солганик Г.Я.* Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта, 2010. 132 с.

*Шахнарович А.М.* Избранные труды. М.: Гуманитарий, 2001. 727 с.

*Д.Б. Никуличева,*  
д.ф.н., проф., г.н.с. Института языкознания РАН

# ИНФОРМАЦИЯ

## ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: [editorial-vpl@yandex.ru](mailto:editorial-vpl@yandex.ru).

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

Образец

УДК 00000

### НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

**Фамилия, имя, отчество автора полностью**  
ученая степень, должность, место работы,  
почтовый индекс и адрес места работы,  
электронный адрес

### ГЛОБАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ НОРМЫ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ УСЛУГ

**Иванов Иван Иванович**  
кандидат филол.наук,  
доцент кафедры иностранных языков МФТИ  
117198, Москва, ул. Керченская, д.1 А, корп. 1  
[ivanov@yandex.ru](mailto:ivanov@yandex.ru)

### Аннотация на русском языке (150-250 слов)

(Слово «Аннотация» не пишется, содержание аннотации должно отражать структуру и логику статьи: чему посвящена статья, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог исследования; аннотация **не должна содержать общих слов**)

**Ключевые слова:** слово, слово, слово, слово (10-15)

### Основной текст статьи

**Рекомендуемая структура основного текста (рубрики должны быть выделены полужирным шрифтом на отдельной строке, выравнивание по ширине, абзац, без точки):**

- **Введение**
- **Тематические подзаголовки**
- **Дискуссия (обсуждение)**
- **Резюме (выводы)**
- **Литература (на языке оригинала источника)**



## ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – Times New Roman. Страницы текста НЕ нумеруются.

Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; междустрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически.

Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»);

Строго различать знаки «-» (дефис) и «-» (тире); двойное веб-тире «—» не допускается.

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

Примеры в тексте выделяются курсивом. Если примерами являются относительно большие фрагменты текста, то предпочтительнее их выделить меньшим размером шрифта – 12.

### Сноски

Оформление текста сносок: размер шрифта – 10; междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1,25.

**Ссылка** на грант дается в сноске после названия статьи внизу первой страницы под чертой:

Образец

**НАЗВАНИЕ СТАТЬИ<sup>1</sup>**

**ФИО автора**

должность, место работы, адрес, электронный адрес

**Аннотация**

**Ключевые слова**

Текст, текст

**Сноска внизу под чертой**

---

<sup>1</sup> *Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.*

### Таблицы, диаграммы, графики

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью. Указание номера таблицы **Таблица №** дается перед таблицей (курсив, полужирный, выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, шрифт 12, обычный, полужирный, интервал одинарный, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, междустрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – «нет».

Примечание, если есть, располагается под таблицей: слово *Примечание* курсивом, 10 шрифт, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

*Таблица №1*

**Название таблицы**

Название рубрики	Название рубрики	Название рубрики
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст	текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст

*Примечание:* текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст

**Иллюстрации**

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией, снабжаются краткими и точными подписями. Слово *Рисунок* (сокращенно *Рис.*) располагается под иллюстрацией, цифра с точкой без использования знака №; название рисунка с прописной буквы, шрифт 12, обычный, интервал одинарный, выравнивание по ширине.

Примечание к рисунку, если есть, располагается под его названием, шрифт 10, слово *Примечание* курсивом, одинарный интервал, выравнивание по ширине, после двоеточия шрифт обычный.

Образец

*Рис. 1.* В.фон Гумбольдт – создатель научной лингвистики.

*Примечание:* Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – великий ученый, государственный деятель, основатель Берлинского университета, занимался языкознанием, поэзией, философией.

**Литература**

Литература **на русском языке** оформляется в соответствии с действующими нормами **ГОСТ Р 7.0.5-2008** (для e-library); литература **на английском языке** оформляется в соответствии с рекомендациями **APA style references**.

Список литературы (не менее 15 наименований, из которых половина изданы за последние **пять лет**) дается в алфавитном порядке, фамилии выделяются курсивом, пробел ставится между фамилией и инициалами, внутри инициалов пробела нет.

Номер источника по порядку не ставится, абзацный отступ – 1,25.

Для каждого источника указывается количество страниц (монографии, учебники, пособия, авторефераты диссертаций и проч.) или интервал страниц (статьи, рецензии и проч.).

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18]; интервал страниц обозначается знаком тире (–) без просветов: [Иванов 2000: 18–25].

В монографиях страницы указываются сокращенной маленькой буквой после цифры (450 с.), в статьях – прописной буквой перед цифрами (С. 76–86). Никаких других знаков тире в оформлении библиографии не используется.

Ссылки на Интернет-источники в тексте даются по фамилии автора [Акимова [http](http://)] или по первому слову названия источника [Большая... [http](http://)] («Большая российская электронная энциклопедия»).

*Образец*

#### **Источники на русском языке**

##### **Статья в журнале (сборнике):**

*Адорно Т.В.* К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 76–86.

##### **Монография:**

*Тарасова В.И.* Политическая история Латинской Америки: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Проспект, 2006. 450 с.

##### **Диссертация:**

*Фенухин В.И.* Этнополитические конфликты в современной России: на примере Кавказского региона: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2002. 225 с.

##### **Автореферат диссертации:**

*Глухов В.А.* Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Новосибирск, 2000. 18 с.

**Интернет-документ:** Родари Дж. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/121295> (дата обращения: 15.11.2018).

\*\*\*

**После основного текста** статьи помещаются краткие сведения о ней **на английском языке:**

- название статьи на английском языке;
- сведения об авторе/авторах на английском языке (перевод русской аффилиации);
- аннотация на английском языке (150-250 слов). Слово «Abstract» не пишется, аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке;
- ключевые слова: **Keywords** (10-15).
- **References:** транслитерация русского списка литературы (см. <http://translit.net>) и перевод названия книги/статьи/сборника на английский язык.

*Образец*

#### **GLOBAL COMMUNICATION NORMS IN RUSSIAN SERVICE SECTOR**

**Ivan I. Ivanov**

associate Professor of foreign languages MIPT  
1, korp. , Kerch str., Moscow 117198  
[ivanov@yandex.ru](mailto:ivanov@yandex.ru)

**Abstract:** *Text, text, text, text, text, text,*

**Keywords:** *word, word, word, word, word*

**Источники с транслитерацией и переводом на английский язык**  
**References**

В источниках **на русском языке** переводятся все выходные данные, транслитерируется фамилия автора и название статьи, год издания ставится после места издания, указываются страницы, в конце в скобках отмечается, что источник на русском языке (In Russian).

**Монография:**

*Nenashev M.F.* Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow: Krom Publ., 1993. 221 s. (In Russian).

**Статья:**

*Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V.* Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo* [Oil Industry], 2008, no. 11. S. 54–57. (In Russian).

**Интернет-документы:**

*Anoxin K.V.* Mozg i razum [Brain and Mind] // Academia. Lekcii na kanale kultura [Lectures on the culture channel] [https://tvkultura.ru/video/show/brand\\_id/0898/episode\\_id/156199/video\\_id/156199/](https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/0898/episode_id/156199/video_id/156199/) (retrieval date: 05.07.2019). (In Russian).

В источниках **на английском языке** (оригинал) фамилия автора/авторов отделяется запятой от инициалов, после чего в круглых скобках указывается год издания, количество страниц не указывается.

**Монография:**

*Baker, M.* (1992). In Other Words. London: Routledge.

*Arbib, M.A.* (2012). How the brain got language: The mirror system hypothesis. New York, NY: Oxford University Press.

**Статья:**

*Arbib, M.A.* (2005). From Monkey – like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // *Behavioral and Brain Sciences*. 28. P. 105–167.

*Alexieva, B.* (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. *The Translator*, Vol. 2, No. 2, P. 153–175.

**Интернет-документы:**

*The Economist. A Hollow Superpower* [Elektronic source]. URL: <https://www.economist.com/leaders/2016/03/19/a-hollow-superpower> (retrieval date: 21.03.2016).

**Вниманию авторов!**

Процент оригинальности текста статьи для публикации в журнале должен быть не ниже 85.

Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.



Вышел из печати двухтомник:

**Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова**

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) (Европейская часть России).

Том 1. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: [info@mmamos.ru](mailto:info@mmamos.ru)

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт языкознания Российской академии наук  
и Российский университет дружбы народов  
**28-29 мая 2021 г.**  
проводят Международную конференцию  
**«ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ-8»**

***Основная проблематика***

- Языковое и неязыковое сознание: проблемы онтологии и гносеологии
- Онтологические и гносеологические аспекты формирования профессионального образа мира
- Динамика и вариативность языковой картины мира (обыденного языкового сознания) современных носителей русского языка/культуры
- Конфликтотенные элементы современной языковой картины мира
- Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте.
- Детская речь и онтогенетический аспект формирования профанного (обыденного) образа мира
- Речевое общение: проблемы анализа
- Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика
- Текст, претекст, интертекст, гипертекст: проблемы анализа
- Ценности современной России в психолингвистических исследованиях

**Приветствуется** организация круглых столов и мастер-классов. Соответствующие заявки принимаются **до 1 февраля 2021 года**. Круглый стол будет включен в программу конференции при условии участия в нем не менее пяти человек.

***Условия участия в конференции***

До **1 февраля 2021 г.** необходимо предоставить в оргкомитет *заявку* на участие в конференции (см. приложение) и *материалы* для публикации (тезисы) по адресу [zhizn-jazyka@yandex.ru](mailto:zhizn-jazyka@yandex.ru).

**Убедительная просьба** посылать заявку и тезисы **ДВУМЯ** отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (Иванов\_заявка, Иванов\_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию (Иванов).

Тел. для справок: +7(495) 690–14–64 (отдел психолингвистики). Сборник материалов планируется издать к началу конференции. Рассылка печатной версии сборника не предусмотрена: заочные участники получают pdf-версию сборника по электронной почте после проведения конференции.

